

ISSN 0042-8779

ВИА

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

7

2017

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

7/2017 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- И.В. Омелянчук** — Монархисты в 1905—1917 гг.: от триумфа к катастрофе 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Е.В. Сироткина** — Дьюла Андраши 22

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- Ф.Л. Сеницын** — Политическое положение на оккупированной территории СССР в первый период Великой Отечественной войны (июнь 1941 г. — ноябрь 1942 г.) 40

СООБЩЕНИЯ

- А.А. Иванов** — Дуэльные злоключения Ф.И. Родичева 52

- А.В. Маньков, Е.К. Минеева** — Российский революционный терроризм 67

- О.Ю. Бухаренкова, В.Г. Егоров** — Ремесло как феномен городского быта России второй половины XIX в. 77

Выходит
с 1926 года

ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

А.С. Манойленко, Ю.Е. Манойленко — «Борьба за дворянство» лиц иудейского исповедания в Российской империи в XIX— начале XX в.	92
А.Н. Андреев, Ю.С. Андреева — Французская слобода Васильевского острова в Санкт-Петербурге в XVIII в.	111

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

С.С. Войтиков — Объявление массового красного террора 2 сентября 1918 г. — инициатива масс или единственный акт Я.М. Свердлова?	127

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Л.Н. Хаховская — Первоначальная коллективизация в оленеводстве на Чукотке (1931—1933 гг.)	145
И.В. Курышев — Деструктивное поведение сибирских партизан и повстанцев в годы Гражданской войны	153
А.С. Божич — Сдача крепости Порт-Артур 20 декабря 1904 г.	160
Сечжин Чжун — Причины и ход Кавказской войны в XIX в.	169

Монархисты в 1905—1917 гг.: от триумфа к катастрофе

И.В. Омелянчук

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть эволюцию правого движения от его зарождения в годы Первой русской революции до краха в феврале 1917 г. и выявить причины ухода монархистов с политической сцены.

Ключевые слова: Первая русская революция, монархические партии, Союз русского народа, первая мировая война, Февральская революция.

Abstract. The article attempts to examine the evolution of the right movement from its birth in the years of the First Russian Revolution to the collapse in February 1917 and to reveal the reasons for the departure of monarchists from the political scene.

Key words: The First Russian Revolution, Monarchist parties, Union of the Russian people, The First World War, the February Revolution.

Правомонархическое (консервативное, черносотенное) движение возникло в период Первой русской революции как ответ на попытки оппозиционных сил изменить традиционную политическую систему, а манифест 17 октября 1905 г., легализовавший существование политических партий, создал условия для институционализации правого лагеря, объединившего в своих рядах несколько десятков всероссийских и региональных монархических союзов и организаций, выступавших за сохранение самодержавия. Лидером черносотенного движения стал созданный в ноябре 1905 г. Союз русского народа (СРН) — самая массовая черносотенная организация, на порядок превосходившая по численности другие монархические партии и со временем включившая большинство из них в свой состав на правах отделов.

Именно помощь СРН, насчитывавшего в своих рядах, по самым скромным подсчетам, более 400 тыс. чел., стала одним из факторов, позволивших самодержавию выдержать натиск Первой русской революции. Бывший обер-прокурор Св. Синода, видный правый деятель А.А. Ширинский-Шихматов позже писал Николаю II: «В течение не-

Омелянчук Игорь Владимирович — доктор исторических наук, профессор Владимирского государственного университета. E-mail: Omeliyanchuk@mail.ru.

Omeliyanchuk Igor V. — doctor of historical sciences, professor of the Vladimir State University. E-mail: Omeliyanchuk@mail.ru.

скольких месяцев монархисты без всякой внешней поддержки, а в некоторых местах при явно недоброжелательном к ним отношении представителей администрации и, следовательно, безусловно, по собственному побуждению, организовали столь многочисленные сообщества и дали столь могущественный отпор революционерам, что отстояли исторические начала Русского государства»¹. Этот факт признавали и представители власти. Характерно донесение Тульского губернатора товарищу министра внутренних дел С.П. Белецкому: «Монархическая организация Союза русского народа сыграла в Туле громадную роль в дни наивысшего развития в империи революционного движения — это в 1905 году»². Даже П.А. Столыпин, в общем-то не жаловавший правых, признавал, что СРН в 1905—1906 гг. сыграл «крупную, можно сказать историческую роль», оказав «существенную помощь и содействие правительству в деле подавления революционного движения»³.

Однако после третьеиюньского переворота, знаменовавшего собой окончание Первой русской революции, власть перестала нуждаться в помощи монархических партий для «водворения порядка» в стране. Более того, самая многочисленная правая организация (СРН) с ее неприятием главного устоя третьеиюньской системы — Государственной думы — и вытекающими отсюда предпочтениями непарламентских форм политической борьбы, стала представлять определенную опасность для режима «думской монархии», получив ярлык «революционеров справа». Поэтому правительство поспешило дистанцироваться от СРН, не вписывавшегося в сложившуюся политическую систему. С.Ю. Витте вспоминал: «Когда нужда в черносотенцах отпала (в Думе их заменили октябристы), брат Столыпина, публицист в “Новом времени”, сказал по адресу председателя СРН: “Мавр сделал свое дело”»⁴. Приблизительно то же позже заявил и сам лидер СРН А.И. Дубровин: «Союз возник в тот момент, когда в стране царил полная анархия, власти растерялись и спрятались, и Россия должна была погибнуть, но явился Союз, подавил революцию и спас Родину... тогда вновь явились и правители, забрали власть в свои руки и теперь, чувствуя под ногами довольно твердую почву, начинают говорить нам: “Уходите, Союз был нам не нужен, мы и сами управимся”»⁵.

В новых условиях правительству нужен был уже не СРН с его крестными ходами и боевыми дружинами, а политические партии, способные бороться с оппозицией парламентскими способами. Поэтому в ходе избирательной кампании в III Думу правительством была предпринята попытка превратить Союз в партию парламентского типа путем замены его председателя Дубровина на более лояльную к властям фигуру. Выбор пал на В.М. Пуришкевича. В свое время Столыпин способствовал избранию Пуришкевича во II Думу, выделив ему средства на проведение избирательной кампании⁶. Ему же, как проявившему «более понимания и такта», была переадресована и правительственная субсидия, ранее выделяемая Дубровину⁷. К этому времени Пуришкевич, воспользовавшись болезнью председателя СРН, фактически узурпировал власть в Союзе. Его правой рукой стал протоиерей И.И. Восторгов. Позже «продубровинская» газета с возмущением писала: «Восторгов и Пуришкевич быстро дезорганизова-

ли ряды правых и возглавили сами себя, полновластно хозяйничая в правом лагере, который они собирались рассеять», а «мешавший предательской махинации в Петербурге Дубровин был оттеснен»⁸.

Заменив неудобного Дубровина на более покладистого Пуришкевича, правительство намеревалось обеспечить создание в ходе избирательной кампании умеренного правооктябристского блока. Во всяком случае, встав у руля СРН, Пуришкевич «нашел возможным согласиться с предложением бюрократии проводить в Государственную Думу октябристов, и по своему самоволию... стал осуществлять эту идею»⁹, убеждая союзников, что правым выгоден блок с октябристами, так как среди последних только «единицы уклонятся влево... но масса, несомненно, подается вправо»¹⁰. А Восторгов на тайной встрече, организованной по личному поручению Столыпина, договорился с лидером «Союза 17 октября» А.И. Гучковым о создании предвыборной коалиции¹¹.

Однако Дубровин сдаваться не собирался и в ответ на самовольные действия Пуришкевича лишил его «права делать какие-либо распоряжения по Союзу»¹², а съезд председателей отделов СРН, проходивший в Москве 15—19 июля 1907 г., дезавуировал соглашение Восторгова с октябристами¹³ и постановил: считать официальными документами Союза только завизированные лично Дубровиным¹⁴. 20 августа Восторгов попытался склонить на свою сторону Главный Совет СРН. «Дубровинцы» даже утверждали, что он «на «темные [правительственные] деньги пытался подкупить» руководящий орган Союза»¹⁵. Однако Главный Совет также принял сторону Дубровина и своим сентябрьским циркуляром за № 3172 запретил отделам СРН вступать в блок с «партиями, стремящимися к ограничению Царского Самодержавия (от Партии правового порядка и левее)», а также отказался от использования правительственных денег, предписав местным организациям вести предвыборную кампанию, расходуя «только средства специально пожертвованные частными лицами, но отнюдь не пользуясь средствами, предоставляемыми правительством, так как правительство не имеет нравственного права тратить народные деньги, дабы создать при помощи Союза Русского Народа октябристскую Думу»¹⁶.

Потерпев неудачу в попытке трансформировать СРН в партию парламентского типа и окончательно рассорившись с его председателем, Пуришкевич вместе со своими сторонниками вышел из состава Союза и основал новую монархическую партию — Русский народный Союз имени Михаила Архангела (РНСМА). Его Устав, зарегистрированный 11 марта 1908 г., так объяснял создание новой партии: «Причиной возникновения Союза, задачи коего тождественны с задачами Союза Русского Народа, была та смута, которая поднялась в Главном Совете Союза Русского Народа, ставшем местом бесконечных интриг, а не созидательного труда»¹⁷. Но не менее важную роль в возникновении новой монархической организации сыграло правительство, председатель которого, Столыпин, считал, что время уличных манифестаций прошло, и сейчас власти необходимы лояльные политические партии, способные конструктивно работать в стенах Думы. Один из лидеров одесских монархистов Б.А. Пеликан позднее писал, что Столыпин, используя повышенное честолюбие товарища председателя СРН Пуришкевича, способствовал его ссоре с Дуброви-

ным и созданию новой монархической организации — Союза им. Михаила Архангела. По словам Дубровина, Пуришкевич «на свое новое общество (Союз им. Михаила Архангела. — *И.О.*) получил откуда-то 10 тыс.»¹⁸. Орган Ярославского отдела СРН, газета «Русский народ», прямо утверждала, что главным творцом новой организации является «сановная бюрократия»¹⁹.

Созданием своего Союза Пуришкевич пытался реформировать СРН в духе времени и приспособить правую партию к политической деятельности в условиях «думской монархии». Но полноценной заменой Союзу русского народа РНСМА так и не стал. Его численность была на порядок ниже, количество выданных членских билетов не превысило 20 тысяч²⁰.

Неудача с РНСМА, даже не сумевшим сформировать собственную фракцию в Думе, подтолкнула правительство к созданию еще одного варианта партии власти — Всероссийского национального союза (ВНС), конституированного в июне 1908 г. на базе уже существовавшей думской фракции умеренно-правых. Националисты, в отличие от крайне правых, безоговорочно признавали законодательный характер Государственной думы. Однако даже несмотря на присоединение к Всероссийскому национальному союзу партии умеренно-правых и различных русских национальных организаций, расположенных на юго-западных окраинах империи (Киевский клуб русских националистов, Подольский союз русских националистов и др.), ВНС по-прежнему оставался своеобразным политическим клубом для столичной и малороссийской политической элиты умеренно-правого толка. В начале 1911 г. в его составе числилось всего 2500 чел., из которых около 800 проживали в Петербурге²¹. Попытки руководства расширить сеть региональных организаций ВНС накануне выборов в IV Думу ситуацию существенно не изменили. Слабость периферийной структуры Союза дала С.С. Ольденбургу повод утверждать, что «националисты не имели почти никакой организации в стране. Это были, в сущности, умеренно правые беспартийные элементы, объединившиеся только в Г. Думе»²².

СРН же, избавившись от сторонников Пуришкевича, тем не менее не смог сохранить единство своих рядов. Всесословность Союза инициировала новый раскол этой организации. Входившие в его состав представители высших слоев, в первую очередь, помещики, образовали так называемое «обновленческое» течение, примирившееся с существованием третьеиюньской политической системы, символами которой стали Государственная дума и аграрная реформа Столыпина. Эту группу возглавляли члены крайне правой фракции в Думе Н.Е. Марков 2-й и С.А. Володимиров, поддержанные членами Главного Совета СРН Э.И. Коновницыным и В.П. Соколовым, а также члены правой группы Государственного Совета А.А. Римский-Корсаков и М.Я. Говорухо-Отрок. К ним примкнул и Пуришкевич. На противоположной стороне оказались входившие в состав СРН представители низших сословий (крестьянства, мещанства, пролетариата), а также часть интеллигенции. Характерной чертой этого течения стало неприятие третьеиюньской политической системы и, в частности, Государственной думы, являвшейся ее институциональным признаком. Выразителем интересов представителей этих слоев в СРН

стал его председатель Дубровин. Его поддержали Е.А. Полубояринова, академик А.И. Соболевский, Н.Н. Жеденов и др.

Решительное столкновение между двумя группировками было неизбежно. Летом 1909 г. Дубровин, скрываясь от возможного ареста по делу об убийстве члена I Государственной думы М.Я. Герценштейна, покинул Петербург. Этим воспользовались сторонники Маркова 2-го, которые «обновили» состав Главного Совета СРН, добившись в нем численного преобладания (отсюда и термин «обновленцы»). Товарищем председателя Главного Совета в отсутствие Дубровина был избран Э.И. Коновницын. Проиграв схватку в Главном Совете, бывший председатель СРН начал небезуспешную борьбу за провинциальные отделы Союза, в составе которых доминировали представители социальных низов. Дубровин стремился вывести их из подчинения Главному Совету СРН и сделать самостоятельными организациями, координацию действий которых будут осуществлять не келейно избранный малочисленный руководящий орган, проникнутый духом интриг и личного честолюбия, а монархические съезды, реализующие священный для правых принцип соборности. По мнению одного из лидеров «дубровинского» лагеря Соболевского, «есть полное основание рассчитывать, что новый строй преобразованных (самостоятельных. — *И.О.*) организаций будет более полезен для патриотической деятельности, чем старый с умирающим Главным Советом во главе»²³. В ноябре 1911 г., опираясь на поддерживающие его отделы, Дубровин провел съезд своих сторонников в Москве и учредил новую организацию — Всероссийский Дубровинский Союз русского народа (ВДСРН).

Таким образом, пережив два раскола, Союз русского народа разделился на три крупные организации: Всероссийский Дубровинский Союз русского народа, СРН «обновленческий» (или «марковский») и Русский народный союз им. Михаила Архангела Пуришкевича. Кроме того, несколько отделов некогда единого Союза превратились в самостоятельные организации (Киевский СРН, Тверской СРН, Ковровский СРН и др.), как правило ориентирующиеся на Дубровина.

В конце 1911 г. «Русское знамя» выделило в монархическом движении три направления, возникшие стараниями правительства: 1). «Чисто-бюрократическое», сущность которого «заключается в полном отождествлении союзных идей и задач с делом слепого служения бюрократии». Во главе его стояли о. Восторгов, обновленческий Главный Совет СРН «и иже с ними». 2). «Буржуазно-бюрократическое», рассматривавшее священную для правых формулу «Православие, самодержавие, народность» лишь «как простое “credo” политической партии, относительно которого допустимы разнообразнейшие компромиссы и сделки, как с некоторыми партиями левее Союза стоящими до октябризма включительно, так равно и в особенности с бюрократией». Творцом и вдохновителем этого направления являлся Пуришкевич. 3). «Строго-идейное народно-монархическое», отличительным признаком которого «служит самая строгая идейность, как в отношении понимания и исповедания союзных основоположений, выражаемых девизом Православие, неограниченное Самодержавие, русская народность, так равно и в безусловно полном согласовании всей нашей общественно-политической деятельности с этими основоположениями». Вождем этого направления являлся Дубровин, «а

выразителем — Дубровинский Союз русского народа с примыкающими организациями»²⁴.

Монархисты не сомневались в том, что и создание РНСМА, и конфликт «дубровинцев» и «обновленцев» правительство, если и не инициировало, то, во всяком случае, искусственно подогрело. В августе 1910 г. И.И. Толстой в своем дневнике отметил, что в СРН «происходит развал, по-видимому, не без участия, за кулисами правительства: орган Дубровина “Русское Знамя” и орган графа Э.И. [Коновницына] и священника И.И. [Восторгова] “Земщина” окатывают друг друга помоями. По-видимому, правительство поддерживает “Земщину” и обновленный Совет Союза против Дубровина»²⁵. «Дубровинцы» были уверены, что власть в этом конфликте на стороне «обновленцев». Так, в 1912 г. Соболевский писал, что «правых старых [“дубровинцев”] начал еще Столыпин забирать в Руки при помощи Пуришкевича, Восторгова, агентов Департамента полиции. Поход продолжается при Макарове»²⁶. Однако Марков 2-й, соглашаясь со своими оппонентами из «дубровинского» лагеря в том, что Столыпин «всячески через своих подчиненных поддерживал рознь в Союзе», при этом решительно отрицал, что симпатии премьер-министра были на стороне признававших законодательную Думу «обновленцев». «По внешнему виду к нам относились хорошо и даже субсидировали, а в сущности нас уничтожали... Рознь поддерживали всячески: в одних городах поддерживали наших, в других — дубровинских, в третьих — третьих...», — писал он²⁷. Его соратник А.И. Коновницын (брат председателя Главного Совета «обновленческого» СРН) также утверждал, что в МВД просто боятся объединенной монархической силы²⁸.

Даже созданный с подачи правительства РНСМА постепенно терял благосклонность премьера. Последней каплей стала критика Пуришкевичем закона о введении земств в шести западных губерниях, проведенного Столыпиным в обход Думы по 87-й статье Основных законов Российской империи. Пуришкевич по этому поводу выразился так: «Я понимаю стремление Столыпина попасть в Бисмарки, но для того, чтобы попасть в Бисмарки, нужно отличаться проницательным умом и государственным смыслом; а в этом поступке нет ни проницательного ума, ни государственного смысла... он этим шагом достиг и добился одного — добился полного объединения, за малым исключением, всего благомыслящего русского общества в одном: в оппозиции самому себе»²⁹. Столыпин в долгу не остался, заявив в интервью немецкой газете, что «правые — это не правые... они реакционеры темные, льстивые и лживые, лживые потому, что прибегают к темным приемам борьбы»³⁰. Политику Столыпина по отношению к монархическим партиям после его гибели продолжили его преемники. По мнению Соболевского, «с появлением на верхней сцене (в Министерстве внутренних дел. — *И.О.*) Макарова и Харузина работа против честных правых усилилась, и... у них теперь противник богатый, не жалеющий денег»³¹.

Позже «Русское знамя» выразило общее мнение монархистов: «П.А. Столыпин... все свои силы употребил на то, чтобы разбить и ослабить Союз русского народа и сочувствующие ему монархические организации, сея искусственно раздор между главарями, преследуя

А.И. Дубровина, “Русское Знамя” и многих видных монархистов гонениями и штрафами, поддерживая деньгами лиц, сеющих раздор и вражду... Последствия этих гонений, штрафов и тайных денежных подачек: многомиллионный Союз русского народа раскололся и затих, а остальные монархические организации отделились и заглохли»³².

Старейшая из них — «Русское Собрание» (РС) — объединявшая в своих рядах элиту правого лагеря, расколовшись вслед за СРН на фракции «дубровинцев» и «обновленцев» (первую возглавили Б.В. Никольский и Соболевский, вторую — Марков 2-й и Пуришкевич), превратилось, по определению правой газеты «Гроза», в «место скверных интриг»³³. Учитывая это, 26 января 1914 г., в тринадцатую годовщину своей официальной регистрации, «Собрание» «отказалось впредь от участия в жизни политических партий и возвратилось к своему первоначальному уставу», то есть сосредоточилось на культурно-просветительской деятельности³⁴. Русская монархическая партия (РМП), некогда претендовавшая на лидерство в правом лагере, после смерти ее основателя В.А. Грингмута также пришла в упадок, в чем не последнюю роль сыграл ее новый руководитель — Восторгов. Его уход с поста председателя и смена названия партии на «Русский монархический союз» (РМС) ситуацию не изменили. В 1914 г. руководство РМС признало, что «отделы союза, жизнедеятельные при В.А. Грингмуте, заглохли, и большинство из них фактически прекратило даже свое существование»³⁵. Трагическая гибель одного из лидеров Союза русских людей (СРЛ) Ю.П. Бартенева в октябре 1908 г. и уход в 1909 г. А.Г. Щербатова с поста председателя партии в связи с поступлением на государственную службу обезглавили исполнительный Совет СРЛ, который практически прекратил свою деятельность, после чего влияние Союза на политические процессы в стране окончательно сошло на нет. Попытка переехавшего в 1911 г. в Москву академика Соболевского возродить эту организацию, не увенчалась успехом. Однако некоторые отделы СРЛ, в 1908—1910 гг. превратившись в самостоятельные и порой весьма влиятельные на местах организации (например, в Одессе, Киеве, Тамбове), продолжили свою деятельность.

Свою роль в расколе правого лагеря сыграли и личные амбиции лидеров. В одной из брошюр, выпущенных Русским монархическим союзом, признавался несомненным тот факт, «что монархисты, образуя по духу и идее единое целое, в то же время весьма слабо согласуются в действиях. Поэтому не редкость встретить в некоторых, даже небольших городах, по нескольку независимых друг от друга монархических обществ, возникших только потому, что нескольким тщеславным лицам, иногда даже крайне неблагоприятным и неподходящим, захотелось именоваться громким титулом “председателя”»³⁶. Ярким примером являлась Одесса, где действовали одновременно шесть монархических организаций: Одесский отдел «Русского Собрания», Одесский отдел Русского народного союза Михаила Архангела, Общество домовладельцев окраин и предместий гор. Одессы, Одесский отдел СРН («обновленческий»), Одесский Союз Русских Людей, Южно-Русский Монархический Союз³⁷.

После 1907 г. уровень политизации российского общества заметно снизился, что своим следствием имело отток членов из монархи-

ческих организаций, не видевших смысла в продолжении активной деятельности после победы над смутой. «... Интерес к текущим событиям у нее (массы. — *И.О.*) ослабевает, и организаторы правых партий сознают, что недалеко то время, когда масса совершенно отхлынет от устраиваемых ими общественных собраний», — писал Ширинский-Шихматов Николаю II ³⁸. А руководство Тамбовского СРЛ обращало внимание на «прискорбное мнение многих членов союза, что деятельность союза временная, что он служит только противовесом революционной вспышке и с погасанием последней естественным образом должна прекратиться» ³⁹. Пеликан пояснил эту тенденцию так: «Значение [монархических] союзов понизилось и даже упало потому, что таковое могло развиваться в эпоху, когда революция происходила на улице. Но так как революционное брожение перешло в выборную плоскость... союзники, не будучи цензовиками, утратили соприкосновение с революционирующей средой, а, следовательно, и свое былое значение» ⁴⁰. Редактор «Русского знамени» Н.И. Еремченко («Н. Полтавец») констатировал, что к концу 1909 г. «даже для поверхностного наблюдателя легко было заметить довольно значительное ослабление деятельности Союза, апатию и, так сказать, затишье во внутренней жизни провинциальных отделов» ⁴¹.

Немалую роль в снижении политической активности рядовых монархистов сыграл и отход от дел признанных лидеров правых. Дубровин, обеспечив себе пожизненно пост председателя ВДСРН ⁴², продал в Петербурге принадлежавший ему доходный дом и, ссылаясь на «настоятельные требования врачей» ⁴³, в 1913 г. уехал в Орловскую губернию в купленное его женой имение, где и проводил большую часть времени, лишь эпизодически бывая в Петербурге. В 1913 г., став ординарным профессором Юрьевского университета, отошел от политической деятельности Никольский, изредка, правда, выступая «в печати и на кафедре», но «лишь для того, чтобы свести с кем-нибудь счеты» ⁴⁴. Восторгов, ссылаясь на давление со стороны обер-прокурора Св. Синода В.К. Саблера, выступавшего против участия священнослужителей в деятельности политических партий, оставил руководящие посты в РМС и в «Русском монархическом Собрании» (по сведениям же полиции, Восторгов «решил уйти» потому, что «самовластием настроил против себя союзников») ⁴⁵. В это же время перешел к научно-преподавательской деятельности и Соболевский. Накануне войны сошли с политической сцены А.С. Вязигин, Л.А. Тихомиров, А.И. Тришатный и др.

Все эти факторы способствовали многократному снижению численности монархических организаций в 1907—1914 годах. Их деятельность во многом утратила былой размах, а некоторые и вовсе прекратили существование. Например, Иваново-Вознесенская самодержавно-монархическая партия (с конца 1906 г. — отдел СРН) осенью 1907 г., по сведениям губернатора, насчитывала в своих рядах 16 500 чел., еще 150 входило в состав подотдела СРН при станции Иваново ⁴⁶, а в марте 1914 г. на общем собрании партии по выбору нового председателя присутствовало всего... 30 человек ⁴⁷.

Начало первой мировой войны и сопровождавший его патриотический подъем способствовали некоторому оживлению монархических организаций, к активной деятельности вернулись не только многие

рядовые члены, но и некоторые лидеры, в частности, Дубровин, Соболевский, Вязигин. Правые направили все свои усилия на оказание помощи армии сбором пожертвований, открытием лазаретов и т.п., отказавшись от политической борьбы вслед за своими оппонентами из либерального лагеря. Пуришкевич и П.Н. Милюков, в течение семи лет демонстративно игнорировавшие друг друга, даже публично пожали руки ⁴⁸. Однако идиллия «священного единения» продолжалась недолго. «Патриотическая тревога», вызванная военными неудачами весны-лета 1915 г., имела своим следствием создание в Думе оппозиционного Прогрессивного блока, активно включившегося в борьбу с правительством. Руководство правых партий не было готово к такому повороту событий и запоздало с ответом, вызвав жесткую критику и обвинения в бездеятельности даже со стороны собственных партийных активистов. Главный Совет ВДСРН 10 сентября 1915 г. вынужден был выступить с заявлением, в котором говорилось, что «со дня объявления войны в виду общего подъема патриотического чувства и объединения всех без различия верноподданных Его Императорского Величества на почве борьбы с “тевтонами”, Совет считал бестактным открытые выступления Союза, раз другие политические общества от них отказались». Поэтому, «молчание Союза отнюдь не может быть толкуемо как “почивающие на Лаврах”, “усталость” и еще менее как “паралич”. Деятельность союза продолжалась, продолжается и будет продолжаться, но трубить о ней во всеуслышание Главный Совет считал и считает не только неудобным, но даже преступным» ⁴⁹.

Провинциальные монархисты отреагировали на создание Прогрессивного блока более оперативно. Уже в конце августа 1915 г. в Саратове состоялось частное монархическое совещание, организованное по инициативе нескольких региональных «дубровинских» организаций (Астраханская народно-монархическая партия, Одесский Союз русских людей и др.). Его участники пояснили «возобновление активной деятельности» «тяжелыми обстоятельствами, угрожающими новой революционной вспышкой» и боязнью того, что во время отсутствия императора, принявшего на себя Верховное командование армией, «правительство не справится с предательством интеллигенции и промышленных классов, стремящихся ради своей корысти использовать тяжелое положение России и вырвать из рук... Самодержавную власть». Лейтмотивом Саратовского совещания стали строки из принятого на нем обращения к единомышленникам: «Приспело время готовиться на удары отвечать ударами. Собирайтесь с силами русские люди, объединяйтесь» ⁵⁰.

Реализуя постановления Саратовского совещания, его инициаторы — Н.Н. Тиханович-Савицкий (Астраханская самодержавно-монархическая партия) и Н.Н. Родзевич (Одесский СРЛ) — предложили провести новое «более многолюдное» совещание, целью которого было бы «объединение всех монархических сил для содействия скорейшей победе над вторгшимся врагом; а для сего в первую очередь — выработка решительных мер для борьбы со смутой, являющейся лучшим союзником немцев» ⁵¹. Однако Дубровин считал, что в настоящее время «съезд совершенно бесполезен, особенно при том разногласии и раздорах (из страха потерять корысть) которые поддерживаются в настоящее время». Поэтому он полагал, что сейчас надо «не шуметь,

а тихо (конспиративно) делать свое дело — списаться с единомышленниками, лучше лично, и подготовить вся для оказания сопротивления преступному натиску»⁵².

«Дубровинцам» и «обновленцам» так и не удалось согласовать позиции, поэтому в 1915 г. было проведено два монархических «совещания»: в Петрограде (21—23 ноября), организованное сторонниками Маркова 2-го, и в Нижнем Новгороде (26—29 ноября), где собрались приверженцы Дубровина. Бывший министр юстиции И.Г. Щегловитов, избранный председателем Петроградского совещания «в видах объединения этих чрезвычайно раздробившихся организаций», на допросе в апреле 1917 г. показал: «Председательствование это возбудило во мне глубочайшее разочарование: я увидел, что достигнуть объединения, по крайней мере в пределах, для меня желательных, нет никакой возможности»⁵³. Тем не менее, «марковцы» сделали шаг навстречу своим оппонентам, избрав их вождя в созданный на Петроградском совещании Совет монархических съездов, а сам Марков 2-й появился на съезде «дубровинцев» в Нижнем Новгороде. Правда, импульс к этому примирению исходил извне, от властей, заинтересованных в объединении правых для создания противовеса Прогрессивному блоку. По словам товарища министра внутренних дел Белецкого, «боясь разборов на съезде, А.Н. Хвостовым и мною было устроено примирение А.И. Дубровина с Марковым»⁵⁴. Но «дубровинцы», менее склонные прислушиваться к мнению властей, на своем совещании в Нижнем Новгороде, несмотря на присутствие там Маркова 2-го, встречного шага не сделали, и лидер «обновленцев» в образованный на этом совещании Президиум монархического движения введен не был. Таким образом, «примирение» носило формальный характер и не смогло дать импульс консолидации всех правых сил. Более того, создание в конце лета 1915 г. (не без участия правительства) новой правой организации — Отечественного патриотического союза — переманившего под свои знамена несколько десятков действовавших отделов СРН и РНСМА, вызвало естественное недовольство руководства последних и проложило еще одну линию разделения в монархическом лагере.

С августа 1915 г. оппозиция усилила свои нападки на правых, используя для этого, в первую очередь, печать. Кроме обычных поводов для критики (склоки и раздоры в правом лагере, «реакционная» идеология, антисемитизм и т.п.) появились и новые, в первую очередь, недостаточная активность союзников в деле помощи армии, особенно бросающаяся в глаза на фоне масштабной деятельности находившихся под контролем либералов Земского и Городского союзов, а также недавно созданных военно-промышленных комитетов. Оппозиция при этом умалчивала о том, что эти организации получают деньги от казны (государственное финансирование только Земского и Городского союзов превысило к 1916 г. 500 млн руб.⁵⁵), в то время как монархисты обходились собственными средствами, на тот момент весьма незначительными. Например, Главный Совет СРН, открыв свой лазарет на 30 коек, обратился к отделам с просьбой «последовать сему примеру и открыть на местах по городам свои союзные лазареты для раненых»⁵⁶. Однако для организации собственных лечебных учреждений средств у провинциальных союзников не было, поэтому

они ограничивались содержанием одной или нескольких так называемых «именных» коек. Нежинский отдел СРН содержал на собственные средства пять госпитальных коек⁵⁷, Виленские союзники — одну, обошедшуюся им в 500 рублей⁵⁸. И только в Одессе местный отдел СРН содержал собственный лазарет «на 40 кроватей для нижних чинов». Но это стало возможным лишь благодаря переадресации на эти цели субсидии в 12000 руб., ежегодно выделяемой городом «на несуществующие теперь (то есть закрытые. — *И.О.*) школу и детский приют»⁵⁹. Судя по всему, это единственный случай дотирования монархических организаций городским самоуправлением. Еще одним исключением был Пуришкевич, создавший на свои собственные средства весьма эффективно работавший санитарный отряд из нескольких поездов, заслуживший похвалу самого Николая II⁶⁰. Но к этому времени председатель РНСМА уже дистанцировался от правого лагеря.

Сбор средств среди союзников на военные нужды также не принес значительного результата, так как в составе монархических организаций доминировали представители социальных низов. В ответ на обращение Дубровина «удесятерить свои усилия и осуществить помощь Отечеству в более широких размерах, сообразно новым тяготам, которые выпали на долю Святой нашей Родины», присылая постоянные взносы в Главный Совет⁶¹. Воршинский отдел ВДСРН (Владимирская губерния) обязался ежемесячно перечислять 25 руб.⁶², такую же сумму ежемесячно готов был выделять и Виленский губернский отдел ВДСРН, правда, добавив к ним разово 50 руб. в пользу раненых и увечных⁶³. Мотовилихинское общество потребителей при Пермском отделе ВДСРН, чьи успехи на ниве экономики служили предметом гордости союзников, за первый год войны передало «семьям нижних чинов и ратников» 130 руб., Скобелевскому комитету о раненых — 15 руб., на подарки в действующую армию — 32 рубля⁶⁴. Подобные суммы конечно же не позволяли правым конкурировать с либералами в деле оказания помощи армии. Газета «Русское знамя» в сентябре 1915 г. по этому поводу писала: «Главный Совет против того, чтобы пристраиваться к казенным деньгам. О жертвах на нужды войны сделано объявление от Главного Совета с открытия военных действий. Кто хочет жертвовать — пусть жертвует»⁶⁵. А спустя два месяца участники Нижегородского совещания «в ответ на нападки левой печати, упорно твердящей о бездеятельности монархических организаций во время войны в деле помощи армии» сочли «необходимым засвидетельствовать:

а) в то время как общеземская и общегородская организации работали на громадные казенные средства, поступавшие в их безотчетное распоряжение, монархические организации и отдельные правые деятели, не получая ни копейки от казны, работали исключительно на свои пожертвованные, часто скудные средства;

б) монархические деятели, считая своим долгом беззаветно служить Родине, не выставляли на показ своей деятельности...

в) левая печать умышленно замалчивала деятельность монархических организаций...»

Совещание даже постановило «принять меры к собранию и опубликованию сведений о деятельности монархистов», возложив эту обязанность на редактора правой газеты «Волга» Н.П. Тихменева⁶⁶.

Еще одним поводом для критики стала довоенная германофильская позиция монархистов, скептически относившихся к союзу с конституционными государствами Антанты. По свидетельству французского посла М. Палеолога, «крайне правая» группа в лице князя В.П. Мещерского, Пуришкевича, Маркова 2-го, Г.Г. Розена и других «всегда проповедовала соглашение с германским императором», вплоть до самого начала войны выступая за «необходимость усилить православный царизм тесным союзом с прусским самовластием»⁶⁷. С началом войны лидеры правых заявили о своем отказе от прежних взглядов. «Немцы показали себя с первых же дней вооруженного столкновения такими варварами, такими некультурными людьми, что дальше подобная аномалия не может быть терпима среди европейских государств и должна быть уничтожена, а Европа обезврежена от диких германских варваров...», — писало «Русское знамя» уже 31 июля 1914 года⁶⁸. РНСМА, ранее видевший в союзе с Германией «могучий оплот монархических принципов среди кругов бушующего моря революции», теперь призывал уничтожить и унижить «злодейские династии Гогенцоллернов и Габсбургов»⁶⁹ и даже убрал из своего Устава п. 17, в котором выражалось особое доверие немецкому населению империи⁷⁰. А Марков 2-й, еще в мае 1914 г. утверждавший с думской трибуны, что «лучше вместо большой дружбы с Англией иметь маленький союз с Германией»⁷¹, теперь говорил, что до августа 1914 г. он и его соратники лишь «всячески советовали не ссориться с Германией и отыскивали способы к мирному разрешению возникшей распри»⁷². Впрочем, эти объяснения не мешали оппозиции при любом случае припоминать Маркову 2-му его довоенные высказывания. Последний раз это произошло на заседании Думы 22 ноября 1916 г., когда Родичев после слов Маркова, что «он идет против течения», с места выкрикнул: «Маленький союз с Германией»⁷³.

Правда, отказавшись от своего «германофильства» и выступая за войну «до победного конца», правые регулярно выражали опасения, что борьба против монархической Германии в союзе с конституционными государствами может иметь для самодержавной России самые негативные последствия. Уже в феврале 1915 г. Департамент полиции МВД констатировал появление в правом лагере течения, выступавшего за сепаратный мир с немцами из опасения, что «окончательный разгром Германии вызовет в последней государственной переворот, который в свою очередь неблагоприятно отразится и на монархических устоях в России, где под влиянием Германской республики может тогда же вспыхнуть вторичное революционное движение». По мнению полиции, «к этого рода движению примыкает... и известный председатель Всероссийского Дубровинского союза доктор А.И. Дубровин»⁷⁴. Слухи о германофильстве лидера ВДСРН, циркулировавшие в обществе, дали повод его политическим противникам называть дубровинское «Русское знамя» «Прусским знаменем»⁷⁵.

В конце 1915 г. П.Ф. Булацель начал издавать журнал «Российский гражданин», со страниц которого продолжал критиковать проанглийские настроения в обществе. По его мнению, главным бенефициаром этой войны выступит Великобритания, весьма экономно расходующая силы, а обесиленная Россия может превратиться в английскую колонию. Особое возмущение Булацеля вызвала произнесенная в июле

1916 г. речь премьер-министра Англии Г. Асквита, в которой он призвал объявить Вильгельма II военным преступником. Булацель со страниц своего журнала подверг критике эту «мечту масонов о международном трибунале из парламентских дельцов и адвокатов» и заявил, что Вильгельм II не несет ответственности за военные преступления, и его особа священна⁷⁶. Эта публикация вызвала резкое недовольство британского посла Дж. Бьюкеннена. Под давлением властей Булацель вынужден был лично принести ему извинения. Посол при этом утверждал, что в разговоре «понадобился целый час, чтобы заставить его (Булацеля) поместить опровержение, заготовленное... для сообщения печати»⁷⁷. И хотя правые дистанцировались от позиции издателя «Российского гражданина», а значительно «полевевший» к этому времени Пуришкевич даже отправил Бьюкенену телеграмму, в которой выразил возмущение этим «дерзким и бесконечно антипатриотическим поступком, который позволили себе жалкие рептильные газеты»⁷⁸ (то есть финансируемые из правительственного, так называемого «рептильного» фонда), оппозиции прибавилось поводов для обвинений правых в «германофильстве».

Результаты беспрецедентной газетной кампании по дискредитации монархистов, развернутой оппозицией, не замедлили сказаться. Из Черниговской губернии в марте 1916 г. жандармский офицер доносил в Департамент полиции, что «ему при частных разговорах приходилось слышать такие фразы: “запишись в союзники, так левые съедят, а начальство не поддержит”»⁷⁹. «Русское знамя» било тревогу: «Вся наша печать являет собой разрушительную антигосударственную работу, которая широкой волной захлестывает необъятную Святую Русь»⁸⁰. Ответить же монархистам было нечем. Собрание общества деятелей правой печати в ноябре 1916 г. констатировало: «Нас никто не читает...»⁸¹

Нападки со стороны оппозиции, давление властей, уход активистов в действующую армию, а также военные неудачи и нарастание экономических трудностей, связываемые с царским правительством, подтачивали силы правых. В начале 1916 г. Департамент полиции решил проверить наличные силы монархистов. Сведения, присланные губернскими властями, были неутешительны. Численность правых организаций, по сравнению с 1907 г., сократилась на порядок, едва достигнув 45 тыс. чел.⁸², многие отделы закрылись. Например, в Ковровском уезде Владимирской губернии из 8 действовавших отделов и подотделов СРН (в Коврове, Воскресенском, Лежневе, Великове, Горках, Хотимле, Малышеве, Ильине и Эдемском)⁸³ к апрелю 1916 г. осталось только два: Ковровский и Эдемский⁸⁴. Полностью прекратили свое существование организации СРН в Александровском, Переславль-Залесском и Суздальском уездах⁸⁵. В Полтавской губернии Лубенский исправник доносил своему начальству, «что означенные правые организации [Лубенский отдел СРН и Монархическая партия] в настоящее время никакой активной деятельности не проявляют»⁸⁶. В Черниговской губернии упоминался «имеющийся только на бумаге “Союз русского народа” в г. Нежине»⁸⁷.

Именно с этого времени развал правых организаций вступил в свою завершающую стадию. Еще в ноябре 1915 г. Дубровин считал, что его способности противостоять революции «на улице» скоро вновь

будут востребованы властью. Выступая на Нижегородском совещании, он заявил, что с врагами самодержавия «среди министров» должно бороться само правительство, признавая тем самым, что к парламентским формам борьбы руководимый им Союз не пригоден, его задача — «бороться с улицей и на улице». «Вот когда враги наши выйдут на улицы, тогда настанет и наше время», — полагал он ⁸⁸. Но спустя два месяца Дубровин уже утратил веру в возможность противостоять революции. В письме к лидеру бессарабских монархистов И.И. Дудниченко от 29 января 1916 г. он с горечью констатировал: «Развал идет гигантскими шагами. И вряд ли удастся что-либо предупредить или устранить, — нельзя быть роялистом больше короля». Еще более критичными становились и высказывания Дубровина по отношению к власти: «Что там ни говорите, а мы, в сущности, все Дон-Кихоты: играем вничью и служим мишенью как для левых, так и для властей предрежащих. С нами не считаются, а когда нужны, пальчиком помянут, и мы тут как тут. Ведь не зря же бывший министр Маклаков нахально выразился насчет меня: “Ну что с ним считаться и обращать на него внимание, ведь это, кавалерийская хорошо обученная лошадь: слышит рожок и тотчас же займет свое место”» ⁸⁹.

Приближавшаяся катастрофа побудила правых искать пути к объединению. В начале 1916 г. наметилось некоторое сближение позиций враждующих течений в СРН. В состав «обновленческого» Совета Монархических съездов были кооптированы «дубровинцы» Н.Н. Родзевич и Н.Н. Тиханович-Савицкий, а сам Дубровин был избран одним из трех товарищей председателя Совета. Утративший свое значение «дубровинский» Президиум монархического движения был упразднен. В 1916 г. Дубровин и Марков не раз выступали с совместными заявлениями в печати, но до объединения СРН и ВДСРН дело так и не дошло. Не пожелали обе организации примириться и с Отечественным патриотическим союзом. Осенью 1916 г. Дубровин и Марков 2-й попытались провести в Москве монархический съезд, но получили отказ, мотивированный нежелательностью каких-либо политических манифестаций во время войны.

К концу 1916 г. правый лагерь переживал глубочайший кризис. И.И. Дудниченко 29 октября 1916 г. писал: «Я с ужасом смотрю на развал работы и полную никчемность правых организаций, которые спят и не противодействуют гибели России» ⁹⁰. В декабре 1916 г. в пояснении к записке кружка Римского-Корсакова признавалось, что «правые партии находятся в состоянии летаргии» ⁹¹. 22 февраля 1917 г., накануне революции, один из правых членов Государственной думы, «камергер, предводитель дворянства, боевой монархист», в частном разговоре с жандармским генералом А.И. Спиридовичем пророчески заявил: «... если что случится, вы увидите, что Государя никто не поддержит, за него никто не вступится» ⁹².

К началу 1917 г. только одесские и астраханские монархисты, ведомые Родзевичем и Тихановичем-Савицким, да петербургский кружок Римского-Корсакова продолжали политическую деятельность, засыпая царя и правительство предупреждениями об угрозе революционного взрыва и предлагая различные методы борьбы с надвигающейся опасностью. «Помните, Государь, что положение опасно нео-

бычайно, не только в смысле проигрыша войны, но опасно и для Вас, и для династии», — писал Тиханович-Савицкий 30 декабря 1916 г. в личном письме императору ⁹³. Однако реакции не последовало. Записку кружка Римского-Корсакова с предложением немедленно назначить на министерские посты и тыловые командные должности людей, способных решительно и без колебаний на борьбу с наступающим мятежом и анархией ⁹⁴, не довел до царя премьер-министр Б.В. Штюрмер, ссылаясь на то, что «она не отвечает либеральному настроению его декларации» ⁹⁵. Также не нашло поддержки правительства и предложение ввести в Петрограде осадное положение, выдвинутое тремя членами правой группы Госсовета — Ширинским-Шихматовым, А.Ф. Треповым и Н.А. Маклаковым ⁹⁶. И дело здесь не в утопичности предложений монархистов (современные историки говорят о существовании «правой альтернативы Февралю» ⁹⁷), а в самом правительстве, уже не способном предпринимать какие-либо решительные действия, полностью уступившем инициативу организациям либеральной оппозиции — Земгору, ВПК и др. Правая газета «Курская быль» по этому поводу писала: «...Одно дело — привлекать эти общественные силы к живому сотрудничеству с собою, и совершенно другое дело — самоупразднение правительственной власти и передоверие своих обязанностей и полномочий в руки первых встречных “спасателей” России» ⁹⁸.

Не чувствуя поддержки с высоты престола, подвергаясь ожесточенным нападкам со стороны либеральной прессы, разобщенные и растерянные монархисты в начале 1917 г. представляли собой лишь бледную тень некогда влиятельной политической силы, и уже не имели ни желания, ни возможностей выступить на защиту самодержавия. Февральская революция не встретила на своем пути сколько-нибудь организованного сопротивления с их стороны. Видный деятель правого движения А.Д. Муретов писал: «Наше поражение было так полно, что оставалось лишь молча уступить поле победителям» ⁹⁹. «Мы все уничтожены, мы фактически разгромлены...» — постфактум признавал и Марков ¹⁰⁰.

Позже монархисты пытались объяснить причины постигшей их катастрофы. Муретов писал: «...Организованной партии монархисты в России последние годы не составляли, а под названием “правых” объединялась в обычном языке неопределенная масса весьма разрозненных элементов...» ¹⁰¹ «Падению монархии предшествовало численное и качественное оскудение монархистов, падение монархического духа, расслабление монархической воли», — соглашался с ним Марков ¹⁰².

Однако главным виновником такого положения правые называли власть. В пояснении к записке кружка Римского-Корсакова говорилось, что вина монархистов лишь в том, «что они сразу и бесповоротно не устранили себя от участия в осуществлении Манифеста 17 октября, основанном на началах, совершенно противоречащих их государственному самосознанию. Что могли они сделать и что сказать, когда с высоты престола провозглашена была ломка тех устоев, которыми держалась Россия до сих пор... С ними сбылось то, чего надо было ожидать: в условиях политической борьбы они оказались разбитыми, рассеянными и не признанными той самой властью, которая только на них одних могла опираться» ¹⁰³.

По мнению Маркова, для борьбы с революцией «необходима была соответствующая организация... и организация, конечно, не частная, не любительская, а общенародная — государственная». «Союз Русского Народа времен 1906—1907 годов с его 3—4 тыс. местных советов представлял великолепное ядро для образования такой государственной организации всенародного монархизма», и если бы правительство «вместо упорного противодействия Государю и руководителям монархического объединения поддержало бы и осуществило правильную, спасительную мысль о необходимости опереть Верховную власть на организованную в мощные монархические союзы лучшую часть народа, история России была бы совсем иная», — утверждал Марков. По его мнению, правительственная бюрократия встала на сторону Государственной думы, «значит, на сторону конституции и постепенного разрушения Самодержавия», поставив тем самым монархистов в положение «антиправительственной» партии, связав им руки в деле защиты самодержавия, ведь «бунт против царских властей во имя царской власти был невозможен»¹⁰⁴.

В тандеме «самодержавие — правые партии» последние в силу особенностей идеологии и менталитета традиционно исполняли роль ведомых, поэтому, когда ведущий (самодержавие) отказался от своей роли, монархисты окончательно растерялись, не зная за кем идти. Отречение императора от власти и переход ее к Временному правительству вследствие решения Михаила Александровича отложить свое восшествие на престол до Учредительного собрания, окончательно парализовали правых, так как верноподданные монархисты не могли протестовать против законной воли своего монарха и его преемника. Впоследствии правые утверждали (несколько лукавя), что главной причиной их отказа от борьбы стало нежелание разжигать междоусобную войну в воюющей стране. «Если бы мы и имели надежду увлечь за собою горсть людей, было бы противно нашей совести начать идейное междоусобие в дни, когда в полном единодушии всех виделась сила России в великой борьбе с нашим врагом», — писал Муретов¹⁰⁵. Марков также обращал внимание на то, что «император не решился начать междоусобную войну» и «не приказал того нам»¹⁰⁶. Кроме того, революция 1917 г. выступала «под видом нарочитого патриотизма, во имя войны до победы якобы для спасения России»¹⁰⁷, что автоматически переводило все противодействующие ей силы в разряд антигосударственных и антинациональных. Принять на себя такое клеймо правые не решились.

Они, безусловно, предвидели революцию¹⁰⁸, но совершенно неверно представляли себе своего будущего противника. «...Мы ожидали революцию, но ожидали ее снизу, а не сверху, от революционной демократии и фабричных, а не от дворцовой аристократии и генерал-адъютантов, от недостаточных и обездоленных, а не от пресыщенных и с жиру взбесившихся», — писал Марков¹⁰⁹. В упоминавшейся выше беседе генерала Спиридовича с правым членом Думы последний заявил: «Идем к развязке... Люди, носящие придворные мундиры, призывают к революции»¹¹⁰. Это было 22 февраля 1917 года.

Таким образом, правые, сыгравшие столь заметную роль в победе над революцией 1905—1907 гг., спустя всего десять лет, в феврале 1917 г., без боя сдали все свои позиции и сошли с исторической сце-

ны. Их поражение было обусловлено как внутренними факторами (раздоры и склоки в монархическом лагере, пассивность партийных масс, отход от дел их признанных лидеров, финансовые затруднения и т.п.) так и внешними, среди которых следует, прежде всего, выделить позицию правительства, не только дистанцировавшегося от монархистов, но и приложившего немало усилий к их ослаблению, а также целенаправленную информационную атаку на самодержавие и его сторонников, предпринятую либеральной оппозицией в 1915—1917 гг. при фактическом попустительстве властей, следствием которой стало катастрофическое падение популярности монархии и монархических идей, затронувшее даже государственную бюрократию. Поражение правых было настолько сокрушительным, что ни о каком монархическом реванше (чего вплоть до своего падения так опасались лидеры Временного правительства) не могло быть и речи.

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 116, оп. 1, д. 631, л. 3об.
2. Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914—1917 годах. — Вопросы истории. 1996, № 3, с. 159.
3. Союз русского народа по материалам чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М.-Л. 1929, с. 242.
4. ВИТТЕ С.Ю. Воспоминания. Т. 3. М. 1960, с. 138.
5. Союз русского народа..., с. 401.
6. Там же, с. 40.
7. КРЫЖАНОВСКИЙ С.Е. Заметки русского консерватора. — Вопросы истории. 1997, № 2, с. 126.
8. Голос Русского. 26.III.1913, № 12.
9. Правые партии. Документы и материалы. Т. 1. М. 1998, с. 577.
10. ИВАНОВ А.А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870—1920). М.-СПб. 2011, с. 94.
11. СТЕПАНОВ С.А. Черная сотня. М. 2005, с. 224.
12. Правые партии. т. 1, с. 577.
13. СТЕПАНОВ С.А. Ук. соч., с. 225.
14. ИВАНОВ А.А. Ук. соч., с. 95.
15. Голос Русского. 7.IX.1909, № 26—27.
16. ГА РФ, ф. 116, оп.1, д. 1, л. 11—11об.
17. Правые партии, т. 1, с. 369.
18. БОГДАНОВИЧ А.В. Три последних самодержца. Дневник. М. 1990, с. 453.
19. Цит. по: Правые партии, т. 1, с. 596.
20. СПИРИН Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX — 1920). М. 1977, с. 185.
21. КОЦЮБИНСКИЙ Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М. 2001, с. 32.
22. ОЛЬДЕНБУРГ С.С. Царствование императора Николая II. М. 1992, с. 420.
23. Русское знамя. 27.I.1911, № 21,
24. Там же. 17.II.1911, № 282.
25. КИРЬЯНОВ Ю.И. Правые партии в России 1911—1917 гг. М. 2001, с. 392.
26. Там же, с. 393.
27. Падение царского режима. Т. 6. М.-Л. 1926, с. 194—195.
28. КИРЬЯНОВ Ю.И. Ук. соч., с. 393.
29. Цит. по: АВРЕХ А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М. 1991, с. 207, 211.
30. П.А. Столыпин. Грани таланта политика. М. 2006, с. 491.

31. Переписка и другие документы правых (1911—1913). — Вопросы истории. 1999, № 10, с. 107, 111.
32. Русское знамя. 11.XI.1915, № 249.
33. Гроза. 4.I.1912, № 300.
34. Правые партии, т. 1, с. 12.
35. Правые партии. Документы и материалы. Т. 2. М. 1998, с. 427.
36. Там же, с. 423.
37. Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИА У), ф. 385, оп. 1, д. 2995, л. 3—4.
38. ГА РФ, ф. 116, оп. 1, д. 631, л. 3об.
39. Краткий очерк деятельности Тамбовского Серафимовского Союза Русских Людей с 1 октября 1909 г. по 1 октября 1910 г. (пятый год существования). — Мирный труд. 1911, № 1, с. 216.
40. ЦГИА У, ф. 385, оп. 1, д. 2995, л. 12.
41. Русское знамя. 4.I.1911, № 2.
42. Устав общества под названием Всероссийский Дубровинский Союз Русского Народа. СПб. 1912, с. 8.
43. Русское знамя. 4.IV.1913, № 76.
44. Цит. по: Политические партии России. XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М. 1996, с. 397.
45. Союз русского народа по материалам..., с. 175
46. Правые и конституционные монархисты в России в 1907—1908 гг. — Вопросы истории. 1997, № 6, с. 111.
47. Старый Владимирец. 21.III.1914, № 65.
48. ИВАНОВ А.А. Ук. соч., с. 194.
49. Русское знамя 10.IX.1915, № 198.
50. Правые партии. т. 2, с. 443—444, 457.
51. Там же, с. 470.
52. Там же, с. 466.
53. Падение царского режима. Т. 2. Л.-М. 1925, с. 354.
54. Правые партии, т. 2, с. 678.
55. АЙРАПЕТОВ О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914—1917). 1917 год. Распад. М. 2015, с. 41.
56. Правые партии, т. 2, с. 435.
57. ЦГИА У, ф. 1439, оп. 1, д. 1648, л. 12.
58. Русское знамя. 14.XI.1914, № 259.
59. ЦГИА У, ф. 385, оп. 1, д. 2995, л. 3.
60. ИВАНОВ А.А. Ук. соч., с. 200.
61. Правые партии, т. 2, с. 436.
62. Русское знамя. 19.XI.1914, № 262.
63. Там же. 13.XI.1914, № 257.
64. Там же. 7.X.1915, № 219. /
65. Там же. 10.IX.1915, № 198.
66. Правые партии, т. 2, с. 515.
67. ПАЛЕОЛОГ М. Царская Россия во время мировой войны. М. 1991, с. 66—67.
68. Русское знамя. 31.VII.1914, № 172.
69. Правые партии, т. 2, с. 439.
70. СТЕПАНОВ С.А. Ук. соч., с. 398.
71. БОГОЯВЛЕНСКИЙ Д.Д. Николай Евгеньевич Марков и Совет Министров: «Союз русского народа» и самодержавная власть. В кн.: Консерватизм в России и мире: Прошлое и настоящее. Воронеж. 2001, с. 199.
72. ИВАНОВ А.А. Последние защитники монархии. СПб. 2006, с. 51.
73. Правые партии, т. 2, с. 584.
74. Цит. по: КИРЬЯНОВ Ю.И. Ук. соч., с. 379.
75. ЛЕНИН В.И. ПСС. Изд. 5. Т. 27. М. 1961, с. 298.
76. БУЛАЦЕЛЬ П.Ф. Борьба за правду. М. 2010, с. 19.
77. БЬЮКЕННЕН ДЖ. Мемуары дипломата. М. 1991, с. 176.

78. Правые партии, т. 2, с. 440. (В этом издании указанная телеграмма ошибочно датирована 1914 г.).
79. ЦГИА У, ф. 1439, оп. 1, д. 1648, л. 13.
80. Русское знамя. 13.I.1916, № 8.
81. КИРЬЯНОВ Ю.И. Ук. соч., с. 414.
82. Там же, с. 417.
83. Правые и конституционные монархисты в России в 1907—1908 гг., с. 111; Русское знамя. 12.IX.1906, № 227; 20.VI.1907, № 132; 10.I.1908, № 8; Владимирский край. 9.I.1907, № 6; Владимирец. 17.IV.1907, № 8; 23.VI.1907, № 134; Старый Владимирец. 1.X.1908, № 48.
84. Государственный архив Владимирской области (ГА ВО), ф. 521, оп. 1, д. 58, л. 82.
85. Там же, л. 7, 8, 9.
86. ЦГИА У, ф. 325, оп. 1, д. 145, л. 15.
87. Там же, ф. 1439, оп. 1, д. 1648, л. 13.
88. Правые партии, т. 2, с. 497.
89. Там же, с. 538.
90. КИРЬЯНОВ Ю.И. Ук. соч., с. 413.
91. Правые партии, т. 2, с. 589.
92. СПИРИДОВИЧ А.И. Великая война и Февральская революция: Воспоминания. Минск. 2004, с. 502.
93. Правые партии, т. 2, с. 606.
94. Там же, с. 586.
95. Цит. по: ИВАНОВ А.А. Консервативные партии. В кн.: Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М. 2014, с. 554.
96. ЕГО ЖЕ. «Революция будет национальной...»: к вопросу о причинах стремительного поражения правых в 1917 году. — Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научных статей. СПб. 2016, с. 31.
97. См., напр.: БОРОДИН А.П. Государственный совет России (1906—1917). Киров. 1999; ИВАНОВ А.А. Консервативные партии, с. 519—559.
98. Цит. по: МАРКОВ Н.Е. Думские речи. Войны темных сил. М. 2011, с. 24.
99. КИРЬЯНОВ Ю.И. Ук. соч., с. 419.
100. Падение царского режима, т. 6, с. 191.
101. КИРЬЯНОВ Ю.И. Ук. соч., с. 419.
102. ИВАНОВ А.А. «Революция будет национальной...», с. 29.
103. Правые партии, т. 2, с. 589—590.
104. МАРКОВ Н.Е. Ук. соч., с. 323—325.
105. Цит. по: КИРЬЯНОВ Ю.И. Ук. соч., с. 419.
106. ИВАНОВ А.А. «Революция будет национальной...», с. 32.
107. МАРКОВ Н.Е. Ук. соч., с. 327.
108. См., напр.: ИВАНОВ А.А., КОТОВ Б.С. «Предвидение необычайной силы»: о «пророческой» записке П.Н. Дурново. В кн.: Свет и тени Великой войны. М. 2014, с. 51—57.
109. Цит. по: ИВАНОВ А.А. «Революция будет национальной...», с. 30.
110. СПИРИДОВИЧ А.И. Ук. соч., с. 501.

Дьюла Андраши

Е.В. Сироткина

Аннотация. В работе рассматриваются основные вехи биографии министра иностранных дел Австро-Венгерской империи графа Дьюлы Андраши. Автор уделяет особое внимание эволюции австро-российских отношений при Андраши.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, Габсбургская империя, австрийско-российские отношения, восточный кризис.

Abstract. The work examines the key biographical milestones of the Minister of foreign Affairs of the Austro-Hungarian Empire count Julius Andrassy. The author pays special attention to the evolution of Austro-Russian relations at the Andrassy.

Key words: Austria-Hungary, the Habsburg Empire, the Austrian-Russian relations, the East crisis.

Дьюла Андраши происходил из старинного благородного венгерского рода. Согласно семейной традиции, его начало восходит к одному из вождей мадьярских племен, переселившихся из Скифии в Венгрию, по имени Андораш. Исторические источники, впрочем, подтверждают лишь то, что род Андраши принадлежал к древнему роду секеев¹. Отсюда происхождение первого титула рода Андраши: Szik-Szent-Király — Чиксенткирай.

Во второй половине XVI в. из-за вспыхнувшего народного восстания, направленного против центральной власти, Петер Андраш был вынужден бежать из Трансильвании в Венгрию. В качестве компенсации за утраченное имущество и в знак милости за доказанную верность он получил от императора Максимилиана II замок Краснагорка в Гёмёредском комитате. Благодаря новым владениям Андраши приобрели еще один титул — Краснагорка (Krasnahorka).

Позже семья распалась на две ветви: старшую — Бетлерер и младшую — Монокер. Одним из выдающихся представителей старшей

Сироткина Евгения Викторовна — кандидат исторических наук, доцент Тамбовского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы. E-mail: evgsirotkina@yandex.ru.

Sirotkina Evgeniya V. — candidate of historical sciences, associate professor at the Tambov branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: evgsirotkina@yandex.ru.

ветви был Карой (I) Андраши, заслуживший генеральский чин при императрице Марии Терезии и получивший титул графа в 1779 году. Внуком этого генерала был Карой (III) — отец Дьюлы Андраши.

Граф Карой Андраши был человеком довольно обеспеченным, но не богатым. Его отличали прекрасные манеры, он был превосходным наездником и танцором, все это делало его очень привлекательным кавалером в глазах дам из его окружения. В конце концов ему удалось покорить сердце богатейшей наследницы Венгрии графини Этелки Цапари. Вопреки воле родителей невесты в 1809 г. состоялась свадьба Этелки с Кароем Андраши.

Графиня Этелка была очень темпераментной женщиной. Свои взгляды и убеждения она привыкла излагать прямо, ничего не смягчая и не приукрашивая. Современники описывали ее как исключительно рачительную хозяйку, однако, по их мнению, у нее отсутствовали свойства, столь необходимые, чтобы надолго пленить собственного мужа. По словам знавших ее людей, именно благодаря способностям и усилиям Этелки, целый комплекс владений, принадлежавших их семье, освободился от обременительных долгов². В этом браке родилось четверо детей: старшая девочка Корнелия (1820—1890) и три мальчика: Мано (1821—1891), Дьюла (1823—1890) и Аладар (1827—1903).

Дьюла Андраши родился в верхневенгерском городе Кашау (ныне Кошице в Словакии) 3 марта 1823 года. Получив начальное домашнее образование, он посещал гимназию Земпленского комитата, а затем обучался на юридическом факультете Пештского университета. Один из его первых биографов Эдуард фон Вертхаймер с заметной иронией писал: «Нам не известно насколько значительны были его успехи в изучении права, зато мы точно знаем, что он блистал как выдающийся наездник, танцор и стрелок»³.

Большое значение для становления личности молодого аристократа и вовлечения в политическую жизнь имели его раннее знакомство и тесные контакты с выдающимся венгерским реформатором и мыслителем Иштваном Сечени, а затем и Лайошем Кошутом. Рассказывали, что Сечени еще в детские годы Дьюлы предрек мальчику блестящее будущее: «Из тебя может выйти все, что ты только захочешь сам, даже палатин Венгрии»⁴. Позже Андраши будет ссылаться на Сечени, утверждая, что именно он указал ему на необходимость союза Австрии и Венгрии⁵.

Осенью 1847 г. Андраши был избран депутатом Государственного собрания от своего комитата и несмотря на молодость играл довольно значительную роль, за что был отмечен самим Кошутом.

Во время революции 1848—1849 гг. Андраши являлся главой комитата Земплен, командиром батальона своего комитата, в боях проявил личную храбрость и заслужил назначение адъютантом А. Гёргея. К весне 1849 г. относится дебют Андраши на дипломатическом поприще — он стал послом революционной Венгрии в Константинополе. Перед Андраши стояла сложная задача: в условиях готовившейся царской интервенции, при активном противодействии России и Австрии постараться обеспечить максимально благоприятную позицию Османской империи по отношению к никем не признанной Венгрии. Андраши попытался даже склонить турок к вступлению в войну

на стороне Венгрии, а после поражения революции, опираясь на дипломатическую поддержку Англии, смог воспрепятствовать выдаче Австрии и России интернированных в Турции венгерских революционеров⁶.

Из Константинополя Андраши переселился сначала в Лондон, а затем в Париж — центр венгерской эмиграции, где был принят в высших кругах общества, включая императорскую фамилию. В 1851 г. во исполнение приговора о заочном повешении, черная таблица с его именем и именами 35 других участников революции была прибита палачом к виселице, что, впрочем, только прибавило Андраши популярности в Париже, где его стали называть «прекрасным повешенным».

9 июля 1856 г. в столице Франции состоялось венчание графа Дьюлы Андраши с графиней Екатериной Кендеффи (1830—1896). Невеста принадлежала к одному из самых древних трансильванских венгерских аристократических родов. Впервые Андраши увидел свою будущую супругу, когда той исполнилось всего 7 лет, в доме ее матери. Они снова встретились в начале 1856 г. в Париже, куда Екатерина приехала вместе с родителями. Впечатление было настолько сильным, что спустя краткое время Андраши сделал ей предложение. У Дьюлы и Екатерины Андраши родилось четверо детей: Тивадар (1857—1905), Илона (1858—1952), Мано (?—?) и Дьюла-младший (1860—1929) — так же как и отец, ставший известным политическим и государственным деятелем.

Обширные связи при австрийском дворе, как и изменение общей политической атмосферы в империи, позволили Андраши в 1857 г. добиться амнистии. После возвращения на родину в 1858 г. он примкнул к Ференцу Деаку и стал одним из самых последовательных его соратников.

В 1861 г. Дьюла Андраши был избран Земпленским комитатом депутатом в Государственное собрание Венгрии и выступил совместно с Деаком за достижение соглашения с Габсбургами. И когда настал час триумфа венгерской оппозиции, Деак, «мудрец нации», отказавшись от предложенного ему поста премьер-министра, без колебаний назвал вместо себя имя Андраши. 17 февраля 1867 г. Франц назначил Андраши премьер-министром Венгрии, что стало официальной датой заключения Соглашения.

Утром 8 июня 1867 г. в великолепном по красоте храме Матьяша первый премьер-министр первого ответственного правительства дуалистической Венгрии граф Андраши возложил овечьную легендами корону святого Иштвана на головы августейших особ — императора Франца Иосифа и его супруги Елизаветы, сделав их королем и королевой Венгрии. Отныне император стал именоваться королем Ференцем Йожефом.

Дворяне возродившегося после тяжких испытаний королевства постарались на славу. Таких пышных торжеств древняя столица не знала, вероятно, со времен самого блистательного короля венгерской истории Матьяша Корвина. Однако ни оглушительный шум барабанов и литавр, ни роскошь платьев и драгоценностей, ни элегантность гусарских мундиров (сам Франц Иосиф красовался в мундире венгерских гусар) не могли скрыть пикантности происходившего. То ли по иронии истории, то ли по непредсказуемому стечению обстоя-

тельство один из двух главных действующих лиц этой церемонии был условно повешенным двадцать лет тому назад, а другой — тем, по чьему приказу свершилась процедура символической казни. Теперь же этим двум деятелям, чьи дороги столь странным образом пересеклись, предстояло вместе править королевством, а спустя несколько лет вершить судьбу всей империи.

Дуалистическое соглашение имело и весьма важные международно-правовые аспекты. Оно было одним из звеньев в цепи событий и процессов 50-х—70-х гг. XIX в., которые

должны были завершиться созданием двух новых крупных государств в Европе — Италии и Германии. Превращение империи Габсбургов в двуединую монархию шло параллельно с процессом вытеснения Австрии из Германии и Италии. В момент заключения Соглашения объединение двух народов приближалось к своему логическому концу, но еще не было завершено, потому что не могло быть окончательным, бесповоротным или необратимым. Яснее всех глубинную взаимосвязь всех этих событий осознавал прусский канцлер О. фон Бисмарк, который сумел как нельзя лучше использовать их в своих интересах.

Бисмарк был заинтересован в укреплении и усилении позиции Венгрии в дуалистическом австро-венгерском союзе, как единственного фактора, способного удержать военную партию при венском дворе от новых авантюр. Андраши, со своей стороны, надеялся не допустить выступления Австро-Венгерской империи против Пруссии на стороне Франции. Для него победа была так же нежелательна, как и поражение, которое могло бы стать началом распада Австро-Венгрии, чего он тоже хотел бы избежать. В конце концов, на основе осознанной общности интересов сложился весьма прочный, продолжительный и эффективно действовавший тандем. Так, Бисмарк дал решительный отпор планам румынского короля Карла Гогенцоллерна в 1868 г., когда в Бухаресте зародились идеи отторжения от Венгрии Трансильвании, грозя разрывом дипломатических отношений. Когда началась Франко-прусская война, на двух решающих совещаниях в Вене в июле и в августе 1870 г. Андраши употребил все свое красноречие и влияние, чтобы провалить предложение министра иностранных дел Ф.Ф. фон Бойста и военной партии о вступлении в войну на стороне Франции. Он сумел добиться сохранения Австро-Венгрией нейтралитета в этой войне. Блок Андраши-Бисмарк действовал безотказно.

Через год возникла новая, столь же серьезная угроза дуалистической системе на этот раз со стороны чешских и австрийских деятелей

лей. Они убедили императора подписать так называемые Фундаментальные статьи, которые превращали дуализм в триализм (в составе империи должны были находиться Австрия, Венгрия и Чехия). Андраши, опираясь на Бисмарка, сумел убедить Франца Иосифа в необходимости дезавуировать самого себя. Тот не только дал себя уговорить, но тотчас же отправил в отставку премьера австрийского кабинета, а заодно и министра иностранных дел.

Неожиданная отставка Ф. Бойста и назначение 13 ноября 1871 г. Андраши министром иностранных дел стали большой сенсацией. Венгры чрезвычайно гордились тем, что впервые с момента существования Монархии из их среды был призван руководитель внешней политики. Немецкие австрийцы, напротив, восприняли въезд Андраши во дворец на Балльхаусплац практически как оскорбление и видели в этом ощутимый морально-политический ущерб для своего престижа. Они опасались, что при новом министре во внешней политике Австро-Венгрии будет «преобладать преимущественно мадьярская точка зрения» ⁷. Чехи, в свою очередь, подняли яростный крик, что их противник по «кризису Гогенварта», этот «монгол», «этот могильщик Австрии» — как они называли Андраши — займет важное место в Министерстве иностранных дел. Чешские газеты писали: «Эпоха политического авантюризма завершается, отныне начинается цыганская эра венгерской степи» ⁸.

Личные качества Андраши были довольно необычны для дипломата. Энергичный, темпераментный до порывистости венгерский граф избрал своим стилем искренность. «Настоящий венгерский кавалер», любитель экспромта, он пытался практиковать джентльменский стиль отношений и на официальном уровне — в важном вопросе мог потребовать честного слова и удовлетвориться им и т.д. Обычно это вызывало доверие, хотя находились и скептики, не верившие в «гениальную прямоту» венгерского премьера: «...хитрый, как цыган... грубый, беззастенчивый в выборе средств, без основательных познаний, в ведении дел более чем неряшливый... всегда бесцеремонный венгерский патриот, висит ли его имя на виселице или стоит ли он перед императором Австрии» ⁹.

В Вене Андраши, как и любого выходца из Венгрии, встретили с недоверием. Чиновники министерства, сроднившиеся с проводимой Бойстом антипрусской политикой, неожиданно должны были резко изменить свои убеждения и повернуться лицом к Германно-прусской империи Бисмарка ¹⁰. «История Андраши как министра иностранных дел в период с 1871 по 1879 гг. одновременно является историей Бисмарка», — подчеркивал биограф Андраши Э. Вертхаймер ¹¹.

Вектор австро-венгерской политики при Андраши окончательно сместился на Балканы. «Австрия, выдворенная из Италии и Германии, обращается к Востоку, где ее интересы нам особенно враждебны», — констатировал руководитель внешней политики Российской империи князь А.М. Горчаков ¹².

Андраши занял пост министра иностранных дел Австро-Венгрии в условиях политической стабильности, сопровождавшейся растущими экономическими трудностями. Биржевой кризис 1873 г., совпав с началом общей экономической депрессии в Европе, оказывал влияние на экономическую жизнь империи вплоть до 1880-х годов. Эко-

номический подъем конца 1860-х гг. завершился, и наступило десятилетие бюджетного дефицита. Эти трудности нашли отклик в усилиях правительства по развитию австро-венгерской торговли с балканскими государствами, заинтересованности в строительстве и улучшении сухопутных и морских путей в направлении Османской империи и в решимости любыми средствами препятствовать утверждению господства потенциально враждебной державы — России — над Боснией, Герцеговиной и санджаком Новипазар.

23 ноября 1871 г. Андраши обратился к европейским державам с циркулярной нотой. В ней он заверял, что Австрия намерена посвятить все свои силы внутренней реорганизации и не собирается искать случая для внешнего расширения, ибо она больше чем когда-либо нуждается в развитии своих сил и повышении благосостояния своих граждан. В Петербурге с одобрением встретили это заявление: «В теории, политическая программа развиваемая Андраши, нам симпатична, — писал Горчаков новому послу в Австрии Е.П. Новикову, — и мы не требовали бы лучшего»¹³.

Политика Андраши на Балканах изначально существенно отличалась от политики большинства его предшественников. В то время как Бойст в сближении с Германией видел возможность налаживания отношений с ее русской союзницей, для Андраши Россия оставалась, прежде всего, угрозой, которой нужно было противостоять. Андраши, в отличие от Бойста, хотел использовать недавно начавшееся сотрудничество с Берлином, чтобы направить германскую политику в анти-русском направлении. В то время как Бойст размышлял над тем, чтобы в будущем Монархия при благоприятных возможностях смогла распространить свое влияние над частью Турции, Андраши, напротив, проводил строго консервативную политику поддержки Османской империи. Дальнейшее расширение Австро-Венгрии он полностью отвергал, так как это могло привести к росту численности славянского этноса и повлекло бы за собой угрозу исчезновения мадьяр вследствие ассимиляции. В мае 1872 г. он даже назвал турок «самыми сильными и самыми надежными союзниками на Востоке»¹⁴ Австро-Венгрии.

Успех России на Лондонской конференции по Черноморскому вопросу и усиление ее международных позиций после Франко-прусской войны оказали заметное влияние на настроение Андраши. С одной стороны, это заставляло считаться с Россией, с другой — внушало тревогу за австрийские интересы в зонах столкновений с интересами России. А так как балканские планы Андраши заходили столь далеко, что не допускали примирения с русским влиянием в этом районе, он пришел на Балльхаусплац с уже сформировавшейся мыслью о необходимости превентивной войны против России. «Если вопрос с Россией будет решен, — говорил Андраши, — тогда вопрос с Востоком решится сам собой»¹⁵. Он был далек от самонадеянной уверенности в способности Австро-Венгрии решить эту задачу самостоятельно — силы были слишком неравны. Речь шла о создании для этой цели европейской коалиции, возможной, поскольку, как он полагал, в защите от русской экспансии была заинтересована вся Европа. Именно поэтому, утверждал Андраши, «пока Австрия является оплотом против России, ее существование будет оставаться европейской необходимостью»¹⁶.

Андраши предпринял попытку заручиться поддержкой Англии. Но в Лондоне предпочитали сохранять свободу рук в отношениях с Россией. С другой стороны, там несколько притупилось внимание к тем внешнеполитическим проблемам, которые волновали Австро-Венгрию. Английские интересы в начале 1870-х гг. все больше связывались со Средней Азией, и британское правительство Гладстона не хотело без крайней необходимости втягиваться в активную борьбу на Балканах из опасения раздробить свои силы. К тому же в Англии не сомневались, что и без этого соглашения Австро-Венгрия в нужный момент будет на стороне Британии в ее спорах с Россией ¹⁷.

После провала попытки создать антирусскую коалицию Австро-Венгрия стала склоняться к сближению с Россией. Франц Иосиф через австрийского военного атташе Бехтольсхейма обратился к царю с предложением разрешить австрийским офицерам присутствовать на русских маневрах с целью возродить военные традиции. Это предложение встретило положительный отклик у Александра II ¹⁸. Явно по душе пришлось ему и назначение послом в Петербурге генерала Фердинанда Лангенау, придерживавшегося крайне консервативных взглядов.

Горчакова явно обрадовало заявление барона Лангенау о том, что сердце его шефа лежит к сохранению добрых отношений между Россией и Австро-Венгрией ¹⁹. Александр II также доброжелательно принял посланника. От русского императора Лангенау услышал, что тот рассматривает как необходимость в интересах Европы сохранять целостность Австро-Венгрии ²⁰. Барон Лангенау был обрадован дружеским приемом. «С момента моего прибытия в Петербург из всех состоявшихся разговоров, — писал он Андраши, — я вынес впечатление, что возобновление добрых отношений между обеими империями и достижение понимания по всем без исключения вопросам и даже по Востоку — возможно и не столько уж трудно, к чему здесь явно склонны» ²¹.

В сентябре 1872 г. в Берлине состоялась первая за двенадцать лет встреча трех монархов, положившая начало их сближению. Разговор Горчакова с Андраши, имевший большое значение для уточнения позиций сторон и выработки согласованной платформы, состоялся 8 сентября. Андраши начал с вопроса, не думает ли Горчаков, что отношения России и Австрии, соседствующих государств, должны быть не только нормальными, но и хорошими, тем более что в настоящий момент ни у одной из сторон нет никаких оснований для серьезных жалоб, способных этому помешать ²². Дуализм, в силу которого значительно отличающиеся интересы двух частей империи как бы служат противовесом друг другу, по словам Андраши, превратил Австро-Венгрию в «оборонительное государство», которое, в особенности Венгрия, не может думать о каких-либо территориальных приобретениях. Существуют только два вопроса, по которым важно было бы договориться обеим державам: Галиция и Восток. Хотя при ее конституционном режиме, заявил Андраши, в польском вопросе Австрия не располагает такой свободой действия, как Россия, «но наши уступки ни в коем случае не выйдут за пределы мер, которые нами предложены в последнее время». Если поляки не удовлетворятся этим, «они не получают ничего больше» ²³. Что касается Галиции, то полити-

ка в ней определяется только административными потребностями — заверял австрийский министр — и лишена всяких враждебных России побуждений. Но, конечно, когда Россия адресует ему дипломатическую ноту, требуя отчета о том, что австрийское правительство делает в Галиции, он вынужден расценивать ее как вмешательство во внутренние дела Австрии.

Перейдя к делам Востока, Андраши попытался убедить своего собеседника в отсутствии у Австрии желания захватить Боснию и Герцеговину. Андраши утверждал, что Венгрия насыщена и не может перенести новых приобретений («венгерская ладья пойдет немедленно ко дну от малейшей перегрузки, будь то золото или грязь» — так метафорически выразил он эту мысль еще в начале разговора), а попытка Австрии присоединить к себе эти области вызвала бы противодействие венгров, которые не могут допустить усиления Австрии в ущерб существующему в империи равновесию. «Мы хотели бы сохранить Турцию такой, как она есть, и если должны свершиться перемены, мы предпочитаем, чтобы они развивались естественным образом», — так представил общую позицию своего правительства в Восточном вопросе Андраши ²⁴.

Между обоими министрами была достигнута устная договоренность. Они условились, что Россия и Австро-Венгрия будут придерживаться сохранения status quo на Балканах и принципа «невмешательства» в балканские дела, если помимо их воли равновесие на полуострове будет все-таки нарушено.

В июне 1873 г. Александр II в сопровождении Горчакова отправился в Вену. Это был первый визит русского царя в австрийскую столицу после Крымской войны. Таким образом, поездка приобретала демонстративное политическое значение. Россия как бы заявила о забвении той «неблагодарности», которой Австрия «удивила мир» в 1853—1856 годах.

Царь и Горчаков попытались склонить австрийское правительство примкнуть к русско-германской конвенции от 24 апреля (6 мая) 1873 г., но австрийцы отказались. Они предложили России иное соглашение, которое и было подписано 25 мая (6 июня) 1873 г. в Шёнбрунне под Веной. Документ имел форму договора между монархами, и под ним стояли только их подписи. Оба императора обязывались договариваться в случае возникновения разногласий в конкретных вопросах, дабы эти разногласия «не возобладали над соображениями более высокого порядка». В случае угрозы нападения со стороны третьей державы оба монарха обязывались условиться друг с другом «о совместной линии поведения». Если бы в результате этого соглашения потребовались военные действия, характер их должна была бы определить специальная военная конвенция ²⁵. 11 (23) октября, по приезде в Австрию, германский император Вильгельм I присоединился к Шёнбруннскому соглашению. Оно-то и получило неточное наименование «Союз трех императоров».

В отчете МИД Горчаков написал: «Именно согласие, установившееся между тремя дворами, дает действительную гарантию как для избегания осложнений на Востоке, так и для предотвращения европейской конфронтации». А в отношении с Веной «вызывающее раздражение забыто», «фантомы панславизма, пангерманизма и полонизма венгеро-дунайской державы повергнуты на полагающееся им место» ²⁶.

В отечественной историографии часто подчеркивалось, что Союз трех императоров являлся «детисцем» германского канцлера О. фон Бисмарка и был заключен исключительно в интересах Германии²⁷. Вряд ли с этим можно безоговорочно согласиться.

Конечно, позицию Австро-Венгрии внутри комбинации из трех империй можно было считать наиболее уязвимой из-за относительной военной слабости Габсбургской монархии. Однако сближаясь с одной из них, она становилась опасной для третьей стороны. В прессе отмечалось, что вопреки ожиданиям ситуация в ходе берлинских переговоров позволила австрийцам избежать оттеснения их на задний план²⁸.

Соглашением с Австро-Венгрией Россия приобщала Габсбургскую империю к балканской политике, признавая ее причастность к балканским делам. В свою очередь, Петербург получил возможность (пусть минимальную) оказывать некоторое давление на Австро-Венгрию и в определенной мере страховался от австро-английского сближения, что было очень весомо.

Несмотря на то, что немцы в октябре присоединились к Конвенции и всячески поддерживали Союз трех императоров, однако язык ведущих австрийских и русских политиков красноречиво свидетельствовал об их неослабевающем неприятии новой Германской империи. Бисмарк, со своей стороны, всячески избегал споров с Австро-Венгрией и Россией и уклонялся от участия в обсуждении любых возможных взрывоопасных вопросов по Востоку.

Союз трех императоров выражал австрийское стремление поддерживать хорошие отношения с русскими и до тех пор, пока речь не шла о возможных переворотах в Османской империи при поддержке российского правительства, он без сомнения способствовал усилению австро-венгерского влияния на Балканах.

В 1874 г. Андраши начал переговоры с Сербией о строительстве железной дороги из Константинополя через Белград в Вену. В Румынии, которую Андраши рассматривал как потенциальную дамбу, защищающую от славянизации Балканского полуострова, его достижения были еще более значительными. В 1874—1876 гг. была построена железная дорога между Будапештом и Бухарестом, а в 1875 г. несмотря на возражения Константинополя Андраши заключил с румынами торговый договор. К подобным действиям его подталкивали не только усугублявшийся экономический кризис, но и сами турки, которые все больше разочаровывали его своими действиями. Так, Турция всячески препятствовала работам по урегулированию судоходства по Дунаю, который связывал Австро-Венгрию с Востоком. Вместо этого турки выступали за строительство железнодорожной линии в Македонию, что благоприятствовало британским и французским конкурентам Австро-Венгрии. В 1875 г. Андраши высказался в том смысле, что отказывается от прежней политики поддержки Турции, которая способствует лишь тому, что балканские государства в конце концов объединятся в своем противостоянии Австрии и Турции. Правда, он рассматривал соседей Австро-Венгрии по Балканскому полуострову все еще как «диких индейцев, с которыми нужно обходиться, как с необъезженными лошадьми, одной рукой протягивая им овес, одновременно угрожая им плетью».

зажатой в другой рукой»²⁹, но фактически возвращался к политике Бойста на Балканах.

Причины для изменения курса Андраши были вескими, поскольку в Австро-Венгрии не были убеждены, что сохранение status quo в длительной перспективе будет в их интересах. Становилось очевидно, что турки с недоверием относятся к Австро-Венгрии из-за ее интереса к Боснии. В первую очередь, это было связано с развернувшимся строительством католических церквей и школ в Боснии, а также во многом провокационной поездкой Франца Иосифа весной 1875 г. через Далмацию. Когда у Монархии возникли внутренние и внешние трудности, связанные с вспыхнувшим в Боснии восстанием в июне 1875 г., и турки оказались предоставлены сами себе, не получив поддержки в деле усмирения вплоть до вспыхнувших беспорядков в Болгарии в 1876 г., Андраши отчасти был сам виноват в этом.

На внутривосточном фронте восстание и перспектива краха османского господства в Боснии лили воду на мельницу тех кругов при дворе, которые советовали оккупировать провинцию. Андраши по-прежнему считал Турцию самой удобной из возможных соседок Австро-Венгрии и испытывал страх перед увеличением численности славян в Монархии. В то же время он был вынужден признать трудность борьбы за сохранение Турции, в результате которой весь славянский мир мог превратиться во врага Австрии. Кроме того, Монархии необходимо было препятствовать опасности перехода Боснии и Герцеговины под влияние Сербии и Черногории. Эти земли могли объединиться в крупное славянское государство, которое не только препятствовало бы торговле и влиянию Монархии на юге, но было способно предъявить ирредентистские притязания к самой Монархии. Исходя из этого, политика Андраши заключалась в том, чтобы «не дать вытеснить турок из этих двух провинций; поддерживать их столь долго, сколько это возможно, консультациями и рекомендациями реформ, а в случае необходимости и отсутствия у них необходимых сил, даже защищать их позиции»³⁰.

Андраши опасался, что балканские славяне, воспользовавшись обстоятельствами, могли начать революционную борьбу. При этом он был убежден, что международный революционный комитет находится в центре боснийского восстания и имеет цель организовать мощное революционное ирредентистское государство на границах Монархии. Другая опасность исходила от России, которая могла вмешаться в ситуацию как защитница балканских христиан и организовать государство-сателлит, которое превратилось бы в значительную угрозу Монархии на юге, как это было с русскими позициями в Польше на севере. В этой ситуации Андраши категорически отверг предложение России о решительном вмешательстве конгресса и об основании автономного государства на Балканском полуострове, будучи сам не в состоянии предложить более мягкие меры урегулирования конфликта. Прежде всего, он не хотел и слышать о планах автономии для Боснии, края, в котором католическое, православное и мусульманское население при слабом автономном режиме в условиях постоянного притеснения со стороны турок оказалось бы неуправляемым, превратившись в источник непрерывного беспокойства на границах Монархии и дальнейшего разрушения Османской импе-

рии. Когда Андраши в мае 1876 г. встретился с Горчаковым и Бисмарком, он даже угрожал отказаться от Союза трех императоров в случае, если русские и дальше будут выступать с радикальными предложениями³¹. Альтернатива Андраши состояла в том, чтобы принимать как можно меньше действий в надежде, что кризис как-нибудь разрешится сам собой с наименьшими потерями для status quo. Едва ли это можно назвать конструктивным вкладом в решение конфликта. Предложения о реформах в декабре 1875 г. в австро-венгеро-русской ноте были настолько умеренными, чтобы турки смогли их принять. Однако восставшие их отвергли. Андраши смягчил все формулировки Горчакова в Берлинском меморандуме в мае 1876 г., предпочитая использовать намеки для давления на Константинополь. Любое изменение сложившейся ситуации для Монархии было опасно или, по меньшей мере, неприятно, так что нерешительность Андраши в решении проблем понятна. Но это не вело к разрешению растущего кризиса на Востоке.

В июне 1876 г., когда государственный переворот в Константинополе привел к хаосу, и Сербия с Черногорией объявили войну Османской империи, положение стало опасным. Очевидно, что австрийцы не могли это игнорировать, но возможности, которыми Андраши обладал для решения кризиса, были сильно ограниченными. Как обычно, Монархия нуждалась в поддержке одной из великих держав. Когда распространилась весть о болгарской резне, оказалось, что не существовало никаких перспектив того, что Великобритания предпримет какие-либо меры для защиты Османского региона, а Бисмарк прямо заявил, что Австро-Венгрия может рассчитывать на германскую поддержку лишь в случае совместной работы с Россией внутри Союза трех императоров.

К счастью для Андраши, правительство в Санкт-Петербурге все еще не решалось поддаться панславистскому давлению, что могло привести к конфликту с центральноевропейскими державами. Так что Андраши решился подписать Рейхштадтскую конвенцию от 8 июля 1876 г., согласно которой в случае, если Османская империя будет разрушена в ходе войны, Босния и по возможности Герцеговина должны были достаться не Сербии и Черногории, а Монархии; Россия получила бы обратно лишь южную Бессарабию, а при распределении областей Балканского полуострова государства должны были придерживаться справедливого равновесия. В этом отношении Рейхштадтская конвенция препятствовала тому, чтобы война между Турцией и Балканскими государствами оказалась поводом для конфликта между Россией и Австро-Венгрией, и стала достойным внимания успехом Союза трех императоров.

Но Андраши не был способен определять фактическое течение событий. Скоро оказалось, что Турция не была разрушена, а оба славянских государства, напротив, оказались побеждены. Этот успех придал туркам мужество отвергать даже минимальные проекты реформ концерта великих держав. Кроме того, возникла еще более серьезная проблема: давление общественного мнения на русское правительство, требовавшего использовать военную силу против Турции.

Союз трех императоров даже обострил эту проблему. Русские, получившие горький урок в годы Крымской войны, почти отчаялись

двигаться с Веной в одном направлении. Австрийцы, со своей стороны, испытывали ужас перед войной для защиты турок, которая вызвала бы гнев всего славянского мира и втянула бы в нее саму Австро-Венгрию. Военные советники Франца Иосифа — эрцгерцог Альбрехт и граф Фридрих фон Бек — выражали недоверие по отношению к Берлину и были склонны поддерживать Санкт-Петербургский двор, уговаривая императора избегать войны с Россией, так как армия была к ней не готова, а Россию — как в этом мог убедиться еще Наполеон I — невозможно быстро победить³². Даже Андраши был вынужден сдаться, признав, что нельзя подготовить войну с Россией: для этого потребовалась бы жизнь целого поколения и закончилась бы она гибелью одной или даже обеих империй.

Еще более слабой была перспектива найти действенную поддержку извне. Британцы, возможно, хотели бы продолжить борьбу за то, чтобы держать русских на отдалении от Константинополя, но едва ли они поддерживали сохранение османского господства на Балканах. Австрийцы еще меньше, чем в 1850-х гг., были склонны служить континентальным тараном для западных морских держав. «Поэтому, — провозгласил Бек, — [Россия] ближайшая из полуокруживших Австро-Венгрию соседей, которую нельзя втягивать в войну по усмотрению западных держав, т.к. в случае войны именно Австрия вынуждена будет оказаться первой на поле битвы»³³. Одновременно Берлин советовал объединиться с русскими за любую награду и защищать австро-венгерские интересы дипломатическими средствами внутри рамок Союза трех императоров.

В 1876 г. в самый разгар Восточного кризиса была издана политическая брошюра «Пять лет государственного искусства Андраши и восточной политики Австро-Венгрии»³⁴. «Мы хотели бы определить, — писал он, — 8 Фундаментальных статей, которые должны составить основу австро-венгерской политики, так как если при предстоящем решении Восточного вопроса для Австро-Венгерской империи дело закончится ничем, ограничившись лишь бесполезными жертвами, деньгами и кровью или же ей в конце придется одной оплатить весь счет, это обернется для нее утратой позиций великой державы и условий своего существования»³⁵.

8 Фундаментальных статей Андраши включали в себя следующие положения:

Статья 1. Основным условием политики рациональных интересов Австрии является сохранение Союза трех императоров, дальнейшее его совершенствование и свободное укрепление для защиты и отпора врагам альянса трех императорских держав. За Берлинской конференцией и достигнутым на ней соглашением должно последовать как можно скорее второе свидание трех императоров, на котором должны быть окончательно конкретизированы каждый из пунктов и положений договора, оставленные в Берлине открытыми, но которые должны быть окончательно определены, если только не хотят обесценить весь союз, а дополнения «от случая к случаю» способны лишь ослабить его.

Статья 2. Мы констатируем, что политика графа Андраши в обеих делегациях сохраняет вотум неограниченного доверия, значение которого мы не склонны недооценивать, но которое не являет-

ся достаточной гарантией для обеспечения успеха всей его политики в будущем.

Статья 3. Граф Андраши в своей политике должен придерживаться двух бесспорных фактических истин как фундаментальных принципов своей политики:

Во-первых, Турцию нельзя сохранить, и ее распад — вопрос менее одного года, если даже не одного месяца. Процесс ее разложения усиливается, и даже если бы Россия не желала этого, османская экономика очень быстро достигнет дна.

Во-вторых, Пруссия-Германия и Россия во всех случаях и в любых европейских конфликтах крепко и нерасторжимо связаны между собой, это произошло в результате заключения церемониальных союзов, достигнутых еще до 1865 г., которые были окончательно утверждены в 1866 г., расширены в 1870—1871 гг. и трансформировались в соответствии с меняющимися политическими формами. Вследствие этого Германская империя до некоторых пунктов, которые все же должны быть твердо определены, должна оставлять свободными руки России на Востоке. Прусская политика не является абсолютно свободной по отношению к российской, а потому нельзя думать о серьезной борьбе с Россией из-за ее союзнических связей с Германской империей.

Статья 4. Из всего выше изложенного для любого думающего политика проистекает следующее:

а) для уже неуклонно гибнущей Турции австрийская «политика интересов» неприемлема, это была бы работа Дон Кихота или даже безумная гусарская пьеска.

б) удушение Абдул Азиза и государственный переворот Мурада II ни в малейшей степени не изменили внутреннюю и внешнюю политику Турции, а процесс распада не просто не приостановился, а достиг наивысшего темпа.

в) Австрии не стоит пытаться противостоять участию одной из двух имперских держав в военной интервенции или оккупации одной или нескольких частей Турции, а необходимо использовать сложившиеся условия, чтобы утвердить свое положение великой державы перед Европой и удовлетворить собственную военную честь.

г) роковым заблуждением, которое было бы поставлено в вину любому государственному деятелю Австрии, стала бы оккупация какого-либо небольшого государства. Талант графа Андраши и его многолетняя политика являются ручательством того, что он никогда не согласится на комбинацию, вследствие которой был бы нанесен урон военной чести Австрии, а Австрийская империя утратила бы положение великой державы, которое во многом ей еще только предстоит возродить, обосновавшись на Востоке и выдвигнув притязания на компенсацию (Трентино, Каподистрию, одну из частей Далмации и т.д.).

д) помощь туркам и преждевременное лишение поддержки бегущих в австрийские земли в поисках защиты инсургентов, могут быть восприняты как такой же акт жестокости и оказались бы значительной политической ошибкой политики Андраши, которой необходимо тщательно избегать. Австрия не может позволить себе в восточной политике больше ни единого промаха!

Статья 5. Исходя из вышеизложенного (смотри статью 3 пункт 2) следует еще и следующее:

а) Германская империя, столь долго шедшая к своему теперешнему виду при прусском преобладании и руководстве, никогда не будет вести войну против России. До тех пор пока современные правители и наследники престолов обеих империй будут жить и править, принципы двусторонней политики никогда существенно не изменятся. Пруссия нуждается в одобрении России, а Россия нуждается в согласии с Пруссией. Без Пруссии-Германии Россия, конечно, не смогла бы достигнуть на Востоке значительных успехов, но и Пруссии-Германии также необходима косвенная помощь России в реваншистской войне против «усилившейся» Франции. Пруссия без пассивной помощи России не сможет завершить преобразования в Германской империи, которые нынешние руководители имперской политики считают необходимыми, дабы почти свободный союз германских государств превратить в крепкий и нерасторжимый.

б) большой политической глупостью со стороны Австрии было бы надеяться когда-либо на поддержку Пруссии-Германии в войне против России. Австро-Венгерская монархия вследствие подобной безрассудной политики оказалась бы в роли сидящего «между двумя стульями» или стала естественным объектом соглашения между спорящими сторонами и их союзниками.

Статья 6. Граф Андраши должен решительно и непоколебимо держаться за союз с двумя северными империями, а также он должен отвергать любые английские провокационные голоса, чтобы не будить опасных заблуждений и не вызывать необоснованные подозрения.

Статья 7. Австрии необходимо навсегда порвать с губительной традиционной «восточной политикой». Отныне австрийская политика должна лишь делать вид, будто она вновь склоняется к Западным державам и не повторять губительных ошибок 1854, 1859, 1866 и 1870 гг., которые, подобно говорящим табличкам, предупреждают от опасных ложных путей, самыми опасными из которых были бы сотрудничество с Францией и солидарность с англо-турецким союзом.

Статья 8. Осознав все это, Андраши, подобно опытному капитану, который уже спас австрийское государственное судно от ряда опасных штормов, если он хочет и в дальнейшем вести верным путем свой корабль, должен принять к сердцу слова Писания (Genesis I, 17): «Спасай Себя и Свое имущество, не оглядывайся и не останавливайся ни на миг, торопись скорее вперед, чтобы ты не погиб!» Ни промедление, ни торопливость, ни бесконечные оглядывания по сторонам — не помогут Австрии в ее «восточной политике». Ни венгерские страхи, ни немецко-австрийские необоснованные тревоги не могут смущать или препятствовать руководителю австрийской политики, мужественно приближаться к намеченной цели ³⁶.

Конвенция в Будапеште (январь-март 1877 г.) в случае русско-турецкой войны должна была защитить интересы Австро-Венгрии. Она не только подтвердила положения Рейхштадтской конвенции 1876 г., но и гарантировала Австрии изменение торговых путей через Новипазарский санджак. Так Андраши надеялся обеспечить торговлю и влияние Австро-Венгрии в западной части Балканского полуострова, не нагружая страну приобретением дополнительных областей.

Россия обещала не допустить, чтобы начавшаяся русско-турецкая война превратилась в панславянский крестовый поход и подтвердила, что ее военные действия ограничатся восточными Балканами, и ни в какой из частей Балканского полуострова не будет образовано крупное славянское государство. Австро-Венгрия, со своей стороны, должна была пресекать любые попытки Великобритании возобновить тройственный договор, подобный заключенному в апреле 1856 г., превратив войну в европейскую.

Когда Россия в апреле 1877 г. фактически объявила Турции войну, Андраши сдержал слово. Он оставался нечувствительным к дипломатическим «щупальцам» Лондона и, как он это называл, к «глухой суете» туркофильских кругов в Венгрии³⁷. Будапештская конвенция парализовала воздействие концерта на продолжительность войны, а достигнутые соглашения локализовали Восточный кризис, так что совместная работа Австро-Венгрии и России внутри Союза трех императоров казалась эффективной, более того, предлагала единственно возможную защиту австро-венгерских интересов³⁸.

Это была защита, от которой Андраши неохотно отказался, даже когда он был вынужден признать, что русская политика резко изменилась. Русско-турецкий Сан-Стефанский договор (март 1878 г.) предусматривал автономию Боснии и создание крупного Болгарского государства, которое в течение двух лет должны были занимать русские войска — и это все при полном пренебрежении к предостережениям и протестам из Вены. Выбор Андраши дипломатического средства — конференции для пересмотра Сан-Стефанского договора — доказывал его желание избежать войны с Россией и сохранить лицо. В последующих переговорах с Россией Андраши настойчиво добивался признания своего плана сохранения Союза трех императоров и отказывался от соглашения с Великобританией, если Россия будет уважать дух договоров в Рейхштадте и Будапеште. Попытки русских расколоть ряды противников, сделав уступки Лондону и оставив Вену ни с чем, привели к краху Союз трех императоров³⁹.

Уже 6 июня англичане объявили, что готовы передать международный мандат на оккупацию Боснии и Герцеговины Австро-Венгрии. Одновременно Андраши получил право на оккупацию Новипазарского санджака. Как и оккупация Боснии, это была скорее контрмера, которая должна была препятствовать установлению Сербией и Черногорией чересполосицы, способной изолировать подход Монархии к Балканам. Андраши достиг дальнейшего оборонительного успеха благодаря совместной англо-австрийской работе в «болгарском комитете», уменьшив размеры нового государства на треть и сократив время русской оккупации княжества с двух лет до девяти месяцев.

Андраши сумел извлечь выгоду и из изменения позиций самих Балканских государств. В то время как Болгария была разочарована сокращением границ, которые были определены Россией, и воспринимала даже 9 месяцев оккупации как тяготу, другие балканские государства, за исключением Черногории, были глубоко разочарованы первоначальными намерениями России в Сан-Стефано, и в то время как Греция ожидала поддержку от Великобритании и Франции, Сербия и Румыния связывали свои надежды исключительно с Австро-Венгрией. Андраши одобрил сохранение формальной независимости

Сербии, Румынии и Черногории: он выступил за расширение Сербии в южном направлении, склонил Турцию, Сербию и Болгарию к завершению строительства сети железных дорог в направлении австро-венгерской границы и дал Монархии более сильные позиции в Дунайской комиссии. Благодаря всем этим мерам был заложен краеугольный камень для развития экономического и политического влияния Монархии на Балканском полуострове в 1890-е годы. В области высокой политики Андраши надеялся, что новый англо-австрийский союз, даже несмотря на то, что Бисмарк все еще упорно держался за Санкт-Петербург, с турецкой помощью будет достаточно сильным, чтобы вынудить Россию к твердому соблюдению актов Берлинского конгресса, и усилит ту относительно благоприятную позицию, которую сумела занять Монархия ⁴⁰.

Впрочем, эти надежды не сбылись. Акты Берлинского конгресса 1878 г. правда несколько улучшили географическое положение Турции, но основную проблему ее слабости не решили. Хотя Великобритания и Австро-Венгрия продолжили сотрудничество, чтобы ограничить русское влияние над всей Болгарией, уже скоро оказалось, что их интересы на Балканах не совпадают. Разногласия между Австро-Венгрией и Турцией, как результат Берлинского конгресса, еще более усилились, когда султан при фактической передаче власти в Боснии отказывал Андраши в любом содействии. В то время как славяне Монархии выступали за проникновение на Балканский полуостров, сторонники аннексионной политики при дворе требовали ограничиться присоединением Боснии по праву завоевателей. При этом либералы в обоих парламентах подчеркивали расходы военной авантюры, указывая на конституционные проблемы, которые возникали в результате аннексии, перед обеими половинами Монархии, и даже угрожали отклонить договор с Берлином ⁴¹.

Летом 1879 г. Андраши тяжело заболел. Когда Франц Иосиф потерял терпение от антиконституционных попыток либералов вмешиваться во внешнюю политику и сменил их на правительство во главе с клерикально-консервативным графом Э. Тааффе, Андраши стало ясно, что он как либерал и мадьяр не может больше находиться в согласии с духом, который отныне будет господствовать в австрийской политике. 6 августа 1879 г. он заявил о своей отставке.

22 сентября 1879 г. Андраши покинул пост министра иностранных дел, завершив свою деятельность подготовкой к подписанию австро-германского союза 1879 г., положившего начало Тройственному союзу. С этого времени он занимался управлением своих имений, принимая участие в политической жизни Австро-Венгрии как член верхней палаты венгерского парламента.

Так же как и Бойст, Андраши вынужден был усвоить главный урок — Монархия обладала минимальной силой и была способна оберегать собственные интересы лишь при поддержке других великих держав. Еще при вступлении в должность Андраши был вынужден отказаться от своего честолюбивого плана объединить Австро-Венгрию, Германию, Великобританию и Италию в блок четырех держав — другие державы просто не были в этом заинтересованы. К счастью для Андраши, сдержанность России на протяжении большей части 1870-х гг. позволила ему восстановить относительно тесные связи с

русскими, чтобы сохранить status quo на Востоке и даже ограниченным способом изменить его. Андраши удалась гибкая политика, которая во время неблагоприятного экономического положения для австро-венгерских торговых интересов стала довольно выгодной.

Особенно трудно было состоять в Союзе трех императоров уже хотя бы потому, что отсутствовали любые практические альтернативы. Без германской поддержки союз с Великобританией всегда был проблематичным, даже опасным: как и Буоль за 20 лет до него, Андраши признал, что в любой войне с Россией Австро-Венгрия должна была нести основной груз проблем. Когда Союз трех императоров вследствие изменения русской, а не австро-венгерской политики оказался несостоятельным, английская дипломатическая поддержка, так же как и дипломатические ошибки России, привели к тому, что непосредственная опасность возникла на границах Монархии⁴².

Скончался Андраши в возрасте 66 лет 18 февраля 1890 г. в кругу своей семьи.

Примечания

1. Секкеи — мажарские племена, жившие в восточных и северо-восточных областях Семиградья (Трансильвании).
2. WERTHEIMER E. von. Graf Julius Andrassy. Sein Leben und seine Zeit. Nach ungedruckten Quellen. Bd. 1. Bis zur Ernennung zum Minister des Aussern. Stuttgart. 1910, S. 6.
3. Ibid., S. 7.
4. Ibid., S. 6.
5. Ibid., S. 7.
6. МЕДЯКОВ А.С. Между Востоком и Западом: внешняя политика монархии Габсбургов в первые годы дуализма (1866—1871). М. 2010, с. 128.
7. Neue Freie Presse. 13.XI.1871.
8. WERTHEIMER E. von. Op. cit., Bd. 2. Bis zur geheimen Konvention vom 15 Januar 1877. Stuttgart. 1913, S. 1—2.
9. SCHÄFFLE A.F. Aus meinem Leben. Berlin. 1905, Bd. II, S. 43.
10. Ibid., S. 2—3.
11. Ibid., S. XVIII.
12. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. Отчеты. 1872 г., л. 195.
13. Там же, ф. Канц. 1872 г., д. 107, л. 455.
14. Die Habsburgermonarchie, 1848—1918. Im Auftrag der Kommission für die Geschichte der österreichisch-ungarischen Monarchie (1848—1918). Bd. VI. Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen. Wien. 1989, S. 249.
15. LUTZ H. Österreich-Ungarn und die Gründung des Deutschen Reiches. Europäische Entscheidung 1867—1871. Frankfurt a. M.-Wien. 1979, S. 469.
16. DIÓSZEGI J. Einige Bemerkungen zum Frage der österreichisch-ungarische Ostpolitik. In: Österreich-Ungarn in der Weltpolitik. 1900—1918. Berlin. 1965, S. 231.
17. История дипломатии. М. 2009, с. 580.
18. Е.П. Новиков — А.М. Горчакову. 2 (14) февраля 1872 г. — АВП РИ, ф. Канц. 1872 г., д. 106, л. 82—83.
19. Langenaus an Andrassy. 27(15).XI.1871. К. у. к. Ministerium des Äussern. In: WERTHEIMER E. von. Op. cit., Bd. 2, S. 29—30.
20. Langenaus an Andrassy. 3. Dezember / 21. November 1871. К. у. к. Ministerium des Aussern. Ibid., S. 29—30.
21. Langenaus an Andrassy. 9.X(27.XI).1871. К. у. к. Ministerium des Aussern. Ibid., S. 29—30.
22. Доклад А.М. Горчакова Александру II. АВП РИ, ф. Канц. 1872 г., д. 30а, л. 147—154.

23. Там же, л. 148.
24. Там же, л. 149—150.
25. Сб. договоров России с другими государствами. 1856—1917. М. 1952.
26. АВП РИ, ф. Отчеты. 1874, л. 47, 153; ШНЕЕРСОН Л.М. На перепутье европейской политики: австро-русско-германские отношения, 1871—1875 гг. Мн. 1984, с. 125.
27. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М. 1978. ШНЕЕРСОН Л.М. Ук. соч.; История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М. 1999; История дипломатии. М. 2009 и др.
28. *Kölnische Zeitung*. 15.IX.1872.
29. *Die Habsburgermonarchie, 1848—1918...*, S. 249.
30. *Ibid.*, S. 250; WERTHEIMER E. von. *Op. cit.*, S. 266.
31. *Die Habsburgermonarchie, 1848—1918...*, S. 250—251.
32. *Ibid.*, S. 251.
33. *Ibid.*, S. 252—253; DIÓSZEGI I. L’Autriche-Hongri et les perspectives d’une guerre russo-turque á l’automne 1876. — *Revue d’histoire modern et contemporaine*. 1980, № 27, p. 85—93.
34. ANDRÁSSY G. *Fünf Jahre Andrassy’scher Staatskunst und die Orient-politik Oesterreich-Ungarns*. München. 1876.
35. *Ibid.*, S. 41.
36. *Ibid.*, S. 41—45.
37. WERTHEIMER E. von. *Op. cit.*, Bd. 3. *Letzte Lebensjahre*. — *Charakteristik Andrássys*. Stuttgart. 1913, S. 17.
38. *Die Habsburgermonarchie, 1848—1918...*, S. 253.
39. *Ibid.*, S. 253—254.
40. *Ibid.*, S. 255.
41. *Ibid.*, S. 255—256.
42. *Ibid.*, S. 256—257.

Политическое положение на оккупированной территории СССР в первый период Великой Отечественной войны (июнь 1941 г. — ноябрь 1942 г.)

Ф.Л. Синицын

Аннотация. В работе оценивается политическое положение на оккупированной территории СССР в начальный период Великой Отечественной войны через призму воздействия национального и религиозного аспектов советской и германской пропаганды на население этой территории. Национальный аспект советской пропаганды оказал воздействие на настроения населения оккупированной территории страны, что было большим достижением в крайне тяжелых условиях начала войны.

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, пропаганда, национальная политика, религиозная политика.

Abstract. The work examines the political situation in the occupied territory of the USSR during the initial period of the Great Patriotic War by assessing the impact of the ethnic and religious aspects of Soviet and German propaganda. Ethnic aspect of Soviet propaganda had an impact on the mood of the population of the occupied territory, which was a great achievement in extremely difficult conditions in the beginning of the war.

Key words: USSR; Great Patriotic war; propaganda; ethnic policy; religious policy.

Несмотря на обширную историографию Великой Отечественной войны, до сих пор существует немало неизученных и дискуссионных вопросов, касающихся истории этого события. Среди них — проблема, заявленная в теме данного исследования. В частности, спорным вопросом является оценка эффективности национального и религиозного аспектов советской и германской пропаганды, реализованной на временно оккупированной территории СССР.

В момент прихода германских войск значительная часть населения западных регионов СССР, вошедших в состав страны в 1939—1940 гг., отнеслась к оккупантам пассивно¹ либо приветствовала их как «освободителей»². Часть населения «основной» территории СССР питала антисоветские настроения, которые в первые месяцы оккупа-

Синицын Фёдор Леонидович — кандидат исторических наук, доцент Государственного университета по землеустройству. E-mail: permcavt@gmail.com.

Sinityn Fedor L. — PhD in history, associate professor at the State University of Land Management. E-mail: permcavt@gmail.com.

ции сочетались с прогерманскими. В частности, некоторые представители русского населения надеялись на создание при помощи Рейха «нового русского национального государства»³.

Германские власти пытались использовать в своих целях антисоветские настроения части населения оккупированной территории, усилив их и превратив в прогерманские. Нацистская пропаганда в первый период войны проявила достаточно высокую эффективность⁴, под воздействием которой население захваченной территории СССР к началу 1942 г. было политически дезориентировано⁵, вследствие чего люди пошли к оккупантам на службу старостами, переводчиками, полицейскими, отправились на работу в Германию⁶. Даже после освобождения части оккупированной территории СССР зимой 1941—1942 гг. отдельные ее жители «восхваляли немецкую армию и старались убедить местное население в том, что немцы снова возвратятся»⁷.

Эффективными были посылы германской пропаганды, которые спекулировали на довоенных ошибках советской власти⁸. Так, показанный оккупантами в Прибалтике антисоветский фильм «ГПУ» и изданная ими книга «Ужасный год», посвященная «советской оккупации 1940—1941 гг.», были восприняты местным населением с вниманием⁹.

Оккупационные власти при помощи пропаганды смогли повлиять на усиление национальной розни — в том числе, украинско-польской¹⁰, белорусско-польской¹¹, литовско-польской¹², антагонизма между эстонцами и русскими¹³. На оккупированной территории СССР, особенно в ее западной части, усилился антисемитизм. Во Львове в июне 1941 г. местное население участвовало в расправе над коммунистами и евреями¹⁴. В июле 1941 г. в Каунасе при участии горожан было убито 7800 евреев¹⁵. В Латвии и Эстонии уничтожение еврейского населения осуществлялось также при участии пронацистски настроенных представителей местного населения¹⁶.

Реализации германской пропаганды способствовали противоречия советской политики и пропаганды предвоенного периода — особенно изменение отношения к Германии после августа 1939 г. вплоть до именования ее почти «союзником». Такие колебания посеяли растерянность в умах граждан СССР в начальный период войны¹⁷.

Поддержка нацистами «религиозного возрождения» получила одобрение со стороны населения оккупированной территории¹⁸. Часть священнослужителей стала помогать оккупантам¹⁹, в том числе, вела прогерманскую пропаганду, провоцировала прихожан на выдачу коммунистов и натравливала их на советских партизан²⁰. После прихода германских войск вышла из подполья и активно поддержала новую власть антисоветская православная секта «апокалипсистов», действовавшая в Киеве, Виннице и Житомире²¹. Нападение Германии на СССР было положительно воспринято большей частью духовенства РПЦЗ и значительной частью верующих из числа русских эмигрантов²².

Тем не менее, результаты исследования дают основание сделать вывод о кратковременной эффективности национального аспекта германской пропаганды, что было обусловлено, прежде всего, недостат-

ками и противоречиями в ее содержании. Несмотря на всплеск национальной розни на оккупированной территории СССР, значительная часть ее населения оказалась невосприимчива к нацистской пропаганде шовинизма и антисемитизма. Германские власти выяснили, что «русские по природе не шовинисты», и «ненависть на национальной почве среди русских не популярна»²³. Поэтому все пропагандистские материалы «о евреях, которые были написаны с учетом расового аспекта, не достигли результата»²⁴. Представители русского населения на Украине предупреждали евреев о готовившихся против них расправах²⁵. В юго-восточной части Латвии (г. Даугавпилс) основная масса населения, по оценке оккупационных властей, «держалась по отношению к евреям совершенно пассивно». В Эстонии изданные в 1942 г. антисемитские материалы не дали ожидаемого пропагандистского воздействия²⁶. Тысячи жителей оккупированной территории Советского Союза с риском для жизни спасали представителей еврейского населения от уничтожения нацистами.

Снижало эффективность германской пропаганды противоречие между широко разрекламированным «самоуправлением», предоставленным народам Прибалтики, и реальным содержанием этого марионетного «самоуправления»²⁷, деятельность которого была направлена на максимизацию эксплуатации оккупированной территории.

Со временем произошло снижение эффективности германской политики и пропаганды в религиозной сфере — в том числе, из-за враждебного отношения оккупантов к духовенству и верующим²⁸, а также осознания многими священнослужителями, даже настроенными антисоветски, антирелигиозного характера нацистской власти. Не способствовала эффективности германской пропаганды слабая «кадровая политика» оккупационных властей в сфере религии²⁹. По данным германских властей, к началу 1942 г. «население, устремлявшееся к любому попу на первом этапе наступления [немецких войск]... по большей части утратило свой интерес к церкви»³⁰.

Во-первых, несмотря на стремление нацистов завуалировать «расистские» цели Рейха, такие послылы время от времени проявлялись в пропагандистских материалах, направленных населению оккупированной территории СССР, что закономерным образом вызывало его недовольство³¹.

Во-вторых, эффективность германской пропаганды снижали недостатки ее методологии. Оккупационные органы власти и пропагандистские структуры проявили недостаточное понимание менталитета народов СССР³². Рассматривая население Советского Союза как «недолюдей», руководство Рейха рассчитывало на быстрый успех любых пропагандистских мероприятий, а среди германского генералитета бытовало мнение, что Рейх «и так победит»³³, без привлечения на свою сторону народов СССР. Поэтому уровень многих материалов нацистской пропаганды был примитивным, что и было отмечено местным населением³⁴. Подрывал эффективность германской пропаганды недостаток этнографических, этнопсихологических, лингвистических и других знаний о народах СССР³⁵.

В-третьих, эффективность национального аспекта германской пропаганды снижало жестокое и презрительное отношение оккупантов к населению, в том числе сегрегация (кинотеатры и другие заве-

дения «только для немцев»), карательные акции, публичные казни, грабежи, а также ухудшившаяся в результате оккупации экономическая ситуация, упадок систем здравоохранения и народного образования.

Германская пропаганда показала неспособность привлечь на сторону Рейха основную массу антисоветских активистов, проживавших на оккупированной территории СССР. Уже в первый год оккупации стал отмечаться рост отрицательного отношения к нацистам даже среди тех жителей оккупированной территории СССР, которые ранее приветствовали германское вторжение ³⁶.

Так, на Украине в марте 1942 г. органы СД отмечали, что украинские националисты «среди населения... воспитывают недоверие к немцам» ³⁷. Значительная часть националистов, по данным советской разведки, питала антигерманские настроения и была «готова идти даже к [советским] партизанам» ³⁸. В сентябре 1942 г. оккупанты выявили, что ОУН-Б занимается дискредитацией германской пропаганды среди украинской молодежи ³⁹.

В Белоруссии, как выяснили германские власти, царили пассивные по отношению к ним настроения ⁴⁰. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что именно в уклонении от политического коллаборационизма в этом регионе проявилось недовольство оккупацией среди антисоветски настроенных кругов населения. По советским данным, в Белоруссии имелаась «большая прослойка молодежи», настроенная «несоветски», но в то же время «ненавидящая немецких оккупантов» ⁴¹.

В Литве германские власти отмечали «пассивное сопротивление», которое усилилось осенью 1942 г. в связи с начавшейся германской колонизацией. В ноябре 1942 г. оккупанты сделали вывод, что реализованные ими в регионе пропагандистские мероприятия «совершенно неэффективны и не способны соответствовать нуждам населения» ⁴². В Литве развили свою деятельность несоветские организации сопротивления — подпольный «Фронт литовских активистов» и «Армия освобождения Литвы» (ЛЛА) ⁴³, деятельность которых сводилась в основном к вербовке новых участников и пропаганде среди населения ⁴⁴.

Среди населения Латвии имелось мнение, что «немцы относятся к латышскому народу, как к рабам» ⁴⁵. 12 марта 1942 г. на проведенном германскими властями совещании по вопросу о взаимоотношениях с местным населением бургомистр Риги отметил ухудшение отношений «между немцами и латышами» по причине «неправильных методов управления, применяемых германскими властями». Латышские национальные активисты распространяли антигерманские листовки, которые оказывали сильное влияние на настроения населения ⁴⁶. Оккупанты отмечали, что во главе многих местных органов самоуправления в Латвии оказались «открытые приверженцы [К.] Улманиса ⁴⁷, враждебные Германии» ⁴⁸.

В Эстонии отсутствие перспектив восстановления независимости, которое стало ясным после соответствующего заявления Генерального комиссара К. Лицмана, сделанного в июле 1942 г., вызвало рост недовольства эстонского населения. Германская пропаганда, которая требовала проявлений «чувства благодарности эстонцев к немецкому народу» за «освобождение», выглядела в глазах первых «принужденно и неловко и оставалась... без резонанса». К августу 1942 г.

германская пропаганда в Эстонии стала оказывать только «относительно слабое влияние». Особенно враждебное отношение к оккупантам было выявлено среди эстонской интеллигенции, среди которой царила уверенность в том, что «эстонские граждане... не пользуются теми же правами, что немцы». Распространялись слухи о том, что оккупанты направляют эстонские «добровольческие формирования» на самые трудные участки фронта, при этом вооружая их только советским (трофейным) оружием. Эстонские национальные активисты распространяли антигерманские издания, за что подвергались преследованиям со стороны оккупационных властей ⁴⁹.

Отличительной особенностью ситуации в Эстонии были ожидания помощи от Финляндии. Германские власти осознавали это и рассматривали финскую пропаганду как «враждебную» (несмотря на то, что Финляндия была союзником Германии), так как она была «направлена на дистанцирование эстонского народа от целей германской политики». В Эстонии распространились слухи о «предполагаемом вмешательстве... Финляндии в дальнейшее развитие будущего Эстонии», в том числе, предоставление ей независимости или включение в состав «Великой Финляндии», идея о создании которой стала в Эстонии популярной, в том числе среди военных коллаборационистов. С Германией эстонские национальные активисты предполагали иметь «лишь рассудительную дружбу и общий экономический базис». К сентябрю 1942 г. обсуждение вопроса о присоединении Эстонии к Финляндии или некоему «северному блоку государств» сошло на нет ввиду осознания национальными активистами того, что Германия этого не допустит. Тем не менее, эстонцы стали возлагать надежды на помощь со стороны Великобритании, особенно с лета 1942 года. Считалось, что, ввиду стягивания германских войск на юг России, наступил «подходящий момент» для размещения британских войск в Швеции и наступления оттуда на Германию ⁵⁰.

Деятельность несоветских польских подпольных организаций в западных областях Украины, Белоруссии и Виленском крае координировалась Делегацией польского эмигрантского правительства (с 1939 г. находилось в Лондоне), военной силой которой являлась «Армия Крайова» (АК). Эта структура выступала против вооруженной борьбы с германскими оккупантами, призывая «ждать с оружием у ног». До середины 1943 г. несоветское польское сопротивление на оккупированной территории СССР действовало разрозненными группами ⁵¹.

В целом, результаты исследования показывают, что самым большим препятствием для реализации германской политики на оккупированной территории СССР стал просоветский настрой значительной части русского, украинского (центральная и восточная Украина) и белорусского (центральная и восточная Белоруссия) населения. Этот настрой, а также общий рост недовольства оккупацией среди населения захваченной территории СССР, был подкреплен усилиями советской пропаганды. В августе 1942 г. оккупационные власти отмечали, что на захваченной территории Ленинградской обл. «советская пропаганда... постоянно имеет успех, вследствие чего население воздерживается от сотрудничества с германскими органами». Среди русского населения Прибалтики были выявлены «симпатии к коммунистам» ⁵² (то есть к СССР), причиной которых были не только про-

советские настроения, но и национальный гнет. По данным советской разведки, к концу первого периода войны основная часть русского населения «ждала с нетерпением прихода Красной армии, в победу которой верила». Причем, такие настроения были «далеко не чужды большинству полицейских, попавших в полицию по мобилизации», которые «и ждали Красную армию, и боялись, в то же время, ее прихода, опасаясь возмездия за службу» оккупантам⁵³. Отдельные полицейские были готовы перейти к советским партизанам при условии, «если советская власть обещает отменить колхозы»⁵⁴ (другие аспекты советской политики, очевидно, возражений у них не вызывали).

На Украине в первую годовщину начала войны, 22 июня 1942 г., руководитель СС и полиции РК «Украина» Х.А. Прюцман заявил, что «значительный процент украинцев, русских и поляков распространяет вражескую (то есть советскую. — Ф.С.) пропаганду и тем самым вызывает волнения и беспорядки»⁵⁵. В начале 1942 г. в Киеве были уверены в скором приходе Красной армии. Когда в городе разнеслись слухи о том, что советские войска вступили в пределы Киевской области, некоторые киевляне выразили желание их встречать⁵⁶. Командование подразделений Группы армий «Юг» докладывало, что «Рейх может опереться на оккупированной территории Украины только на “меньшинство”, которое из ненависти к большевикам в надежде на восстановление частной собственности проявляет готовность к сотрудничеству», и что «население почти единодушно считает, что, несмотря на все военные поражения, большевистская система не будет разгромлена»⁵⁷. К октябрю 1942 г. оккупационные власти отмечали, что «круг тех, кто верит в возможность сотрудничества между украинцами и немцами... непрерывно сужается»⁵⁸.

В центральной и восточной частях Белоруссии настроения населения стали более активными уже в первый период войны⁵⁹, и в них ярче проявилась просоветская позиция (кроме западной части региона, где германские оккупанты проводили более осторожную политику). В июне 1942 г. ЦК КП(б) Белоруссии докладывал в ЦК ВКП(б), что «население Белоруссии все более озлобляется против немецких захватчиков», и антигерманские настроения «перерастают в народное движение»⁶⁰. Эти утверждения соответствовали истине, так как Белоруссия (в том числе, в силу географических особенностей) стала одним из главных центров сопротивления оккупантам, в котором принимали активное участие представители местного населения.

В Крыму, несмотря на то, что крымские татары получили от германских властей преференции, отдельные крымско-татарские селения сопротивлялись попыткам оккупантов принудить их к борьбе с советскими партизанами. Германские власти не доверяли оружие жителям ряда крымско-татарских населенных пунктов, а также провели чистку административно-управленческого и полицейского аппарата от просоветски настроенных лиц⁶¹.

Просоветские настроения отмечались в Латвии, где к августу 1942 г. «коммунистическая пропаганда заметно усилилась» (в том числе распространялось большое количество советских листовок) и «находила почву среди рабочих». В Эстонии уже к сентябрю 1941 г. германские власти выявили, что «коммунизм в течение одного года как заразная болезнь захватил широкие круги», в числе которых были

рабочие и школьники. Оккупанты считали, что должно пройти время, прежде чем в регионе «найдутся энергичные и враждебные коммунизму молодые люди»⁶².

В первый период войны на оккупированной территории СССР начало свою деятельность советское партизанское движение — в первую очередь, в захваченных регионах РСФСР и на основной территории Белоруссии и Украины. Многие представители русского, украинского и белорусского населения оказывали помощь советским партизанам⁶³. Хотя часть партизанских отрядов была организована еще до оккупации или заброшена из тыла СССР, многие из них возникли стихийно. Известно, что на создание местных партизанских отрядов влияла советская пропаганда⁶⁴. В Белоруссии к августу 1942 г. «партизанский вопрос» занял приоритетное место среди проблем, с которыми столкнулись германские власти⁶⁵. Просоветские подпольные группы появились и на Западной Украине (в частности, «Народная гвардия им. И. Франко») ⁶⁶. В то же время развитие советского партизанского движения на Западной Украине шло с большими трудностями. Заброска партизан в Ровенскую обл., ввиду густой сети полицейских участков и вооруженных лесников, имела малый успех⁶⁷. Оказание населением помощи советским партизанам здесь зачастую было вынужденным⁶⁸.

Среди польского населения оккупированной территории СССР просоветскую деятельность вела созданная в январе 1942 г. Польская рабочая партия и ее боевая организация — «Гвардия людова»⁶⁹. Летом 1942 г. германские власти РК «Остланд» и РК «Украина» отмечали первые выступления польских просоветских партизан⁷⁰.

В Крыму с ноября 1941 по октябрь 1942 г. действовали 3880 советских партизан. Во всех отрядах преобладающее большинство составляли русские (до 70%), следующими по численности были украинцы, а представители других народов составляли незначительную часть. Тем не менее, часть крымско-татарского населения оказала продовольственную помощь и содействие десанту Красной армии в январе 1942 г., после чего оккупанты применили к жителям ряда деревень репрессии. В состав Феодосийской подпольной организации, действовавшей с августа 1942 г., входили представители крымско-татарского и армянского народов⁷¹.

В Прибалтике база для советского партизанского движения до прихода германских войск создана не была по нескольким причинам. Во-первых, за 11 месяцев советской власти (август 1940 г. — июнь 1941 г.) сделать это было трудно, особенно в условиях низкого уровня «советизированности» населения⁷². Быстрое продвижение вермахта по Прибалтике не дало возможности сформировать партизанские отряды в Литве и Латвии после начала войны. Направленные в Латвию в 1941—1942 гг. советские партизаны не сумели закрепиться на ее территории и были уничтожены германскими и коллаборационистскими формированиями. Созданное в Эстонии партизанское подполье в составе 700—800 чел.⁷³ было раскрыто германскими властями. Во-вторых, многие сочувствовавшие советской власти люди были эвакуированы из Прибалтики в июне-августе 1941 г., а антисоветски настроенные лица, наоборот, остались. Тем не менее, во второй половине 1942 г. партизанская деятельность в этом регионе несколько

активизировалась, особенно, на севере Литвы⁷⁴ и востоке Латвии⁷⁵. В Литве ко второму периоду войны численность советских партизан составляла не менее 1432 чел.⁷⁶, в Латвии — 756 чел., в Эстонии — 339 человек⁷⁷. В то же время условия для партизанского движения в Прибалтике оставались тяжелыми. В Латвии и Эстонии помощь советским партизанам оказывало преимущественно русское население⁷⁸.

Религиозный аспект советской пропаганды, который заключался в распространении информации о прекращении Советским правительством гонений на религию и патриотических призывах конфессий, оказал весомое воздействие на настроения населения оккупированной территории СССР. Так, церковные сепаратисты на Украине встречали противодействие со стороны представителей православного духовенства, которые ориентировались на Московскую Патриархию⁷⁹. Антигерманские и «пророссийские» настроения отмечались у православных священнослужителей даже в эстонской глубинке⁸⁰.

В то же время, эффективность советской пропаганды ослабляли отдельные недостатки. Прежде всего, советские пропагандистские материалы были недостаточно конкретны и запаздывали с реагированием на изменение ситуации на оккупированной территории⁸¹. В сентябре 1942 г. ГлавПУР РККА отмечал, что «плохо разоблачается свирепый террор немецких оккупантов, их варварская грабительская политика, подлинная суть экономических мероприятий немцев... а также гнусная, лживая фашистская пропаганда»⁸². В частности, материалы радиовещания на украинском языке недостаточно затрагивали «темы о корнях и истоках ненависти украинского народа к немецким захватчикам, о патриотизме украинского народа, страдали риторичностью и поверхностностью»⁸³.

Непродуманными были отдельные пропагандистские послы, использованные в начале войны, например, разоблачение оккупантов как «тупых садистов, желающих восстановить в России монархию». Такие утверждения не только не достигали поставленной цели, но и способствовали развитию недоверия к советской пропаганде⁸⁴. Относились сюда и правдивые утверждения пропаганды о планах нацистов по «разрушению национальной культуры», «уничтожению большей части населения» СССР, «онемечиванию детей»⁸⁵, которые звучали абстрактно в условиях сокрытия нацистами своих истинных целей. Многие советские листовки содержали юмористические материалы и карикатуры, что «не всегда отвечало обстановке и настроениям населения»⁸⁶ оккупированной территории СССР.

В материалах советской пропаганды недостаточно учитывалось наличие антисоветских настроений на западных территориях, вошедших в состав СССР в предвоенный период. Поэтому послы, в которых использовалась «советская риторика», отрицательно воспринимались населением этих регионов. Так, летом 1942 г. содержание советской листовки «Воззвание к народам Прибалтики», посвященной двухлетию вхождения в СССР, по германским данным, было с сарказмом воспринято латышским населением, которое «смеялось над [советскими] обещаниями» и отпускало иронические замечания в адрес «профессора Синагогенштейна» (имелся в виду председатель Президиума Верховного Совета Латвийской ССР А.М. Кирхенштейн). По германским данным, несмотря на то, что к концу 1942 г. распро-

странение советских листовок в Латвии значительно расширилось, они по-прежнему привлекали мало внимания со стороны местного населения. Аналогичная ситуация наблюдалась в Эстонии ⁸⁷.

На снижение эффективности советской пропаганды на оккупированной территории СССР повлияли упущения национальной политики и пропаганды, осуществлявшейся в довоенный период, когда «не воспитывалось понятие... национальной гордости», «замалчивалось все национальное, растворялось все великое, [что] создано тем или иным народом, в общем понятии интернационализма», который понимался некорректно — «не как поднятие каждой национальности до общего высокого уровня развития, а как проповедь, что нет никакой разницы между русскими, немцами, французами» ⁸⁸. Несмотря на перестройку советской политики и пропаганды, осуществленную в преддверии войны, полностью изжить такие настроения не удалось. И если в тылу страны и в Красной армии ошибки в воспитательной и образовательной работе власть стала активно исправлять уже с начала войны, то на оккупированной территории сделать это было намного сложнее. Недостатки довоенной советской политики и пропаганды стали одним из факторов, повлиявших на развитие, как коллаборационизма, так и политической пассивности населения оккупированной территории СССР.

Реализации советской пропаганды мешали технические трудности ⁸⁹. В сентябре 1942 г. ГлавПУР РККА отмечал, что «политическая работа в тылу у противника проникает на незначительную глубину оккупированной территории и охватывает небольшое количество населения, главным образом, в районах действия партизанских отрядов». Так, проблемы с распространением советских газет имелись на Украине ⁹⁰, а в оккупированной части Сталинградской области отмечалось почти полное отсутствие материалов советской пропаганды ⁹¹. Эффективность советской радиопропаганды ослабило изъятие радиоприемников у населения оккупированной территории СССР, осуществленное германскими властями ⁹². Ошибочной была чрезмерная централизация советских органов, ответственных за разработку и реализацию пропаганды ⁹³. В то же время, советское руководство осознавало недостатки в своей пропагандистской работе на оккупированной территории СССР и принимало меры к их исправлению.

В снижении эффективности советской пропаганды сыграли свою роль и внешние факторы — во-первых, военные поражения СССР. Так, в Латгалии, где ранее отмечались просоветские настроения, к сентябрю 1942 г., после стремительного наступления германских войск на южном фронте, советская пропаганда «утратила позиции» ⁹⁴. Во-вторых, в условиях оккупации германские власти жестоко карали местное население за любое проявление просоветских настроений, что также уменьшало возможности для распространения советской пропаганды.

Таким образом, в первый период Великой Отечественной войны национальный и религиозный аспекты германской пропаганды проявили эффективность в краткосрочном плане. Позитивное отношение к оккупантам среди части населения захваченной территории СССР было вызвано, в основном, их антисоветскими, а не прогер-

манскими настроениями. К концу первого периода войны эффективность германской пропаганды существенно снизилась, причиной чего стали ее недостатки, жестокое отношение оккупантов к населению захваченной территории СССР, а также воздействие советской пропаганды. Эффективность религиозного аспекта германской пропаганды была достаточно высокой в первые месяцы оккупации, однако впоследствии произошло ее снижение, в том числе из-за враждебного отношения оккупантов к духовенству и верующим, а также осознания священнослужителями антирелигиозного характера нацистской власти.

Национальный аспект советской пропаганды смог оказать воздействие на настроения населения оккупированной территории страны, что было большим достижением в крайне тяжелых условиях (трудности с доставкой материалов через линию фронта и с их выпуском непосредственно на оккупированной территории, отсутствие радиоприемников у населения, применение оккупантами жестокого наказания за распространение советской пропаганды). Эффективность религиозного аспекта советской пропаганды также была весомой — распространение информации о прекращении гонений на религию и патриотические призывы конфессий оказали позитивное для советской власти воздействие на настроения населения оккупированной территории СССР.

В целом, несмотря на эскалацию политического противостояния, значительная часть населения оккупированной территории СССР в первый период войны занимала выжидательную позицию, которая была обусловлена неопределенностью ситуации на советско-германском фронте.

Примечания

1. MISIUNAS R., TAAGERPERA R. *The Baltic States: Years of Dependence, 1940—1990*. Berkeley-Los Angeles. 1993, p. 45—46.
2. CARRÈRE D'ENCAUSSE H. *The Nationality Question in the Soviet Union and Russia*. Oslo. 1995, p. 27—28; Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 500к, оп. 2, д. 229, л. 42; Научный архив Института российской истории РАН (НА ИРИ РАН), ф. 2, р. 6, оп. 9, д. 3, л. 2.
3. РГВА, ф. 1370к, оп. 1, д. 56, л. 193, 292.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 125, д. 146, л. 80.
5. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦА МО), ф. 32, оп. 11 302, д. 61, л. 96.
6. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 146, л. 52; ЦА МО, ф. 32, оп. 11 302, д. 104, л. 322.
7. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 53, д. 10, л. 25.
8. РГВА, ф. 1370к, оп. 1, д. 56, л. 373.
9. Там же, л. 36—39; НА ИРИ РАН, ф. 2, р. 2, оп. 15, д. 2, л. 15.
10. Там же, р. 6, оп. 18, д. 2, л. 2об.
11. ЯКОВЛЕВА Е.В. *Польша против СССР: 1939—1950 гг.* М. 2007, с. 138.
12. НА ИРИ РАН, ф. 2, р. 2, оп. 13, д. 6, л. 12.
13. РГВА, ф. 1370к, оп. 1, д. 56, л. 193.
14. БАБЕРОВСКИЙ Й. *Красный террор: История сталинизма.* М. 2007, с. 203.
15. РГВА, ф. 500к, оп. 2, д. 229, л. 32.
16. Прибалтика: Под знаком свастики (1941—1945): Сб. документов. М. 2009, с. 176—177.
17. ОКороков А.В. *Особый фронт: Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны.* М. 2007, с. 11.
18. ШКАРОВСКИЙ М.В. *Ук. соч., с. 465.*

19. РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 7, л. 562—563.
20. НА ИРИ РАН, ф. 2, р. 6, оп. 9, д. 5, л. 8об.
21. FLETCHER W. The Russian Orthodox Church Underground, 1917—1970. London. 1971, p. 159—162.
22. ЖУКОВ Д. Оккультизм в Третьем рейхе. М. 2006, с. 149; НИКИТИН А.К. Нацистский режим и Русская православная община в Германии (1933—1945). М. 1998, с. 401—404.
23. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 166, л. 89об.—90об.
24. РГВА, ф. 1370к, оп. 1, д. 56, л. 17—18.
25. ЦА МО, ф. 32, оп. 11 289, д. 83, л. 355—356.
26. РГВА, ф. 500к, оп. 2, д. 229, л. 61; ф. 1370к, оп. 1, д. 56, л. 202.
27. Там же, л. 213, 279—280, 283—284, 318.
28. ЦА МО, ф. 32, оп. 11 302, д. 59, л. 365; НА ИРИ РАН, ф. 2, р. 6, оп. 6, д. 1, л. 14.
29. НА ИРИ РАН, ф. 2, р. 6, оп. 6, д. 1, л. 13; оп. 9, д. 5, л. 8.
30. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Сб. документов. М. 2009, с. 556.
31. РГВА, ф. 1370к, оп. 1, д. 56, л. 75—76; НА ИРИ РАН, ф. 2, р. 6, оп. 13, д. 29, л. 2.
32. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 322, л. 30.
33. Миф о героической работе верхушки НТС: Письма редактора газеты «За родину» А.Г. Макриди-Стенроса писателю Д.М. Панину-Сологдину — из Канберры в Париж. — Наша страна. Буэнос-Айрес. 4.V.2013, с. 4.
34. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 253, л. 19; ф. 69, оп. 1, д. 1092, л. 2.
35. РГВА, ф. 1363к, оп. 1, д. 68, л. 235, 240об.—241; ф. 1370к, оп. 1, д. 56, л. 36—37.
36. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 167, л. 20; РГВА, ф. 1370к, оп. 1, д. 56, л. 91—93.
37. Там же, ф. 1363к, оп. 1, д. 155, л. 60.
38. НА ИРИ РАН, ф. 2, р. 6, оп. 9, д. 5, л. 4.
39. РГВА, ф. 1370к, оп. 1, д. 56, л. 184.
40. Там же, л. 248, 250.
41. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 53, д. 8, л. 21.
42. РГВА, ф. 1370к, оп. 1, д. 56, л. 86—87, 183.
43. В Прибалтике ждали фюрера... И фюрер пришел! — Военно-исторический журнал. 2001, № 6, с. 40.
44. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 172, л. 9; РГВА, ф. 1370к, оп. 1, д. 56, л. 243—245.
45. НА ИРИ РАН, ф. 2, р. 6, оп. 19, д. 12, л. 1.
46. РГВА, ф. 1358к, оп. 1, д. 13, л. 15—19.
47. К. Улманис (1877—1942) — президент Латвии в 1936—1940 гг.
48. РГВА, ф. 1370к, оп. 1, д. 56, л. 79—80.
49. Там же, л. 191—192, 240, 242, 279—280, 308, 318.
50. Там же, л. 143, 192, 203, 238, 277—278, 280—281.
51. ЯКОВЛЕВА Е.В. Ук. соч., с. 76, 97, 99—101, 137.
52. РГВА, ф. 1370к, оп. 1, д. 56, л. 191, 193, 209.
53. РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 1092, л. 1.
54. ЦА МО, ф. 32, оп. 11 302, д. 59, л. 356об.—357об.
55. РГВА, ф. 1323к, оп. 2, д. 288, л. 2об.
56. НА ИРИ РАН, ф. 2, р. 6, оп. 9, д. 5, л. 5.
57. КОВАЛЬ М.В. Україна в Другій світовій і Великій Вітчизняній війнах. Київ. 1999, с. 264—265.
58. РГВА, ф. 1370к, оп. 1, д. 56, л. 118.
59. МАЙНЕР С.М. Сталинская священная война: Религия, национализм и союзническая политика: 1941—1945. М. 2010, с. 96.
60. РГАСПИ, ф. 17, оп. 122, д. 66, л. 9; оп. 125, д. 104, л. 119.
61. Там же, ф. 625, оп. 1, д. 12, л. 88об.
62. РГВА, ф. 504к, оп. 1, д. 1, л. 2—2об; ф. 1370к, оп. 1, д. 56, л. 285.
63. ЦА МО, ф. 32, оп. 11 302, д. 59, л. 368об.—369об. 371об.; оп. 11 309, д. 71, л. 240; РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 104, л. 170—171; НА ИРИ РАН, ф. 2, р. 2, оп. 14, д. 7, л. 6об.; д. 8, л. 2.
64. ЦА МО, ф. 32, оп. 11 302, д. 59, л. 356об.
65. РГВА, ф. 1370к, оп. 1, д. 56, л. 246.

66. НА ИРИ РАН, ф. 2, р. 6, оп. 19, д. 16, л. 2, 8; ЧЕРНЕНКО А.М. Народная гвардия. В кн.: Герои подполья. Ч. 1. М. 1972, с. 161—189.
67. НА ИРИ РАН, ф. 2, р. 6, оп. 9, д. 9, л. 2.
68. РГВА, ф. 1370к, оп. 1, д. 56, л. 293.
69. НА ИРИ РАН, ф. 2, р. 6, оп. 19, д. 1а, л. 3.
70. РГВА, ф. 1370к, оп. 1, д. 56, л. 268.
71. НА ИРИ РАН, ф. 2, р. 2, оп. 10, д. 51а, л. 12—13; р. 6, оп. 13, д. 31, л. 2—3.
72. Там же, р. 2, оп. 13, д. 7, л. 4об; оп. 14, д. 15, л. 2.
73. РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 605, л. 23; д. 1059, л. 170; д. 1073, л. 16.
74. НА ИРИ РАН, ф. 2, р. 2, оп. 13, д. 7, л. 4; оп. 14, д. 16, л. 1об.; оп. 15, д. 2, л. 7—7об.
75. РГВА, ф. 1370к, оп. 1, д. 56, л. 198—199.
76. ШТАРАС П.Ф. Партизанское движение в Литве в годы Великой Отечественной войны. Вильнюс. 1965, с. 10.
77. Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне, 1941—1945. Т. 1. Рига. 1966, с. 286, 323.
78. НА ИРИ РАН, ф. 2, р. 2, оп. 14, д. 6, л. 9, 10об; оп. 15, д. 4, л. 11—11об.
79. Там же, р. 6, оп. 9, д. 5, л. 7об.
80. РГВА, ф. 1370к, оп. 1, д. 56, л. 308—309.
81. ЦА МО, ф. 32, оп. 11 302, д. 59, л. 368об.
82. РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 1057, л. 1.
83. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «Коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М. 2007, с. 398, 401.
84. КУЛИК С.В. Советская печатная пропаганда в условиях немецко-фашистской оккупации 1941—1944 гг. (по материалам северо-запада РСФСР). — Россия и мир. Гуманитарные проблемы. Выпуск 8. СПб. 2004, с. 108.
85. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 136, л. 82; д. 138, л. 36.
86. ЦА МО, ф. 32, оп. 11 309, д. 97, л. 1—2.
87. РГВА, ф. 1370к, оп. 1, д. 56, л. 42, 79—80, 143.
88. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 53, д. 12, л. 62—62об.
89. ЦА МО, ф. 32, оп. 11 302, д. 59, л. 356об., 357об.; РГАСПИ, ф. М-1, оп. 53, д. 12, л. 27.
90. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 104, л. 180; ф. 69, оп. 1, д. 1057, л. 1об.
91. ПАВЛОВА Т.А. Гражданское население Сталинградской области в условиях германской оккупации (июль 1942 г. — февраль 1943 г.): Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб. 2007, с. 20.
92. НА ИРИ РАН, ф. 2, р. 6, оп. 18, д. 2, л. 3.
93. ЩЕРОВ И.П. Коллаборационизм в Советском Союзе, 1941—1944: типы и проявления в период оккупации. Смоленск. 2005, с. 353—354.
94. РГВА, ф. 1370к, оп. 1, д. 56, л. 191.

Дуэльные злоключения Ф.И. Родичева

А.А. Иванов

Аннотация. Работа посвящена известному российскому либеральному политику, депутату Государственной думы Российской империи всех четырех созывов Ф.И. Родичеву. На богатом источниковом материале (стенографические отчеты Государственной думы, публикации периодической печати, источники личного происхождения) в публикации впервые подробно рассматриваются и анализируются три дуэльных конфликта, невольным участником которых стал Родичев. Помимо известного инцидента с П.А. Столыпиным, который автор рассматривает с привлечением новых источников, в работе уделено внимание и гораздо менее известным столкновениям Родичева в В.И. Гурко и В.В. Шульгиным.

Ключевые слова: Государственная дума Российской империи, депутатская дуэль, В.И. Гурко, В.В. Шульгин, П.А. Столыпин.

Abstract. The work is concerned with a prominent Russian liberal politician, the deputy of the State Duma of all four convocations, F.I. Rodichev. On the basis of ample sources (verbatim records of the Imperial Duma, publications of the periodical press, private sources) this publication for the first time drills down and analyzes three dueling conflicts which involuntary participant was Rodichev. Apart from the well-known incident with P.A. Stolypin which is discussed by the author with the involvement of new sources, the work places greater emphasis on much less known Rodichev's confrontations with V.I. Gurko and V.V. Shulgin.

Key words: The Imperial Duma, Parliamentarian's duels, V.I. Gurko, V.V. Shulgin, P.A. Stolypin.

Депутат Государственной думы всех четырех созыв Фёдор Измайлович Родичев по праву считался одним из самых ярких ораторов кадетской фракции. Речи его всегда отличались темпераментом и страстностью, но довольно часто носили поверхностный, митинговый характер. «У него был особый дар бросать летучие, тут же сочиненные и крепко запоминающиеся слова..., — вспоминала видная деятельница кадетской партии А.В. Тыркова. — Он был художник слова, оратор Божьей милостью. Он зажигал, захватывал...»¹ «Ф.И. Родичев обла-

Иванов Андрей Александрович — доктор исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru.

Ivanov Andrey A. — doctor of historical sciences, associate professor of the St. Petersburg State University. E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru.

дал совершенно исключительным даром красноречия, — утверждал кадетский лидер П.Н. Милюков, — но его горячий темперамент часто выводил его за пределы, требовавшиеся фракционной дисциплиной и политическими условиями момента»². «...По мощности своего красноречия [Родичев] был ни с кем несравнимым оратором, — соглашался кадет В.А. Оболенский. — Его называли “оратором Божьей милостью”. Красноречие давалось ему без труда. Он никогда не готовился к своим речам, и наиболее блестящими были как раз те, которые он даже не успевал обдумать, когда он выходил на трибуну, движимый внезапно охватившим его чувством, не зная наверно — что именно скажет, когда творил свою яркую красочную речь во время ее произнесения». Впрочем, оговаривался Оболенский, «говорить спокойно и сдержанно Родичев совершенно не умел, а потому слушать его речи слишком часто было утомительно». Поэтому «фракция редко поручала Родичеву ответственные выступления, ибо он сам не знал вперед, — куда его приведет владевшее им красноречие. И бывали случаи, когда он говорил совсем не то, что было нужно по тактическим соображениям»³.

Депутат-октябрист М.Я. Капустин так характеризовал манеру выступлений Родичева: «Он всходит на трибуну, и в его манере передвигаться, в его внешности, жестыкуляциях уже кроется начало его громовой речи. Затем начинается упорное взвинчивание, нанизывание, и каждую минуту ждешь, что вот-вот что-нибудь сорвется, и Родичев выпалит Бог весть что»⁴. П.Б. Струве также указывал на эту слабость Родичева, считая, что «он был импровизатор, чем в сущности никакой оратор, а в особенности политический, не должен быть»⁶. Кроме того, Струве ставил в минус Родичеву и то, что депутат «не умел или не хотел обезоруживать и покорять противников, скорее он им бросал вызовы или даже их прямо раздражал»⁵.

На эту черту Родичева-оратора обращал внимание и председатель II Государственной думы Ф.А. Головин, особо отметивший его манеру «бичевать противника, гвоздить его к позорному столбу», а политический оппонент кадетского оратора, сподвижник П.А. Столыпина И.Я. Гурлянд, называя Родичева «первым тенором кадетской партии», считал, что партия выпускает его на трибуну «не для того, чтобы он проводил ту или иную мысль, но чтобы создал непременно то, а не иное настроение»⁶. Злые языки даже поговаривали, что причиной излишней темпераментности депутата-кадета являлось злоупотребление алкоголем. Депутат II Думы кадет Н.М. Иорданский отмечал, что Родичев был «оратор-трибун, демагог», который «чувствовал острую ненависть к деспотическому правительству и мог говорить очень сильные речи, полные гнева. Он каждое слово бросал, как молот. Во время речи он мог сам вдохновляться и заряжаться своим красноречием. Иногда он делал паузы, когда он выковывал свои жгучие фразы. Он краснел и дрожал. На свежего человека, никогда его не слышавшего, он производил впечатление человека, как бы в каком-то ненормальном состоянии, даже пьяного, недаром правые хулиганы иногда ему кричали с мест: “Должно быть, из буфета пришел!”»⁷

Но если для либеральной оппозиции Родичев был «первым тенором», «оратором Божьей милостью» и «златоустом», то правые называли его «балалайкой», «корифеем праздной болтовни» и «пустозвоном».

Беспощадный к Родичеву колумнист «Нового времени» М.О. Меньшиков дал ему убийственную характеристику: «В кадетской партии... г. Родичев занимает амплу трагика. Вы знаете этот ужасный тип уездного Сальвинии ⁸, что изображая какого-нибудь Прокопия Ляпунова, мечется по сцене, ржет, завывает, скрежещет зубами, вопит столь неистово, что на его вызовы небесам откликаются все собаки с ближайших улиц. Чтобы изобразить терзания души высокой, великому валдайскому или сапожковскому артисту приходится предварительно вбухать в себя полуштоф перцовки, да закусить самой горькой редькой, какая найдется в местном постоялом отеле. Растрепанная шевелюра, глаза, налитые кровью, и в них “тысяча чертей и одна ведьма”... Именно такого трагика выслала нам в Думу тверская глушь в лице г. Родичева. Так как в Петербурге находится великое множество провинциалов, и сама Дума состоит почти сплошь из них, то конвульсии и вопли г. Родичева пришлись по вкусу многим... Он считается хотя недалеким человеком, однако незаменимым в качестве тарана. К ответственным решениям его не допускают, но когда нужно произвести погром, клетка отворяется и на арену выскакивает старый горлан... Напыщенные бунтовские выкрики обличают в г. Родичеве непримиримого и до ужаса “страшного” демагога из уездного подполья...». Называя Родичева «седовласым гимназистом», Меньшиков остроумно сравнивал его речи с дешевыми горячими пирожками: «корка обжигает, но неприхотливый потребитель благоразумно делает, решаясь не вникать в качество начинки» ⁹. Консервативное «Новое время» не жалело кадетского депутата, издевательски отмечая, что «по данным расследования», «его в детстве мамка ушибла, и отсюда получился у него своеобразный “темперамент”» ¹⁰.

Горячность и увлеченность Родичева не раз становились причинами парламентских инцидентов и скандалов, некоторые из которых имели дуэльный колорит.

Первый подобный инцидент произошел с Родичевым еще во II Государственной думе. Выступая 11 мая 1907 г. по продовольственному вопросу, он упомянул громкий скандал, в котором был замешан товарищ министра внутренних дел В.И. Гурко. Убедая левых в необходимости оплатить затраты поставщиков хлеба, идущего на раздачу нуждающимся, Родичев произнес следующие слова: «В России не найдется такого представительства, которое скажет: денег за поставленное народу мы не заплатим, потому что мошенничал быть может Гурко. Пусть сто Гурко смошенничали. Этот хлеб принадлежит тем, кто возделывал его своими руками, кто вдвойне несчастен. Одному несчастью иметь в составе правительства лиц, вроде Гурко, вы хотите прибавить другое, хотите убить веру в честность всего государства России» ¹¹.

Брошенное по адресу видного государственного сановника обвинение в мошенничестве было связано с громким делом «Гурко — Лидваля», бурно обсуждавшимся в то время на страницах российской печати. Суть его заключалась в следующем. Сын генерал-фельдмаршала, товарищ министра внутренних дел и один из главных разработчиков столыпинской аграрной реформы Гурко, которому было поручено организовать помощь голодающим, заключил контракт на поставку 10 млн пудов зерна в пострадавшие от неурожая губернии с

фирмой, принадлежавшей шведскому подданному Э.-Л. Лидвалю, ранее занимавшемуся торговлей... унитазами. Впрочем, опыт хлебной торговли у Лидваля тоже был, правда, совсем небольшой, поэтому его фирма была плохо известна на хлебном рынке. Получив значительную денежную сумму от государства, Лидваль своих обязательств не исполнил, сумев поставить лишь 915 тыс. пудов, что вынудило власть срочно искать других поставщиков, заключать новые контракты и нести дополнительные расходы. Современники были уверены в наличии коррупционной составляющей в этой истории, полагая, что «сговор» царского сановника и бизнесмена имел своей целью обогащение обоих за счет казны. Однако дело, судя по всему, было в другом. Гурко ввязался в это авантюрное предприятие в связи с тем, что Лидваль предложил поставить зерно по сравнительно низкой цене, если ему будет предоставлена монополия на этот контракт. Кроме того, чтобы стать успешной, сделка должна была быть тайной, так как если бы продавцы хлеба узнали, что единственный покупатель выполняет государственный заказ, они не стали бы торопиться отдавать зерно по предложенной цене, ведь казна к наступлению срока поставки выкупит его в любом случае. Как отмечали историки Н.П. Соколов и А.Д. Степанский, «злоупотребления со стороны Гурко и злого умысла во всей этой истории, разумеется, не было, был риск, значительный, но разумный, суливший в случае успеха огромную экономию казенных средств и понижение хлебных цен, к чему стремился Гурко»¹². Но пресса подняла шум вокруг казенных поставок и сорвала этот план.

Как отмечают биографы Гурко, «неожиданный провал остроумно задуманной комбинации наводит на мысль, что в этом направлении предпринимались целенаправленные усилия» не только оппозицией, хлеботорговцами и земледельческими кругами, но и со стороны Министерства внутренних дел и, возможно, лично Столыпина, пытавшегося избавиться «от слишком яркого и самостоятельного “товарища”»¹³. Обвинение в мошенничестве, брошенное Родичевым с думской трибуны, прозвучало в то время, когда Гурко находился под судом, и приговор, соответственно, еще не прозвучал. Поэтому неудивительно, что речь оппозиционного депутата, позорившая его перед всей страной, вызвала возмущение Гурко. Как отмечает Н.В. Некрасов, сановник «еще мог стерпеть те ругательства и инсинуации, которые изливали в его адрес журналисты», но «здесь его низвели до заурядного мошенника с высоты парламентской трибуны, и прозвучали обидные слова из уст известного и популярного политика, дворянина и, кстати, земляка Гурко. Это переполнило чашу терпения бывшего заместителя Столыпина»¹⁴.

На следующий день после выступления Родичева Гурко отправил сразу два письма с требованием сатисфакции: одно — лично обидчику, другое — в газету «Новое время». Отметив, что кадетский оратор обвинил его в деяниях, затрагивающих честь, Гурко назвал высказывание своего критика «сознательной грязной клеветой» и, поскольку Родичев был дворянином, призвал его к барьеру¹⁵. Так как вызов был сделан публично, Родичев ответил своему оппоненту так же — одновременно с отсылкой письма адресату опубликовал свое письмо в газете¹⁶. Кадетский политик вызова решил не принимать, считая,

что как публичный политический деятель и юрист, он обязан отвечать за свои слова не иначе как перед судом ¹⁷. Опубликовав свой отказ от поединка, Родичев придал ему форму весьма обидную для Гурко. В опубликованном ответе, в частности говорилось: «Не касаясь в настоящую минуту значения слов моих и не обсуждая допустимости и ваших выражений, должен заметить вам, что вы состоите под судом за преступление, не только караемое законом, но и противное правилам чести. Пока над вами тяготеет обвинение в том, что вы заведомо сообщали неправду о тех действиях своих, за осуждение коих вы призываете меня к ответу, до тех пор за вами не может быть признано право требовать за такие суждения удовлетворения путем поединка. Поэтому помимо других соображений, я отклоняю ваш вызов» ¹⁸.

Гурко, не без оснований посчитавший себя еще более оскорбленным таким отношением к нему оппозиционного депутата, направил Родичеву второе письмо, в котором подчеркивал, что ни одна из статей, по которым он обвиняется, не пятнает дворянской чести, и фактически обвинял своего обидчика в трусости. В завершении письма Гурко давал Родичеву второй шанс «поступить согласно правилам чести», подчеркивая, что «вторичный отказ разоблачит истинную его причину» и развяжет ему руки для преследования депутата в судебном порядке ¹⁹.

Заручившись поддержкой партии и либерально-демократической печати, Родичев проигнорировал повторный вызов. Левые и либеральные издания публиковали карикатуры и фельетоны, изображавшие опозоренного Гурко и торжествующего Родичева. «Все это было бы очень грустно, если бы не было так смешно, — иронизировал писатель и журналист А.И. Красницкий. — Разве возможна дуэль с г. Гурко в данном положении? Ведь, это значило бы подвергать первый департамент правительствующего Сената риску произнесения справедливого приговора. Г. Гурко, действительно, лучше было немного подождать. Зачем торопиться? Решимость, отвага, храбрость сослужат ему великолепную службу и в будущем, преждевременно растрчивать запасы их нечего...» ²⁰ Карикатурист журнала «Искры» изобразил Родичева, пригвоздившего Гурко шпагой к «позорному столбу», на другом рисунке Гурко бросал Родичеву перчатку, а тот показывал ему Уложение о наказаниях ²¹.

Если либерально настроенная общественность явно сочувствовала Родичеву, то социалисты подсмеивались над обоими участниками несостоявшейся дуэли. Бывший депутат I Государственной думы трудовик С.В. Аникин, обращая внимание на то, что своим вызовом Гурко признал депутата-кадета Родичева равным себе, писал: «... Гурко заведовал голодом и выдал Лидвалю миллион за так... Родичев сказал в Думе горячую речь, взывал к голосу совести левых, как будто перед ним сидели не социалисты, а сам Гурко. Родичев убедил правую сторону покрыть бесчисленные расходы гуркиного ведомства, фактически утвердил их без проверки отчетов. После этого Гурко был вправе увидеть в лице Родичева равного себе дворянина. Настоящая дуэль во вкусе немецких рыцарей — с двумя каплями крови, примирением и брудершафтом. Противники могли бы поменяться после дуэли не только оружием, но и местами: Гурко бы с Лидвалем... по-

шел бы в Думу беречь совесть социалистов, а Родичев со своими кадетами — заведовать продовольственной частью»²².

Но были, конечно же, и более серьезные отклики. Писатель левых взглядов В.Г. Короленко замечал: «На месте г. Гурко я начал бы с того, чем он намерен кончить. Дворянин или не дворянин г. Родичев, это до характера деяний г. Гурко не имеет ни малейшего отношения. Дуэль вообще есть старая бессмыслица, дуэль до суда представлялась бы бессмыслицей сугубой... Ведь суд может еще и расширить пределы рассмотрения поступков г-на Гурко... И вот, г. Родичев мог бы понести или нанести увечье, а суд все-таки нашел бы те самые деяния, в которых Родичев обвинял бывшего товарища министра... Но г. Гурко настаивает на своем, и “Новое время” огласило новое письмо, в коем г. Гурко еще раз пытается доказать свое право еще до суда чуточку подраться с дворянином-депутатом...»²³ Правда, Короленко почему-то не приходило в голову, что и поступок Родичева, назвавшего Гурко мошенником до приговора суда, достоин осуждения. Консервативная газета «Свет» писала по этому поводу: «Защищать Гурко никак нельзя до суда, чтобы дать суду возможность свободы судебного приговора... Но уж и ругать лиц, находящихся под судом и издеваться над ними — это такая гадость, на которую способны немногие»²⁴.

17 сентября 1907 г. Гурко был отставлен от службы по обвинению «в превышении власти и нерадении в отправлении должности» и лишен права в течение трех лет заниматься государственной и общественной деятельностью. Но в мошенничестве и казнокрадстве он обвинен не был. Таким образом, даже формально бывший товарищ министра внутренних дел был прав, когда указывал Родичеву, что ничего противного правилам чести он не совершал. Уже в марте следующего года император помиловал опального сановника, а в 1909 г. с Гурко были сняты все последствия осуждения²⁵. Более того, Гурко начал судебное дело против газеты «Русь», обвинявшей его в расхищении казенных сумм, и выиграл его — суд признал газетчиков клеветниками²⁶.

Иначе отреагировали на этот «дуэльный» скандал правые. Расценив ответ Родичева как «грубо-нахальный», черносотенное «Вече» писало: «Какие в переживаемое ныне хулиганское время дуэли. Теперь прямо следует нахалов бить по морде при первой встрече»²⁷. «Что Гурко вызвал его на дуэль — это хорошо, — отмечал “Свет”. — ... Но в виду предстоящего суда, секунданты Гурко не должны назначать дуэли ранее окончания суда. Родичев, очевидно, принадлежит к числу тех людей, которые давно уже расстались с моралью. В оскорблении других они видят свою победу, не замечая, что бешено кусают людей связанных и по рукам, и по ногам»²⁸. Не преминул высмеять своего оппонента и известный правый политик В.М. Пуришкевич, сделав это в свойственной ему стихотворно-издевательской манере. В нецензурной эпиграмме Пуришкевич, назвав Родичева «подлецом», сравнивал его с продажной женщиной, давно утратившей свою честь²⁹.

Не успела затихнуть эта «дуэльная» история, как уже через несколько дней Родичев оказался участником нового скандала. 17 мая 1907 г. в ходе бурных думских прений депутат В.А. Бобринский коснулся вопроса о революционном терроре, призвав к порицанию

убийств, которые «истерзали нашу Россию»³⁰. При этом граф также осудил и правый террор, подчеркнув, что право на насилие является исключительно прерогативой государства, вынужденного применять его для обуздания тех, кто непослушен закону. Как отмечали газеты, речь правого оратора периодически перебивал своими комментариями Родичев, по адресу которого, намекая на недавний инцидент с Гурко, Бобринский выпалил: «Я прошу вас, депутат Родичев, меня не перебивать. У вас, вы знаете, еще другие дела есть, которые вы еще не ликвидировали! Следовало бы быть поскромнее»³¹.

Взяв слово вслед за Бобринским, Родичев обрушился на «патентованных патриотов» со страстной речью против «произвола» властей, удостоившись по ходу своего выступления брошенной из зала правым депутатом В.В. Шульгиным реплики: «Вы уже раз лгали»³². В конце этого почти что митингового заседания взявший слово по личному вопросу Бобринский посчитал нужным ответить на речь Родичева, в которой упоминался некий «представитель Тульский губернии», следующими словами: «Так как от Тульской губернии говорил только один я, то, очевидно, это относилось ко мне. Повторять инсинуации, которые сделал член Думы Родичев, я не буду. Член Думы Шульгин за меня с места уже ответил». Этот выпад заставил Родичева заявить Думе, что «если ложь здесь сказана, то она сказана не мною», и что подобного рода слова унижают не тех, к кому они обращены, а тех, кто их произносит³³. Таким образом, обвинение во лжи, брошенное Шульгиным, было возвращено Родичевым ему самому. Реакция правого депутата не оставляла сомнений в его намерениях. «Родичев, под судом я не состою!» — выкрикнул он с места, давая тем самым понять, что готов к услугам депутата-кадета³⁴. Затем Шульгин подошел к креслу Родичева и стал с ним объясняться. О чем взволнованно говорили между собой депутаты, журналистам подслушать не удалось, но всем было ясно, что назревал новый дуэльный скандал.

Депутат Г.А. Алексеев писал в тот же день в частном письме: «Заседание кончилось вызовом Родичева на дуэль Шульгиным. Конец заседания вообще носил характер базара, и я так и ждал, что вот-вот начнется рукопашная, — до такой степени разгорелись все страсти»³⁵. «Г. Родичеву придется, по-видимому, снова доказывать свою неустрашимость, — иронично писала газета “Свет”. — Правые на заседании 17 мая открыто над ним издевались. В их речах-восклицаниях, делаемых с “места” и презрительном смехе явно сказывалось ликование по поводу того, что г. Родичев в деле с Гурко “отпраздновал трусу”. Это ироническое отношение передалось и левым, которые подшучивают над думским “Мирабо”. Г. Родичев, видимо, все этим раздраженный, вышел из себя и начал браниться... Вообще, этот неудачный дуэлянт был не в своей тарелке. Все это привело к тому, что г. Шульгин вызвал его на дуэль»³⁶.

Слухи об очередном вызове Родичева к барьеру вскоре подтвердились благодаря появившемуся в газетах открытому письму Шульгина, завершавшегося фразой: «если вы считаете себя оскорбленным мною, я всегда к вашим услугам»³⁷. Шульгин провоцировал Родичева на дуэль и, видимо, отдавал себе отчет, что его оппонент этим «предложением» не воспользуется и снова будет «посрамлен». Как и

следовало ожидать, Родичев так и поступил. Назвав письмо своего оппонента «провокационной выходкой», а попытку заставить его драться — «жалкой», он не удостоил Шульгина ответом ³⁸.

Естественно, что оппозиционная печать поспешила и этот случай представить как безусловную победу кадетского «златоуста». Осуждая провокацию Шульгина и приветствуя отсутствие реакции на нее со стороны Родичева, Красницкий ядовито заметил: «...Шульгину тоже надобно себя поберечь, Союз русского народа что-то шатается, и осиротеть ему в такое время совсем не под стать» ³⁹. А.В. Тыркова, осуждая попытку навязать молодому российскому парламенту нравы французских депутатов, время от времени выясняющих отношения при помощи показательных дуэлей, безжалостно высмеивала Шульгина в «Речи»: «...Шульгину себя беречь нечего. С самого появления в Думе этот злобный и ничтожный человек вызвал к себе очень дружное чувство брезгливой неприязни, которое давно уже перешагнуло порог Таврического дворца и распространилось в широких кругах людей, интересующихся Думой. Шульгин не дурак и отлично знает цену собственной репутации. Отчего же ему, именно ему, мелко-злостному и в то же время бессильному, не попытаться сорвать свою злобу на одном из самых талантливых и ярких людей в России? Все-таки лестно, когда будут говорить о нем и о Родичеве рядом» ⁴⁰. Но время все расставило по своим местам. Инцидент между депутатами быстро забылся (показательно, что ни один из них даже не упомянул его в своих мемуарах), а имя киевлянина Шульгина зазвучало громко и самостоятельно. И та же Тыркова много лет спустя, характеризуя Шульгина в своих воспоминаниях, отзовется о нем совсем иначе: «Это был очень культурный киевлянин, молодой, благовоспитанный. Говорил он обдуманно и умело. Самые неприятные вещи Шульгин подносил с улыбочкой. Оппозицию он язвил неустанно и подчас очень зло» ⁴¹.

Самый известный и резонансный дуэльный инцидент произошел с Родичевым 17 ноября 1907 года. Кадетский оратор настолько увлекся, что сам не заметил, как бросил с думской трибуны оскорбление по адресу находившегося в зале председателя Совета министров Столыпина. Эта скандальная история настолько впечатлила современников, что мало кто из мемуаристов, бывших ее свидетелями, обошел ее вниманием на страницах своих воспоминаний. Однако память нередко подводила авторов мемуаров, они путали или забывали детали этой истории, а вслед за ними те же ошибки допускали и исследователи, некритично отнесшиеся к воспоминаниям современников этого события. Тырковой, например, запомнилось, что скандал этот спровоцировала речь Родичева по поводу военно-полевых судов ⁴², и это мнение впоследствии стало довольно распространенным мифом ⁴³. Однако повод для страстного выступления кадетского оратора был другой. Родичев говорил не о военно-полевых судах, а давал ответ на декларацию председателя Совета министров Столыпина и характеризовал всю его внутреннюю политику. Родичев требовал от власти «окончательно и бесповоротно вступить на почву права» и прекратить применять силу. В завершении своего как всегда страстного выступления оратор произнес следующие слова: «...В то время, когда русская власть находилась в борьбе с эксцессами революции, только одно средство видели, один палладий в том, что

г. Пуришкевич называет муравьевским воротником ⁴⁴ и что его потомки назовут, быть может, столыпинским галстуком...» ⁴⁵

На слова Родичева о «столыпинском галстуке» последовала незамедлительная и бурная реакция депутатов. «В зале творилось что-то неопишное, — вспоминала Тыркова. — Левый сектор бурно аплодировал... Правые опомнились, вскочили с мест, зашумели, закричали» ⁴⁶. «Кричат правые, кричат умеренные, кричит большинство октябристов, — отмечал корреспондент «Голоса Москвы». — Слева несутся крики, призывающие к успокоению. Правые вскакивают с мест и, с протянутыми вверх руками, продолжают кричать: “вон, вон, вон!”». Им навстречу спускаются со своих мест левые, и толпа стоит у ораторской трибуны. Крики все увеличиваются... Крики невероятных оскорблений сыпятся со всех сторон. Кулаки мелькают в воздухе» ⁴⁷. «... Зал в одно мгновение преобразился, — отмечал корреспондент «Нового времени». — Казалось, что по скамьям прошел электрический ток. Депутаты бежали со своих мест, кричали, стучали пюпитрами; возгласы и выражения негодования сливались в невероятный шум, за которым почти не слышно было ни отдельных голосов, ни звонка председателя. Полукруг перед трибуной мгновенно наполнился депутатами, а сидевшие позади, оказались в первых рядах. “Долой, вон, долой!” “Не расстались со своим Выборгом!” “Выгнать его, немедленно вон!..” “Нечестно, подло!..” “Вы оскорбили представителя Государя...” “Мерзко, недостойно члена Думы, недостойно высокого собрания...” Крики неслись со всех сторон. Октябристы, умеренные, правые — все столпились около трибуны, к которой тянулись десятки рук, и казалось, что зарвавшегося, забывшегося г. Родичева моментально силою стащат с трибуны. Несколько человек уже стояло за пюпитрами секретарей, а г. Пуришкевич порывался бросить в г. Родичева стаканом» ⁴⁸.

Известный адвокат октябрист Ф.Н. Плевако выкрикнул фразу: «Во всем вашем Родичеве меньше ума, чем в мизинце Столыпина!» ⁴⁹ Граф Бобринский сломал свой пюпитр ⁵⁰. «Был момент, — отмечало «Русское слово», — когда казалось, Родичев будет избит» ⁵¹. Сам виновник скандала свидетельствовал: «Поднялась буря. Все, кто были направо от К.-Д., вскочили с мест и вопили. Помню Пуришкевича, который с ругательством кинулся меня бить. Его остановил плечистый Гегечкори. Помню Крупенского, ругавшегося матерными словами. Больше всех меня огорчил и удивил Плевако. С развивающимися волосами, он спускался по проходу сверху вниз и неистово ругался матерными словами...» ⁵²

Председатель был вынужден сделать перерыв. Столыпин покинул зал заседания и вышел в министерский павильон. Вслед за ним вышли и остальные министры.

Родичев тем временем все еще стоял на трибуне, «краснел, бледнел, пробовал что-то говорить и затем будто замер, видя, что его выходкой возмущена почти вся Дума, за исключением, может быть, небольшой кучки лиц» ⁵³. Выручил оскандалившегося оратора «высокий старик» кадет И.К. Покровский, прикрывший Родичева руками и выведший его под несмолкаемые крики в Екатерининский зал, а оттуда — уже в сопровождении других кадетов — во фракционную комнату. Освободившаяся трибуна тут же была захвачена П.Н. Кру-

пенским, который, переругиваясь с кадетами, так ожесточенно колотил по ней кулаками, что расшиб себе руку ⁵⁴. Лишь возгласы фракционных лидеров — «по фракциям, по фракциям!» — заставили разбушевавшихся депутатов освободить думский зал ⁵⁵.

Причины столь бурной реакции думского большинства на слова Родичева современники объясняли по-разному. Одни считали виною всему темперамент оратора, другие были убеждены, что правые и октябристы просто воспользовались ситуацией, чтобы отомстить кадетам, нападавшим на Столыпина. Как бы то ни было, скандал получился громким. При этом, как справедливо отмечал свидетель инцидента Ф. Духовецкий, читатели родичевской речи не смогут понять, почему она спровоцировала такую реакцию — «мертвые буквы не могут воспроизвести того потрясающего впечатления, которое она производила на слушателей». «Его много и часто прерывали, — писал Духовецкий, — но раздражая оратора, это действовало на него возбуждительно и с каждым перерывом речь становилась все страстнее и страстнее. И надо же было, чтобы в конце это страстное обличение оборвалось диссонансом...» ⁵⁶

Вскоре до депутатов дошли сведения, что глава правительства намерен потребовать от кадетского депутата сатисфакции, так как не хочет остаться у своих детей с кличкой «вешателя». Газеты путались в фамилиях министров, передавших Родичеву требование принести извинение премьеру, называя самые разные имена, а сам виновник инцидента утверждал, что это были министр народного просвещения П.М. Кауфман и министр торговли Д.А. Философов ⁵⁷. Однако ошибся, судя по всему, и Родичев. Доверенными лицами премьера, взявшими на себя эту миссию, стали Кауфман и главноуправляющий землеустройством и земледелием князь Б.А. Васильчиков ⁵⁸.

Лидер фракции Милюков заявил, что для Родичева принятие дуэли «психологически и всячески невозможно» и «что Родичеву остается просто извиниться за неудачное выражение» ⁵⁹. Растерянный оратор, явно ошеломленный эффектом, который произвела его речь, объяснял депутатам: «Господи, да я совсем не хотел его оскорблять. Я говорил вообще о действиях власти. Да я сейчас же пойду и извинюсь. Зачем мне его обижать? Я его считаю порядочным человеком» ⁶⁰. Позже, уже успокоившись и остыв, Родичев неоднократно подчеркивал, что он решился на этот шаг не из-за требования министров и не по настоянию фракции, а исключительно потому, что сам посчитал это необходимым. «Я вспомнил свое правило, — писал Родичев, — оценивать слова не по намерению оратора, а по впечатлению слушателя, и решил с самого начала, что я возьму свои слова обратно, заявив, что я не имел намерения никого оскорбить» ⁶¹.

В присутствии председателя Государственной думы Н.А. Хомякова и депутата Н.Н. Львова Родичев принес Столыпину свои извинения ⁶². По свидетельству Львова, сильно взволнованный Родичев обратился к премьеру со следующими словами: «Ни по чьему-либо требованию, а по долгу совести прошу у вас прощения. Не имел намерения вас оскорбить». «Слова Родичева звучали неподдельной искренностью, и в правдивости его нельзя сомневаться», — утверждал Львов ⁶³. Выслушав своего «обидчика», премьер «с головы до ног смерил его высокомерным взглядом, и ясно и отдельно очень громко

произнес: «Я вас прощаю»⁶⁴. После чего он круто повернулся к двери. Раздосадованный такой реакцией Столыпина, депутат выкрикнул вдогонку председателю Совета министров: «Я не просил у вас прощения, я счел только долгом извиниться»⁶⁵. Эта фраза Родичева, которую он позже подтвердил⁶⁶, ставит под сомнение точность передачи его слов Львовым. Родичев не просил прощения у Столыпина, а лишь приносил ему свои извинения. Как подчеркивал в интервью одной из газет Родичев, если бы ему дали закончить выступление, он непременно бы пояснил, что брошенная им фраза не имела цели нанести личное оскорбление⁶⁷.

Поступок Родичева вызвал споры в кадетской фракции. Одни находили извинение ошибкой, другие «оценили благородное добродушие Родичева, который, при всей идейной страстности, не хотел вносить личный оттенок в этот страшный спор»⁶⁸. Через час после того, как заседание было прервано, министры во главе с премьером вернулись в свою ложу. Председатель Государственной думы, признав Родичева виновным в том, что он позволил себе оскорбить главу правительства, поставил на голосование вопрос о применении к провинившемуся депутату высшей мере взыскания — исключению на 15 думских заседаний. Воспользовавшись правом дать объяснения, Родичев взошел на трибуну. Взяв свои слова назад, он заверил депутатов, что в его намерения «никаких оскорблений не входило»⁶⁹. Но несмотря на это, Дума большинством голосов исключила Родичева на 15 заседаний⁷⁰. После этого депутат Крупенский озвучил предложение выразить «чувства глубокого уважения главе русского правительства и негодования к оскорбительным выражениям, произнесенным членом Государственной думы Родичевым, и поддержать эти чувства аплодисментами». Призыв правого депутата был услышан и, как отмечено в стенограмме, в ответ на него раздались «оглушительные рукоплескания справа, центра и отчасти слева»⁷¹. Среди вставших и аплодировавших к удивлению многих оказался и лидер кадетов П.Н. Милюков. Это произвело замешательство в кадетских рядах. Часть депутатов последовала примеру своего лидера, другие, недоуменно переглядываясь, остались сидеть. «Все знали, что у Милюкова не было того рыцарского уважения к противнику, которое заставило Родичева протянуть руку Столыпину», — отмечала осудившая поступок партийного лидера Тыркова⁷². На экстренном заседании кадетской фракции, собранном сразу же после окончания думского заседания, депутаты взволнованно обсуждали речь Родичева, его извинение и неожиданное для многих поведение Милюкова. На очередном заседании кадетской фракции Милюкову было вынесено порицание за его поступок, однако тут же, по инициативе А.И. Шингарева, эту горькую пилюлю подсластили объявлением кадетскому лидеру благодарности за речь, сказанную в следующем думском заседании⁷³.

Для Родичева осуждение частью либерального лагеря его поступка стало серьезным потрясением. Большинство кадетов было на его стороне, но и среди них звучали упреки. Считая «страшной жестокостью» исключение Родичева на 15 заседаний, В.А. Маклаков, тем не менее, назвал фразу своего софракционера «резкой и ненужной». «В словах Фёдора Измайловича было безусловно нечто оскорбительное»,

— соглашался бывший председатель II Государственной думы кадет Ф.А. Головин ⁷⁴. На свой вопрос к депутату-прогрессисту Н.Ф. Румянцеву — «зачем вы меня исключили» — Родичев услышал встречный вопрос: «А зачем Вы делаете такие жесты?», после чего Румянцев попытался изобразить петлю. Бывший кадет, а к этому времени прогрессист Львов, также голосовавший за исключение Родичева, признавался последнему, что его фигура олицетворяла тогда для него «ненавистный образ революции» ⁷⁵. «Жаль, что болтун Родичев, речь которого была по существу недурна и убедительна для многих, испортил все впечатление желанием сказать “историческое” слово», — отмечал в дневнике бывший министр народного просвещения, человек либеральных взглядов граф И.И. Толстой ⁷⁶.

Октябристы заявляли, что если бы скандальные слова были брошены кем-то из социалистов, они не предали бы им такого значения, но тот факт, что их произнес знаменитый и талантливый оратор, принадлежащий к либеральному лагерю, заставило их наказать его за «непростительную фразу» ⁷⁷. От октябристской прессы Родичеву доставалось за недопустимый митинговый тон, рассчитанный на «товарищей», за «адвокатские выверты», за «чисто животную, грубо насильственную манеру» воздействовать на слушателя, за нежелание отказаться от «привычек» двух первых Дум и начать учиться говорить «конституционным языком» ⁷⁸. Плевако агитировал депутатов наложить на Родичева своеобразную «епитимью» — не подавать ему руки в течение 30 дней ⁷⁹. А служивший в то время в Министерстве финансов В.Б. Лопухин и вовсе полагал, что «неизменно бывший на взводе», «талантливый, но совершенно беспочвенный оратор» Родичев бросил свою необдуманную фразу, так как был пьян ⁸⁰.

Родичев был крайне подавлен случившимся. «То был для меня страшный удар, — писал он, вспоминая реакцию Думы на свою речь. — ... Я не мог заснуть всю ночь, повторяя: “Что они со мной сделали”». Но уже утром его настроение переменялось. Оппозиционно настроенная общественность принялась чествовать Родичева как героя. Ему заносили карточки, звонили по телефону, «начались визиты, цветы, подношения» ⁸¹, благодарили за «богатырскую речь» ⁸².

Несмотря на то, что сам инцидент был быстро исчерпан, его последствия сказывались еще довольно длительное время. «Долго в Думе царило враждебное ко мне отношение, — вспоминал Родичев. — Депутат Пуришкевич произносил целые речи, обвиняя меня во всех прегрешениях политических и не политических. И председатели ему позволяли разглагольствовать против Родичева... Долго в Думе легко возникало возбуждение против меня» ⁸³. В семье депутата, как отмечала дочь Родичева, рассказов о происшедшем 17 ноября 1907 г. было много ⁸⁴. «...Дома только и было разговору об этом случае, тяжело отразившемся на моем отце», — также вспоминала дочь Столыпина ⁸⁵. Однако в отношении того, грозил ли этот думский инцидент дуэлью, мнения дочерей Столыпина и Родичева разошлись. «Папа послал ему тут же своих секундантов», — утверждала дочь Столыпина М.П. Бок ⁸⁶. «О вызове на дуэль, однако, у нас не говорили вовсе», — писала в свою очередь А.Ф. Родичева ⁸⁷. Сам же Родичев в одном из интервью заявлял: «Не думаю, чтобы меня могли заставить драться» ⁸⁸.

Желая выяснить, был ли брошен Столыпиным вызов Родичеву или нет, уже в эмиграции дочь последнего обратилась к видному деятелю кадетской партии, бывшему депутату Государственной думы Маклакову. Как пояснил бывший сосед Родичева по думскому креслу, намерения у Столыпина, действительно, были самые серьезные. «Если Столыпин выбрал Кауфмана и не помню кого быть его секундантами, то их долг был объявить Фёд[ору] Изм[айловичу], что Столыпин считает себя оскорбленным и требует удовлетворения. Это еще не вызов, а требование удовлетворения. Конечно, если это от имени обиженного предлагают “два друга”, как их называют, всякий должен понять, что при отказе означает “дать удовлетворение”. За этим следует вызов, но не раньше... Так было и в данном случае. Ф.И. [Родичев] был сам огорчен, что обидел Столыпина, и это тотчас сказал и принес ему извинение. Вызов в этих условиях передан не был и он, как будто, не был и сделан». Но, заключал Маклаков, если бы Родичев отказался извиняться, он скорее всего получил бы от секундантов вызов ⁸⁹. Много лет спустя Шульгин, вспоминая эту историю, рассуждал так: «Оскорбленный премьер вызвал депутата на дуэль. Родичев извинился, и тем дело кончилось. Конечно, Фёдор Измайлович не испугался дуэли. Он был мужественным человеком. Я думаю, что ему просто стало стыдно...» ⁹⁰ Победителем из этой скандальной истории, несомненно, вышел Столыпин. Его критик был сконфужен и подвергнут осуждению большинства Государственной думы. Кадетская демонстрация неожиданно превратилась в овацию премьеру. Но брошенная Родичевым в запальчивости фраза о «столыпинских галстуках» моментально разлетелась по стране. Остроумная метафора Пуришкевича — «муравьевский галстук» — тут же была забыта, в то время как выражение «столыпинский галстук» прочно вошло в лексикон и стало крылатым ⁹¹. Левые и либералы взяли его на вооружение для обозначения правительственных расправ над революционерами. В советские годы клише «столыпинский галстук» использовалось в исторической и художественной литературе, хотя количество смертных приговоров, приведенных в исполнение в дни премьерства Столыпина, было несопоставимо меньшим по сравнению с ленинским и сталинским периодами нашей истории.

Примечания

1. ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС А.В. На путях к свободе. М. 2007, с. 256—257.
2. МИЛЮКОВ П.Н. Воспоминания. М. 1991, с. 293.
3. БОЛЕНСКИЙ В.А. Моя жизнь. Мои современники. Paris. 1988, с. 361—362.
4. Инцидент Родичев — Столыпин. — Русское слово. 20.XI(3.XII).1907.
5. Цит. по: ГАВРИЛОВА О.А. Российский Мирабо. Ф.И. Родичев — депутат четырех Государственных дум. — Ленинградский юридический журнал. 2005, № 3, с. 116.
6. Цит. по: Ораторы России в Государственной думе (1906—1917 гг.). Т. 1. СПб. 2004, с. 286.
7. Цит. по: КИРЬЯНОВ И.К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь. 2006, с. 81.
8. Сальвини Томмазо (1829—1915) — выдающийся итальянский актер-трагик, представлявший так называемую «школу переживания».
9. МЕНЬШИКОВ М.О. Вторая атака. — Новое время. 20.XI(3.XII).1907.

10. Новое время. 20.XI(3.XII).1907.
11. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв II. Сессия II. СПб. 1907, стб. 510.
12. СОКОЛОВ Н.П., СТЕПАНСКИЙ А.Д. Записки государственного человека. В кн.: ГУРКО В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М. 2000, с. 10—12.
13. НЕКРАСОВ Н.В. Несостоявшиеся дуэлянты: из истории скандалов во II Государственной думе. Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция. СПб. 2012, с. 93.
14. Новое время. 13(26).V.1907.
15. Речь. 15(28).V.1907.
16. Русское слово. 14.V.1907.
17. Речь. 15(28).V.1907.
18. Новое время. 16(29).V.1907.
19. ЛАВРОВ А.И. [КРАСНИЦКИЙ А.И.] Около думы. Клад. Кн. 20. 1907, с. 11.
21. НЕКРАСОВ Н.В. Ук. соч., с. 94.
22. Там же, с. 96.
23. КОРОЛЕНКО В.Г. Господа дуэлянты. Полное собрание сочинений В.Г. Короленко. Т. 4. СПб. 1914, с. 294.
24. Свет. 16.V.1907.
25. БОРОДИН А.П. Гурко (Ромейко-Гурко) Владимир Иосифович. Государственный совет Российской империи: 1906—1917. Энциклопедия. М. 2008, с. 71.
26. СОКОЛОВ Н.П., СТЕПАНСКИЙ А.Д. Ук. соч., с. 11.
27. Вече. 17.V.1907.
28. Свет. 16.V.1907.
29. ПУРИШКЕВИЧ В.М. В дни бранных бурь и непогоды. Т. 1. СПб. 1912, с. 33.
30. Государственная дума. Стенографические отчеты, стб. 737.
31. Цит. по: НЕКРАСОВ Н.В. Ук. соч., с. 97.
32. Там же, с. 97.
33. Государственная дума. Стенографические отчеты, стб. 778.
34. Киевлянин. 19.V.1907.
35. Представительные учреждения Российской империи в 1906—1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. М. 2014, с. 84.
36. Свет. 19.V.1907.
37. Новое время. 18(31).V.1907.
38. НЕКРАСОВ Н.В. Ук. соч., с. 98.
39. ЛАВРОВ А.И. [КРАСНИЦКИЙ А.И.] Около думы. — Клад. Кн. 11. 1907, с. 11.
40. ВЕРГЕЖСКИЙ А. [ТЫРКОВА А.В.] Поединки. — Речь. 19.V(1.VI).1907.
41. ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС А.В. Ук. соч., с. 334.
42. Там же, с. 339.
43. ФЁДОРОВ Б.Г. Пётр Столыпин: «Я верю в Россию». Биография П.А. Столыпина. Т. 1. СПб. 2002, с. 457; БОРОДИН А.П. Столыпин. Реформы во имя России. М. 2004, с. 95.
44. Ф.И. Родичев допустил неточность. В своей речи 12 марта 1907 г. правый депутат В.М. Пуришкевич, поддерживая применение смертной казни в отношении террористов-революционеров, употребил выражение «муравьевский галстук».
45. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. СПб. 1908, стб. 380, 390, 396.
46. ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС А.В. Ук. соч., с. 340.
47. Голос Москвы. 18.XI.1907.
48. КСЮНИН А. Государственная дума. — Новое время. 18.XI(1.XII).1907.
49. Русское слово. 18.XI(1.XII).1907.
50. Новое время. 18.XI(1.XII).1907.
51. Русское слово. 18.XI(1.XII).1907.
52. РОДИЧЕВ Ф.И. Воспоминания и очерки о русском либерализме. Newtonwille. 1983, с. 163.
53. КСЮНИН А. Ук. соч.
54. Голос Москвы. 18.XI.1907.

55. КСЮНИН А. Ук. соч.
56. ДУХОВЕЦКИЙ Ф. Мои впечатления. — Слово. 18.XI(1.XII).1907.
57. Русское слово. 20.XI(3.XII).1907.
58. ВАСИЛЬЧИКОВ Б.А. Об охоте и не только о ней... — Наше наследие. 2002, № 63—64, с. 125.
59. МИЛЮКОВ П.Н. Воспоминания. М. 1991, с. 296.
60. ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС А.В. Ук. соч., с. 340.
61. РОДИЧЕВ Ф.И. Ук. соч., с. 164.
62. ГАВРИЛОВА О.А. Ук. соч., с. 123.
63. Голос Москвы. 20.XI.1907.
64. БОК М.П. П.А. Столыпин: Воспоминания о моем отце. М. 1992, с. 163.
65. Русское слово. 20.XI.1907.
66. Уже в эмиграции Ф.И. Родичев вспоминал, что бросил в ответ Столыпину следующую фразу: «Вам нечего прощать мне». РОДИЧЕВ Ф.И. Ук. соч., с. 164.
67. Голос Москвы. 20.XI.1907.
68. ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС А.В. Ук. соч., с. 341.
69. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. СПб. 1908, стб. 397.
70. КСЮНИН А. Ук. соч.
71. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I, стб. 398.
72. ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС А.В. Ук. соч., с. 341.
73. Голос Москвы. 20.XI.1907.
74. Русское слово. 20.XI(3.XII).1907.
75. РОДИЧЕВ Ф.И. Ук. соч., с. 164.
76. ТОЛСТОЙ И.И. Дневник. 1906—1916. СПб. 1997, с. 170—171.
77. Речь. 18.XI(1.XII).1907.
78. Голос правды. 20—21.XI.1907.
79. Русское слово. 20.XI(3.XII).1907.
80. ЛОПУХИН В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб. 2008, с. 179, 200.
81. РОДИЧЕВ Ф.И. Ук. соч., с. 164.
82. Речь. 23.XI(6.XII).1907.
83. РОДИЧЕВ Ф.И. Ук. соч., с. 164.
84. РОДИЧЕВА А.Ф. Письмо в редакцию. — Новый журнал. (Нью-Йорк), кн. 38, 1954, с. 303.
85. БОК М.П. Ук. соч., с. 163.
86. Там же, с. 162.
87. РОДИЧЕВА А.Ф. Ук. соч.
88. ПОТЁМКИН А. Беседа с Ф.И. Родичевым. — Петербургская газета. 20.XI.1907.
89. РОДИЧЕВА А.Ф. Ук. соч.
90. ШУЛЬГИН В.В. Последний очевидец: Мемуары. Очерки. М. 2002, с. 537.
91. АШУКИН Н.С., АШУКИНА М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Об-разные выражения. М. 1988, с. 331.

Российский революционный терроризм

А.В. Маньков, Е.К. Минеева

Аннотация. В работе исследуется эволюция организационных форм терроризма в России. Особое внимание уделяется истокам и начальному периоду террористической практики народников. Применительно к тактике партии эсеров акцент делается не только на Боевой организации, как традиционно было в истории, но и на местных структурах. Идею создания специализированных боевых групп эсеров авторы относят не к партии «Народной воли», а к действовавшей на западе страны эсеровско-народнической группе. Впервые в отечественной историографии этапы становления терроризма выделяются на основе развития его субъектов. Авторы приходят к выводам, что родиной организованного терроризма в империи является Малороссия. На основе статистических данных и новых архивных документов делается вывод о решающей роли в практике эсеров областных летучих отрядов.

Ключевые слова: революционный терроризм, Исполнительный комитет, социалисты-революционеры (эсеры), летучий боевой отряд (ЛБО), Боевая организация эсеров (БО).

Abstract. The paper investigates the evolution of terrorism organizational forms in Russia. Particular attention is paid to the origins and the initial period of the terrorist practices of populists. With regard to the tactics of the SR party focuses not only on the military organization as has traditionally been in the history, but also on local structures. The idea of creating special fighting groups SRs authors refer not to the party «Narodnaya Volya» and operated to the west of the SR-populist group. For the first time in the national historiography stages of terrorism are allocated on the basis of its subjects. The author concludes that the birthplace of organized terrorism in the empire is Ruthenia. On the basis of statistical data and new archival documents concludes that the decisive role in the practice of the SRs volatile regional groups.

Key words: revolutionary terrorism, the Executive Committee, Socialist Revolutionaries (SRs), flying combat unit (LBO), the Socialist-Revolutionary Combat Organization (BO).

Маньков Андрей Васильевич — старший преподаватель Военной академии связи им. С.М. Будённого. Санкт-Петербург; *Минеева Елена Константиновна* — доктор исторических наук, профессор Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. Чебоксары. E-mail: mineevaek21@mail.ru.

Mankov Andrey V. — senior lecturer at the Military Academy named after S.M. Budenny. St. Petersburg; *Mineeva Elena K.* — doctor of historical Sciences, professor at the Chuvash State University named after I.N. Ulyanov. Cheboksary. E-mail: mineevaek21@mail.ru.

Терроризм, как форма политического насилия, представляет собой явление чрезвычайно сложное и неоднозначное, вызывающее множество трактовок и полярных оценок. После убийства С.М. Кирова исследование терроризма в нашей стране на долгое время было запрещено. Тема террора стала нежелательной, так как его изучение в контексте политической реальности Советского государства зачастую вызывало у руководителей идеологического аппарата необоснованные иллюзии о пропаганде методов, которые могли быть направлены на борьбу с существовавшим режимом.

В последние годы анализу российского терроризма был свойственен «эсероцентризм». При этом историков редко интересовали структуры начального периода террористического движения. С другой стороны, вопрос о субъектах терроризма является одним из ключевых в понимании этого феномена. Несомненно, что изучение проблемы имеет и практическое значение. Противодействие терроризму является одной из задач государства в сфере безопасности страны. Источниковую основу работы составил исторический анализ монографий и статей ведущих отечественных и зарубежных специалистов по истории революционного терроризма в России, террористической деятельности эсеров. Впервые в научный оборот введены данные регионального архивного источника.

В 1990-е гг. революционный терроризм стал самостоятельным предметом исторических исследований. Большой интерес представляют труды О.В. Будницкого, М.И. Леонова и К.В. Гусева. Будницкий считает началом эпохи терроризма в России 4 апреля 1866 г., когда состоялось первое покушение на Александра II. При анализе Первой русской революции историк отмечал, что «терроризм был одним из важнейших компонентов революции»¹. Исследователь партии социалистов-революционеров (эсеров) Леонов считает, что «систематический партийный террор в России до 1917 г. имеет два достаточно определенно выраженных пика: рубеж 70—80-х гг. XIX в. и начало XX в.»². Гусев отмечает, что «истоки тактики индивидуального террора» связаны с «Народной волей»³. Исследуя теракт Д.В. Каракозова, совершенный в 1866 г., И.В. Зимин определил его «временной точкой отсчета истории политического терроризма в России»⁴. Данная тема интересует и зарубежных авторов. В числе наиболее значительных исследований следует выделить монографию американского историка А. Гейфман. Автор пишет, что «с апреля 1866 года, памятного внезапно прогремевшим выстрелом Дмитрия Каракозова, неудачно покушавшегося на жизнь Александра II..., полвека российской истории было окрашено в кровавый цвет революционного терроризма». При этом эсеры она считает террористической группой⁵. Другой американский автор Н. Неймарк предложил оригинальную периодизацию терроризма в России⁶. Генезис террора в стране он относит к 1861 году. В Минске издан справочник по терроризму, в котором уделено внимание и революционному терроризму. Его авторы также определяют годом начала терроризма 1861. Однако первым террористическим актом в России они считают покушение В.И. Засулич в 1878 г. на Ф.Ф. Трепова⁷. Подобного мнения придерживается и Ю.А. Пелевин⁸. Недостаточно внимания, за исключением Боевой организации эсеров (БО), уделяется структурам террора начала XX века⁹. В то же время, по

мнению Д.Б. Павлова, «лицо эсеровского террора в основном определяли не... акты БО, а деятельность местных летучих боевых отрядов и боевых дружин»¹⁰. А.Ф. Жуков, рассуждая об эсерах, указывал на то, что «... террором захлестнуло местные организации»¹¹. По-прежнему роль этих структур в практике терроризма недооценена.

Террористические идеи в российском революционном движении зарождались в 1860-х гг., как следствие эволюции взглядов оппозиционеров. Наиболее известной формой их пропаганды стала прокламация «Молодая Россия», написанная в 1862 г. П.Г. Зайчневским. Позже создавались группы, заявившие о возможности применения террористических методов для радикального переустройства общества. В недрах ряда кружков стали появляться реальные замыслы. Подобный кружок в 1863 г. организовал в Москве Н.А. Ишутин¹². С начала 1865 г. им и его соратниками была предпринята попытка создать структуру всероссийского масштаба. В связи с этим был создан руководящий центр, получивший название «Организация», а в начале 1866 г. — законспирированная группа «Ад». Была ли эта структура задумана как террористическое формирование, можно только догадываться. По мысли ее создателей, она должна была осуществлять террористические акты против императора и высших сановников. Однако, как ни парадоксально, но на первый теракт пошли не «герои» из полумифической группы, а одиночка, очевидно не имевший реального отношения к конспираторам из «Ада».

4 апреля 1866 г. в Петербурге в Александра II стрелял двоюродный брат Ишутина Д.В. Каракозов. Очевидцы покушения видели, что физическое здоровье и душевное состояние «саратовского стрелка» были «далеки от нормального». Интересно, что некоторые участники революционного движения того времени считали его руководителем организации, а ее членов называли «каракозовцами». На это указывает в своих воспоминаниях, в частности, Е.К. Брешко-Брешковская. Характеризуя теракт, она писала, что «идет переход от чисто теоретической работы к прямому распространению этих теорий в массах»¹³. Событие получило большой резонанс. Трудно сказать, что ожидали ишутинцы от первой попытки покарать «помазанника Божьего». В любом случае реакция общества на выстрел возле Летнего сада оказалась показательной. Так, например, жители далекого от столицы, но не чужого для Каракозова г. Симбирска (мелкопоместных помещиков Каракозовых хорошо знали в губернии, как и целом в Поволжье) просили губернатора «засвидетельствовать как о полном их негодовании против преступника, так и о чувствах благодарности к Промыслу, сохранившему для России ее Благодетеля»¹⁴. Впрочем, вместе с казнью террориста идея насилия не умерла.

«Хождение» землевольцев в народ в 1870-е гг. и пропаганда ими своих взглядов ничего кроме разочарования не принесли. Крестьяне оказались не готовы к восприятию даже умеренных идей. Кризис охватил теоретиков движения, но в арсенале народников было и свое «секретное оружие». Программа «Земли и воли» предусматривала «систематическое истребление наиболее вредных или выдающихся лиц из правительства и вообще людей, которыми держится тот или другой ненавистный нам порядок»¹⁵. Однако не только этот тезис определил генезис первой волны террора.

Ключевым моментом в истории терроризма стал теракт, совершенный В.И. Засулич. 24 января 1878 г. она выстрелила в градоначальника Петербурга Ф.Ф. Трепова, при этом тяжело ранив его ¹⁶. Засулич приехала в столицу из Киева, где входила в кружок местных бунтарей. История совершения этого покушения и его «героические обстоятельства» прекрасно изучены, но последствия остаются не всегда оцененными. Именно под влиянием выстрела Засулич и «царских виселиц» небольшая группа молодежи решила пойти на террор ¹⁷. Начало террористическому направлению в революционном движении положили необоснованно и бессмысленно жестокие приговоры, вынесенные участникам «хождения в народ». Итоги судебных процессов, как никакие другие действия властей, способствовали переходу оппозиционеров от анархистского аполитизма к признанию необходимости политической борьбы (так созрели покушения киевских и петерских землепользователей на Трепова и шефа жандармов Мезенцева). В 1878—1879 гг. было казнено 17 чел., обвиненных в государственных преступлениях ¹⁸. Пионером террористического движения стала южная Россия. Наиболее рьяные сторонники агрессивных действий создали в феврале 1878 г. в Киеве группу Южный Исполнительный комитет русской Социально-революционной партии ¹⁹. Комитет возглавил В.А. Осинский. Он одним из первых предвидел создание профессиональных структур террора, для которых «необходимы люди и средства». Один из его современников отмечал, что тот был «душою этого нового, нарождавшегося... течения, получившего название террористического» ²⁰. Главными соратниками Осинского считаются Г.А. Попко и Д.А. Лизогуб. Цель комитета — боевые выступления против властей. В его состав вошло около 10 человек. Четкого разделения функций между ними не просматривается. Осинский был организатором операций, а все остальные, видимо, рядовыми боевиками (за исключением Лизогуба). Члены группы оказались «первыми политиками в аполитичном движении», а в целом первой российской террористической организацией. Опорными пунктами движения стали также Одесса и Харьков. Между революционерами этих городов в начале 1879 г. установились постоянные контакты. Южные губернии уже имели к тому времени оппозиционные традиции. Так, уроженка тех мест, Брешко-Брешковская, еще в 1873 г. примкнула к одному из народнических кружков именно в Киеве. Она, лично знавшая Осинского, писала, что «там вопрос террора получил первостепенное значение» ²¹. В этом крае террору отводилась роль орудия мести революционеров. От рук террористов погибли чиновник правоохранительных органов и несколько провокаторов. 25 мая 1878 г. в Киеве Попко смертельно ранил жандарма Г.Э. Гейкинга. На юге впервые был совершен теракт против крупного сановника. 9 февраля 1879 г. Г.Д. Гольденберг смертельно ранил харьковского генерал-губернатора Д.Н. Кропоткина. План этого покушения разрабатывался совместно с местным кружком Буцинского ²². Одесские народники совершили первую экспроприацию денег. 3 июля 1879 г. на нужды революции из херсонского казначейства ими было похищено около 1,5 млн рублей ²³. В практику южан вошли нападения на конвои и освобождение соратников из тюрем. Летом 1878 г. в Одессе и Николаеве (кружок Виттенберга — Логовенко) они поставили вопрос о покушении на царя.

Всего террористами юга было организовано более 10 операций. Киевская губерния продолжала оставаться в центре нового движения и после казни его лидеров (Осинский был казнен в мае 1879 г.). Так, после покушения на императора, предпринятого А.К. Соловьёвым весной 1879 г., около 1 тыс. крестьян записались в «тайную дружину действовать насильственным образом против правительства»²⁴.

Идеолог народнического террора Н.А. Морозов считал, что террористическое движение, развернувшееся в России в 1878 г., не является одним из методов борьбы, а предстает как «новая форма революции». Он определил сущность происходящего в России, как террористическая революция, которая является самой справедливой из всех форм революции²⁵. Раскол «Земли и воли» в 1879 г. стал следствием отношения революционеров к террору²⁶. Новаторы в форме «Народной воли» продолжили «дезорганизацию правительства путем террора». Начался народовольческий этап терроризма. Один из органов «Народной воли» Исполком (ИК) провел ряд покушений на Александра II. Первое из них — в ноябре 1879 г., последнее, в котором император был убит, — 1 марта 1881 года²⁷. Боевая структура народовольцев, состоявшая из членов ИК, и его практика основательно овещены специалистами.

Значительно больше исследовательского интереса сегодня представляет тактика революционного терроризма партии социалистов-революционеров (ПСР). Терроризм ПСР был направлен на «должностных лиц, в видах устранения наиболее деятельных служащих, преследующих противоправительственных агитаторов, а также для дезорганизации административной власти». Для этого осенью 1901 г. эсеры создали свою первую террористическую структуру — Боевую организацию. Место террора в начальный период истории ПСР показывает то, что лидер БО врач-бактериолог Г.А. Гершуни, считался властями лицом, пользовавшимся «наиболее серьезным значением среди членов... партии...». Он происходил из мещан г. Шавли Ковенской губ. (ныне г. Шауляй Литовской республики)²⁸. В этом крае всегда ощущалось влияние соседних польских земель, где традиции террора были давними, что могло заложить основы его экстремистского мировоззрения. Во время учебы в Киеве Гершуни примкнул к общественному движению. До своего ареста в его пригороде в мае 1903 г. для империи он был, несомненно, «опаснейшим членом боевой группы»²⁹. В делах БО ему активно помогали П.П. Крафт и М.М. Мельников³⁰.

В 1900—1901 гг. ядро эсеров находилось за границей. По России с конкретными задачами ездили лишь отдельные личности (Брешко-Брешковская, Слетов и др.). Так, Брешковская разъезжала по разным городам и ревностно пропагандировала террор. Гершуни тогда легально жил и работал в Минске. Он был членом Рабочей партии политического освобождения России (РППОР), действовавшей на западе страны. Значение этой партии в истории недооценено, хотя упоминаний о ней в архивных документах и воспоминаниях немало. Ее кружок во главе с М.Д. Сладкопевцевым имелся даже в Петербурге³¹. Часто бывала в Минске, где был центр партии, по данным полиции, и Брешко-Брешковская³². Гершуни выступал там преимущественно как лектор перед рабочими, но в душе был одержим террором³³. Они

часто встречались и обсуждали насущные вопросы. В результате в программе РППОР была сформулирована идея создания особой боевой организации для борьбы с правительством ³⁴.

Вступив в партию эсеров, Гершуни реализовал идею на практике. БО стала специальным органом осуществления крупных актов так называемого «центрального террора» ³⁵. Это были политические покушения без осуществления экспроприаций. В Россию он часто приезжал нелегально по революционным делам, с февраля 1901 г. став «менеджером по кадрам». По оценке Департамента полиции, он «... занимался сбором материальных средств, ревностной пропагандой террора и подыскиванием молодых людей, готовых жертвовать собой» ³⁶. Официальная история БО началась в апреле 1902 г. после теракта против министра внутренних дел Д.С. Сипягина ³⁷. Придавая решающее значение своей террористической борьбе, эсеры заявили, что Первая русская революция началась с убийства БО в июле 1904 г. В.К. Плеве. В октябре они выпустили прокламацию, в которой писали: «... Царский заплечный мастер палач Плеве, получил тысячу раз заслуженный им удар. Возрадуемся, товарищи, и будем продолжать начатое дело освобождения Родины... Долой самодержавие!» ³⁸ Вместе с тем, примечательно, что БО совершила всего 11 терактов. Статистика говорит о том, что это лишь эпизод в тактике партии (около 5% от общего числа терактов): в 1902—1911 гг. эсеры провели 263 теракта ³⁹.

Власти отмечали, что «террористические предприятия осуществляются главным образом организациями» ⁴⁰. В годы революции помимо БО действовали созданные в центре Летучий боевой отряд ПСР (22.11.1905 г. в Саратове им убит бывший военный министр генерал В.В. Сахаров) и Боевой отряд при ЦК ПСР. Однако основная масса терактов проведена структурами местных и региональных комитетов. Павлов отмечал, что подобные боевые группы образовывались с лета 1905 года ⁴¹. В то же время первые боевые дружины при местных организациях возникли в 1903 г. на западе империи, где в октябре они совершили покушения на полицейских в Бердичеве (Малороссия) и Белостоке (Польша). Сами эсеры считали, что более успешно действовали летучие отряды. Их удачи они объясняли тем, что те были автономны и не связаны с центром ⁴². Летучие отряды создавались при областных комитетах (ОК). Областные организации были частью разветвленной структуры партии ⁴³. Осенью 1906 г. появились Уставы, регламентирующие их деятельность. Назначение летучих боевых отрядов (ЛБО) определялось как «выполнение крупных террористических актов в пределах области». Они работали на принципах строгой дисциплины, конспирации и централизации. Во главе ЛБО стоял организатор, назначенный комитетом и ответственный перед ним за все его действия ⁴⁴. К членам отрядов предъявлялись высокие требования. Стать боевиком мог только тот, кого рекомендовали его партийные товарищи. Кандидаты в террористы проходили своеобразный испытательный срок. Так, поволжский боевик А.А. Никольский писал о том, что в «боевую организацию ему предложили вступить только после того, как его новые товарищи убедились в его преданности делу революции и способности к самопожертвованию» ⁴⁵. Похожая практика отбора существовала и в БО, о чем пишет в своих воспоминаниях Б.В. Савинков ⁴⁶.

В июле 1906 г. ЦК рекомендовал «широкое развитие террористических действий против всех активных лиц администрации и призвал придать движению «резко наступательный характер». Крайне любопытно, что эсеры в годы революции широко использовали термин «враги народа», обозначая им «силы противника»: стражников, казаков, войска⁴⁷. Противник же, по сути, воспринимал террористов как равных себе, невольно поднимая их авторитет. Архивные документы свидетельствуют, что власти определили терроризм «одним из серьезнейших приемов текущей революционной борьбы, направленный на должностных лиц»⁴⁸.

Регионом жестокого терроризма стало Поволжье, где активно работали «серьезные социалисты-революционеры», объединенные областным комитетом. 1-й съезд эсеров Поволжья прошел в феврале 1905 г. в Пензе. В комитет в разные периоды входило, как правило, от 3 до 5 человек. Один из них отвечал за боевое дело («инструктор») ⁴⁹. При комитете был создан летучий боевой отряд ⁵⁰. Осенью 1906 г. правительство, признавая успехи революционеров, отмечало, что терроризм как «... возмутительная система дал уже в нескольких случаях положительные результаты». Это относилось и к Поволжью, где кроме ЛБО действовали и структуры губернских комитетов. Например, весной 1906 г. дружина была создана в Симбирске ⁵¹. В сентябре местные боевики смертельно ранили губернатора К.С. Старынкевича ⁵². Эмиссары из центра постоянно вникали в работу областников. Так, Брешко-Брешковская принимала участие в подготовке теракта против самарского губернатора И.Л. Блока (убит 21.07.1906 г.) ⁵³. В крае эсерами были убиты 3 губернатора и двое ранены. Кроме этого, как отмечал Н.Д. Ерофеев, в значительной степени эсеровский террор направлялся против чинов охранного ведомства ⁵⁴. В начале 1907 г. ЦК ПСР постановил, что следует «убивать жандармских офицеров и сыщиков, которые мешают работать организации» ⁵⁵. Сильное впечатление на общество произвело убийство зимой 1907 г. в Самаре начальника ГЖУ полковника М.П. Боброва ⁵⁶. В целом, провинциальные партийные комитеты были решительно настроены против тактики террора.

С 1908 г. начался резкий спад террористической активности эсеров. За год в стране они совершили 3 теракта. Это был уже «постреволюционный» терроризм. Руководство партии предпринимало отчаянные шаги. В декабре в Саратов из-за границы прибыли представители центра во главе с О.С. Минором. Он был назначен уполномоченным ЦК по Поволжской области ⁵⁷. Одна из задач — убийство Командующего войсками Казанского военного округа генерала А.Г. Сандецкого. Однако 1909 г. начался для партии очень плохо: 7 января ЦК заявил о провокаторской роли Е.Ф. Азефа (руководителя БО с осени 1903 г. — после ареста Гершуни). В то же время, на V Совете партии, работавшем в мае в Лондоне, большинство получила резолюция сторонников продолжения террористической борьбы. Эсеры подтвердили, что они находятся на старой боевой позиции и надеются на возрождение террора ⁵⁸. Савинков предпринял отчаянные попытки «очистить террор от пятна», наложенного «великим провокатором». С группой единомышленников он попытался воссоздать БО, которую возглавил в январе 1909 года. Центр организации планировали

переместить предположительно в Швецию, где даже началась подготовка «техников боевого дела»⁵⁹. Однако реанимации террора не произошло (за 3 года совершено 3 малозначительных теракта). В 1911 г. группа, созданная Савинковым, самоликвидировалась.

В заключении отметим, что история терроризма в России тесно переплетена с ходом революционного движения. Первые проявления терроризма относятся к 1860-м годам. Его истоки следует искать в кружке ишутинцев. Организация действовала более 2,5 лет (1863—1866 гг.). В эти годы ишутинцы постоянно развивались, увеличивая свою численность и меняя тактику. Группа одной из первых поставила вопрос об использовании террористических методов в революционном движении, а ее участники впервые совершили террористическую акцию. Их отношение к террору, в частности к цареубийству, не было однозначным — они и хотели, и боялись этого, не зная, как поведут себя власть и общество. В то же время, покушение на царя в апреле 1866 г. трудно определить как начало эпохи терроризма. Учитывая характер организации, процесс подготовки теракта, личность исполнителя, — это, скорее, акт «предреволюционного терроризма» (индивидуальная активность), чем рождение нового явления. В большей степени — это одиночное террористическое действие: покушение, по-видимому, было результатом личной инициативы. «Дело Каракозова» нужно рассматривать как пролог. Его значение для развития терроризма велико как первый опыт: Каракозова следует считать первым субъектом революционного терроризма, хотя его «выстрел» со временем и стал событием достаточно символическим.

В последней четверти XIX в. терроризм из акций одиночек превращается в политическое направление со своей идеологией и структурами, а с 1878 г. становится атрибутом революционного движения. Родиной организованного терроризма стала Малороссия (совр. Украина). В этом крае возникло новое явление в отечественной истории — российский революционный терроризм. Его первые акты совершились в Киеве народниками из южного Исполнительного комитета. На юге страны формировалась первая террористическая квазисеть, состоявшая из самостоятельных ячеек, объединенных общими идеями и схожими целями, но без единого центра. Там же появились первые организаторы террора, осваивались новые методы и приемы. Параллельно терроризм развивался в столице, где становился средством мести в тактике «Земли и воли». В 1879 г. он предстал в форме, схожей с практикой южан. Однако затем жизнь заставила северян пойти на реформы: произошло рождение новых оргформ террора. Их преемники народовольцы создали эффективную систему конспирации и проведения боевых операций. В то же время заявление Леонова о решительном преобладании на рубеже 1870—1880-х гг. терактов, организованных «Народной волей», не соответствовало практике террора и было явным преувеличением⁶⁰.

В начале XX в. свою террористическую структуру создали эсеры. У ее истоков стоял Гершуни, личность которого и роль в истории террора еще предстоит осмыслить до конца. В авангарде боевой работы в 1902—1904 гг. выступила БО. С 1903 г. появились дружины местных комитетов. В годы революции 1905—1907 гг. ведущую роль играли ЛБО. Они действовали автономно друг от друга, но в рамках

единой партийной политики. Если теракты, проведенные БО ПСР были эффективны, то операции летучих боевых отрядов — эффективны с точки зрения текущих задач партии.

Таким образом, история терроризма показывает, что акты революционного насилия совершаются как отдельными личностями, так и малыми группами или крупными объединениями боевиков с разной степенью эффективности. В связи с этим в практике терроризма происходило развитие его организационных форм — от одиночных — к групповым и массовым: от террористов-одиночек (Каракозов, Засулич) — к небольшому формированию в Малороссии, от универсалов из Исполнительного комитета «Народной воли» — до специализированных подразделений ПСР нескольких уровней. Эволюция субъектов терроризма, а также сопутствующее ей изменение объектов терроризирования позволяет говорить о наличии трех этапов российского революционного терроризма (зима 1878 — зима 1879 г., лето 1879 — весна 1881 г., весна 1902—1911 гг.).

Примечания

1. БУДНИЦКИЙ О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX века). М. 2000, с. 34, 178.
2. ЛЕОНОВ М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905—1907 гг. М. 1997, с. 126.
3. ГУСЕВ К.В. Рыцари террора. М. 1992, с. 7.
4. ЗИМИН И.В. Рождение политического терроризма в России: покушение на Александра II 4 апреля 1866 г. — История в подробностях. 2012, № 12 (30), с. 6—16.
5. ГЕЙФМАН А. Революционный террор в России, 1894—1917 гг. М. 1997, с. 3, 65.
6. БУДНИЦКИЙ О.В. Ук. соч., с. 23.
7. ЖАРИНОВ К.В. Терроризм и террористы: исторический справочник. Мн. 1999, с. 7, 57.
8. ПЕЛЕВИН Ю.А. Казус Засулич. — Вопросы истории. 2015, № 1, с. 60—78.
9. ГОРОДНИЦКИЙ Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901—1911 гг. М. 1998.
10. ПАВЛОВ Д.Б. Из истории боевой деятельности партии эсеров накануне и в годы революции 1905—1907 гг. В кн.: Непролетарские партии России в трех революциях. Сб. статей. М. 1989, с. 149.
11. ЖУКОВ А.Ф. Индивидуальный террор в тактике мелкобуржуазных партий в первой российской революции. Там же, с. 139.
12. ЖАРИНОВ К.В. Ук. соч., с. 59.
13. БРЕШКО-БРЕШКОВСКАЯ Е. Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки. 1873—1920. М. 2006, с. 26.
14. Государственный архив Ульяновской области (ГА УО), ф. 855, оп. 1, д. 10, л. 1.
15. «Народная воля» и «Черный передел»: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879—1882 гг. Л. 1989, с. 339.
16. ЖАРИНОВ К.В. Ук. соч., с. 57.
17. БРЕШКО-БРЕШКОВСКАЯ Е. Ук. соч., с. 154, 167.
18. «Народная воля» и «Черный передел», с. 347.
19. СЕДОВ М.Г. Героический период революционного народничества (Из истории политической борьбы). М. 1966, с. 77.
20. Там же, с. 76.
21. БРЕШКО-БРЕШКОВСКАЯ Е. Ук. соч., с. 15, 154.
22. СЕДОВ М.Г. Ук. соч., с. 75, 90.
23. Народная воля» и «Черный передел», с. 338.
24. ГА УО, ф. 76, оп. 8, д. 345, л. 27.
25. СЕДОВ М.Г. Ук. соч., с. 165—166.
26. «Народная воля» и «Черный передел», с. 50.

27. ЖАРИНОВ К.В. Ук. соч., с. 236—237.
28. ГА УО, ф. 855, оп. 1, д. 202, л. 26об.
29. Там же, д. 200, л. 128об.
30. Там же, л. 128.
31. Там же, л. 129, 168об.
32. Там же, л. 122.
33. ГУСЕВ К.В. Ук. соч., с. 11.
34. История политических партий России. М. 1994, с. 146.
35. ЖУКОВ А.Ф. Ук. соч., с. 139.
36. ГА УО, ф. 855, оп. 1, д. 200, л. 126 —128об.
37. ПАВЛОВ Д.Б. Ук. соч., с. 145.
38. ГА УО, ф. 855, оп. 1, д. 251, л. 178.
39. ГУСЕВ К.В. Ук. соч., с. 34.
40. ГА УО, ф. 855, оп. 1, д. 202, л. 26об.
41. ПАВЛОВ Д.Б. Ук. соч., с. 149.
42. Народные вести. 14.И.1909, № 336, с. 2.
43. ЛЕОНОВ М.И. Партия эсеров в 1905—1907 гг.: организационная структура, состав, численность. В кн.: Непролетарские партии России в трех революциях. Сб. статей. М. 1989, с. 133.
44. ГА УО, ф. 855, оп. 1, д. 766, л. 53.
45. Там же, л. 53; д. 994, л. 350.
46. САВИНКОВ Б.В. Воспоминания террориста. М. 2002, с. 152—153.
47. ГА УО, ф. 855, оп. 1, д. 202, л. 14об.; д. 766, л. 200.
48. Там же, л. 26об.—27.
49. Там же, д. 994, л. 23, 24.
50. КАРНИШИН В.Ю. Общественно-политический процесс в Поволжье в начале XX века. Пенза. 1996, с. 50.
51. ГА УО, ф. 855, оп. 1, д. 202, л. 26об.; д. 994, л. 416.
52. Там же, д. 994, л. 132—132об., 209об.
53. Там же, д. 651, л. 127.
54. ЕРОФЕЕВ Н.Д. К вопросу о численности и составе партии эсеров накануне первой российской революции. В кн.: Непролетарские партии России в трех революциях. Сб. статей. М. 1989, с. 124.
55. ГА УО, ф. 855, оп. 1, д. 766, л. 13.
56. Государственный архив Самарской области (ГА СО), ф. 468, оп. 1, д. 1076, л. 27, 29.
57. ЧЕРНОВ В.М. Перед бурей: Воспоминания. Мемуары. Мн. 2004, с. 285.
58. ГА УО, ф. 855, оп. 1, д. 904, л. 171.
59. Там же, л. 240—240об.
60. ЛЕОНОВ М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905—1907 гг. М. 1997, с. 126.

Ремесло как феномен городского быта России второй половины XIX в.

О.Ю. Бухаренкова, В.Г. Егоров

Аннотация. В работе впервые в отечественной историографии предпринята попытка представить систематическую картину быта российского городского ремесленного населения второй половины XIX века. Ремесленники в силу специфики национального социально-экономического процесса не сформировали особой социальной идентичности и, несмотря на введение государством цеховой организации, представляли разнородную в культурном отношении массу. Представленная работа, помимо исследования конкретно-исторического сюжета, нацелена на показ обусловленности российского общественного развития абсолютистской политической надстройкой, препятствовавшей свободному функционированию социального организма страны.

Ключевые слова: быт российских городов XIX в., ремесленники, цеховая организация, социальный состав ремесла, ремесленное «сословие».

Abstract. The work for the first time in the national historiography to presents a systematic picture of the life of the Russian city in craftsmen in the second half of the XIX century. Artisans because of the specificity of the national socio-economic process, not yet formed a specific social identity and, despite the introduction of state-craft organizations represented diverse culturally mass. Presented work, in addition to the study of concrete historical subject, aims to show the Russian social development conditionality absolutist political superstructure that prevents the free functioning of the social organism of the country.

Key words: life of the Russian cities of the XIX century, craftsmen, guild organization, social composition of crafts, craft «class».

Отечественное городское ремесленное производство не относится к числу достаточно изученных предметов исторической науки ¹. В еще меньшей степени освещена проблема быта и повседневности городских ремесленников вообще и периода бурных социально-экономических перемен второй половины XIX в., в частности. Некоторые за-

Бухаренкова Ольга Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент ГГТУ. E-mail: oknovpiter@yandex.ru; *Егоров Владимир Георгиевич* — доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. E-mail: korrka@mail.ru.

Buharenkova Olga Yu. — candidate of historical sciences, associate professor at the GSTU. E-mail: oknovpiter@yandex.ru; *Egorov Vladimir G.* — doctor of historical sciences, doctor of economics, professor of the the REU named after G. Plekhanov. E-mail: korrka@mail.ru.

рисовки, относящиеся к этому сюжету, содержат работы историков, посвященные российским городам ² в целом, промышленности ³, городскому промышленному производству ⁴ и отдельным отраслям ремесленной промышленности ⁵.

Отсутствие специального исследования как феномена городской повседневности России второй половины XIX в. определяет актуальность предполагаемой работы, выполненной с привлечением архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот.

Особенность отечественного исторического процесса, обусловленного доминантой абсолютной власти, в полной мере отразилась на существенных характеристиках и направлениях эволюции городского ремесла, не сформировавшего собственную социальную идентичность. Городское ремесло, вопреки мнению отечественной марксистской историографии, отождествлявшему его с кустарной сельской промышленностью ⁶, составляло самостоятельную социально-экономическую и культурную реальность, обладавшую собственным характерным обликом.

Даже крестьянин-отходник, укоренившийся в городском мастеровом сообществе, впитывал черты и привычки, отличные от тех, что внушали ему жизнь и быт аграрной общины. В одних случаях это шло на пользу бывшим землепашцам. Так, удельный вес грамотных среди тех крестьян, которые в отходе осваивали навыки городского рукоделия, был в среднем в два раза выше, чем у «оседлых» односельчан ⁷. Выучившись грамоте, «новоиспеченные» городские мастера из крестьян старались дать образование своим детям. В других случаях, отрыв от привычных устоев жизни вел рекрутированного из сельской местности промышленника по ранее неведомой дороге, «полной соблазнов и порока» ⁸.

Централизация государственной власти, доходившая до деспотизма, подчинявшая собственным интересам весь социальный организм, являлась непреодолимой антиномией личной инициативе. Признаки сколько-нибудь зрелого национального рынка стали проявляться в России лишь к концу XIX столетия ⁹. В отсутствие развитого товарно-денежного обмена подавляющая часть российских городов не была средоточием экономической деятельности, а составляла «становой хребет» административного надзора за территориями и «управления обширными странами».

Только 32,6% учрежденных во второй половине XVIII в. городов создавались с учетом их торгово-промышленного значения. Другая, подавляющая их часть, имела исключительно административный статус ¹⁰.

Многие из учрежденных Екатериной II городов не только не обрели облик экономических центров, но даже уменьшились по числу жителей. Так, г. Подольск имел по четвертой ревизии (1782 г.) 856 жителей, а по пятой (1796 г.) — 581; г. Бронница, соответственно, — 1542 и 767 чел.; г. Богородск — 561 и 271 чел., г. Покров — 450 и 398 чел. и т.д. Население многих городов за четырнадцать лет выросло незначительно, что свидетельствует о том, что учрежденные города не генерировали другого, кроме административного, основания своего функционирования ¹¹.

«Укоренение» ремесла в городских административных центрах значительно отставало от роста их народонаселения. В отдельных городах ремесленное производство не удовлетворяло элементарным по-

требностям жителей. Слаборазвитая мелкая городская промышленность, в большинстве своем, замыкалась в узких пределах местного рынка, и, как правило, ориентировалась на заказ конкретного потребителя.

Набор ремесленных профессий и количество мастеровых даже в губернских центрах были таковыми, что показывали направленность деятельности мелких промышленников исключительно на удовлетворение потребностей горожан. Очевидность этого положения иллюстрируют данные середины XIX в., например, по г. Воронежу (являющиеся типичными в характеристике городского ремесла)¹².

Из 229 ремесленников столицы Черноземья 170 (74,2%) занимались производством продукции, потребляемой исключительно горожанами. Приведенные данные говорят о специализации ремесла на продукции городского назначения. Это утверждение выглядит бесспорным, учитывая, что на каждого жителя, например, Воронежской губернии, приходился 0,001 ремесленник.

По словам А.П. Субботина, подробно описавшего городское хозяйство г. Владимира, этот «город не промышленный, хотя составляет центр самой промышленной губернии». С 1857 по 1875 г. количество мастеров во Владимире практически не изменилось, колеблясь от 290 до 293 человек¹³.

В силу слабости и особенностей формирования, городское ремесло России не продуцировало однородного социального сообщества. Признавая несостоятельность отечественного опыта насаждения ремесленного производства административными мерами (цеховая организация, ремесленное самоуправление и др.), центральная власть была вынуждена упразднить ремесленные управления во многих губернских и уездных городах. В 1901 г. циркуляром Министерства внутренних дел всем губернаторам предписывалось «собрать сведения о словесном составе ремесленных обществ и в случае обнаружения неправильного существования ремесленного управления сообщить об этом в министерство для последующих распоряжений об его упразднении». После соответствующих докладов с мест органы ремесленного самоуправления были ликвидированы в 1902 г. во Владимире¹⁴, в Самаре¹⁵, Ставрополе¹⁶, Твери¹⁷ и многих других городах.

Самую многочисленную группу мелких городских промышленников составляли крестьяне-отходники и сельские мастера, населявшие посады и слободы, примыкавшие к городам. Согласно данным С.Ф. Руднева, составленным на основе сведений 14 губерний европейской части России конца 70-х годов XIX в., 41% крестьян-отходников пополнил ряды городских ремесленников¹⁸.

В большинстве своем они не являлись временно или постоянно приписанными к городским и ремесленным обществам, а работали на основании промыслового патента или, по незначительности предприятия, без такового. Сельских промышленников привлекал в город более высокий по сравнению с сельским заработок. Например, в Московской губернии годовой доход крестьянина, занятого городским ремеслом, превышал доход отходника-чернорабочего на 58%, рабочего фабрики — на 8%, приказчика из крестьян — на 43%, сельского кустика — на 15%¹⁹. В условиях острой конкуренции (в промышленно-развитых губерниях) и аграрного перенаселения (в земле-

дельческих регионах) это преимущество являлось решающим в выборе жизненной стратегии селян.

Крестьяне-отходники, как правило, не теряли связь с землей. Их пребывание в городе носило эпизодический характер и могло, в зависимости от состояния сельского хозяйства, прерываться на длительный срок. Поэтому ремесленники из крестьян не обременяли себя организацией сколько-нибудь комфортного быта. Обычными местами их обитания были ночлежки, постоянные дворы, чердаки, подвалы доходных домов и, как исключение, комнаты в домах на окраине города²⁰. Постоянной мастерской эти ремесленники не имели и обходились местом на рынке или перемещались от заказчика к заказчику по городским дворам.

Было бы неверным представлять, что такой образ жизни был характерен для всех без исключения крестьян, зарабатывавших на жизнь городским ремеслом. Существует достаточно свидетельств о том, что наиболее удачливые и работающие обретали материальную состоятельность, обзаводились собственным домом и даже лавкой или мастерской²¹. Однако такая жизненная перспектива для крестьянина-отходника была скорее исключением, нежели правилом. Например, крестьянин Черностанской волости Любимского уезда Ярославской губернии Я. Кривоногов писал: «Отхожепромышленники нашей волости делятся на две категории: одни живут в Петербурге хорошо и присылают домой на родину много; это так называемые “наживщики”; другие же идут в Петербург только потому, что дома совсем нечего делать, нет никаких заработков местных; такие идут в отход “на авось”, часто не находят там места и возвращаются домой пешком, а иногда и по этапу. Во всей местности почти нет дома, где бы не было питерщика или раньше жившего, или теперь живущего в Петербурге, а потому влияние города заметно на всем населении»²².

Типичный пример неудачного поиска селянином городских заработков описал В.А. Гиляровский в рассказе с красноречивым названием: «Одни из многих». Живописуя городские будни крестьянина, прибывшего в Москву с надеждой найти работу, автор писал: «Прошло две недели. Квартирный хозяин во время сна отобрал у мужика сапоги в уплату за квартиру... Остальное платье променяно на лохмотья, и деньги проедены... Работы не находилось: на рынке слишком много нанимающихся и слишком мало нанимателей. С квартиры прогнали...»²³

Быт городских промышленников из крестьян, которым удавалось «закрепиться за делом», не отличался устроенностью. «Обычно в качестве жилья, — по собственным свидетельствам «отходников», — служила одна комната за 5—6 рублей с отоплением, освещением и “готовкой” хозяйки... Приготовлением пищи могла заниматься не хозяйка квартиры, а любая базарная за 2—3 рубля в месяц»²⁴. В такой квартире, как правило, селились «артельно» — по пять и более человек, так как плата за жилье многим была не по карману.

Совсем иной культурный облик являли собой крестьяне-ремесленники, населявшие слободы и посады, примыкавшие к городам. Такие территориальные образования были исторически оформившимися центрами промышленности. В том случае, когда города как административные единицы совпадали со сложившимися «гнездами» ремесла и торговли, их экономический потенциал значительно пре-

вышал потенциал городов, ставших таковыми исключительно по соображениям административным. О промышленных селах, давших жизнь посадам и слободам, писал Д. Протопопов: «... есть селения, которым недостает только городского управления, чтобы носить заслуженное название города или посада»²⁵.

Отличия слободских ремесленников из крестьян от общей массы мастерового люда не ускользнули от пронизательного взора русского прозаика Г.И. Успенского. В своей повести «Нравы Растеряевой улицы» он описывал «бедствующее население в городе Т.».

В отношении обитателей ремесленной слободы он отмечал: «Эта сторона совершенно особенная; обыватели ее, когда-то пользовавшиеся разными правительственными привилегиями, гордо посматривали на мастеров городской стороны, работающих в одиночку, и при встречах не упускали случая поделиться взаимными любезностями: “кошкин хвост!”, говорил один, “огурцом зарезался”, отвечал другой, и оба с серьезными лицами проходили мимо». Мещане, по свидетельству Успенского, за надменный нрав называли слободских «казюки»²⁶.

Быт посадских мастеров отличался относительной устроенностью, например, был более комфортным в сравнении с сельскими кустарями одной профессии. На бытовые потребности (кроме питания) семья сельского кустаря-игрушечника из 5 человек тратила в год не более 200 руб., в то время как такая же по размеру семья посадского ремесленника-крестьянина — до 500²⁷.

Представление об образе жизни мелких промышленников таких населенных пунктов дает подробный очерк, посвященный слободе Казацкой Курской губернии. «По образу жизни и занятиям населения слобода может быть разделена на две части: на ближнюю к городу и дальнюю. Мужское население первой занимается различными промыслами: сапожным, башмачным, портняжным, картузным, столярным, кровельным, малярным и, отчасти, кузнечным и слесарным. С введением здесь в употребление швейных машин, которые магазины отпускают мастерам с рассрочкой уплаты, рубля по два ежемесячно, — летом, на любой слободской улице, в каждом почти доме, можно слышать громкие песни и трескотню этих машин. Нет, кажется, дома ближайшей к городу части, в котором не было бы сапожников или башмачников, портных или картузников. Таким образом, работая целой семьей, слобожане имели бы довольно обеспеченное существование, если бы, к сожалению, среди мастеровых слободы, как и вообще наших мастеровых, не был развит порок пьянства»²⁸.

«Слободские женщины, замужние и девушки, ближайшей к городу части слободы стараются подражать горожанкам в costume, манерах и речи, которую пересыпают подслушанными модными словцами, употребляя их и кстати и некстати. Все телодвижения, все приемы таких слободжанок неестественны, покрой их платья — сколок с платья какой-нибудь чиновницы или городской купчихи... Таково влияние города... Следует заметить, что все слободские девицы зовутся “барышнями”, а слободские ребята “кавалерами”. Многие из этих “барышень” и “кавалеров” танцуют польки и кадрили на праздничных торжествах, вперемешку с родным “камаринским” и “метелицей”»²⁹.

Второй по величине социальной группой ремесленников являлись мещане. Типичная картина их быта представляла неприглядное

зрелище. Горожане называли таких мастеров «одиночками» или «штучниками», что отражало не только характер их производства, ориентированного не на массовый спрос, но и размеры самого ремесленного предприятия мещан. Работа на индивидуальный («штучный») заказ определяла типичные черты их облика. Отсутствие необходимой профессиональной квалификации ограничивало возможность использования семейных работников (например, в портняжных мастерских Москвы их удельный вес составлял всего 1,5%), а производство на заказ потребителя, минуя рыночные отношения, не инициировало его расширение и привлечение дополнительной рабочей силы (ученики и подмастерья московских портных-мещан составляли 7,0% работавших).

В связи с мизерностью заработка ремесленники из мещан были вынуждены, работая в среднем 14 час. в сутки, «проедать сегодня то, что заработали вчера». Производственным помещением у этой категории мелких городских промышленников служили жилые квартиры. Убогость такой мастерской позволяют представить данные санитарного обследования портняжного промысла Москвы. В 63,9% мастерских на работающего приходилось менее одного «кубического содержания воздуха», в 29,1% — от 1 до 2, в 5,6% — от 2 до 3; в 82% случаев рабочие места оборудовались в одной комнате, которая также служила спальней и кухней³⁰. На первом съезде ремесленной промышленности один из докладчиков, доктор Дембо, так охарактеризовал мещанские мастерские: «за свои квартиры, по большей части весьма дурно обставленные, почти вовсе не ремонтируемые, мелким ремесленникам приходится платить непомерно дорого сравнительно с достаточными классами населения; в этих помещениях царствует скученность, вонь, грязь, нередко темнота, холод и ужасная сырость. Неудивительно, что эти грязные конуры, служащие для работы и для ночлега, заставляют обитателей их бежать в свободное время от работы куда-нибудь вон, чаще всего в трактир...»³¹

Как правило, мастерские выходцы из мещанского сословия селились компактно на окраинных улицах.

Успенский показал атмосферу ремесленной улицы города Т. «Растеряева улица лежит на городской стороне, но общий колорит рабочего города отразился и здесь. Вот, между прочим, в лачуге, ниоткуда не защищенной заборами, проживает представительница собственно растеряевского мастерства, старая солдатка, “кукольная”. Под ее дряхлыми пальцами цветет отечественная скульптура; в летние, погожие полдни на завалинке ее лачуги непременно сушится несколько глиняных офицеров и дам и бесчисленное множество лошадей-свистулек с одними передними ногами... В таких же лачугах живут сверлильщицы, наждашницы, женщины и девушки, занимающиеся на фабриках. В этой же улице живут гармонщики, токари, наводильщики и т. д... Все эти мастерства дают Растеряевой улице несколько иную сравнительно с другими захолустьями физиономию. В дни отдыха молчаливая физиономия ее оживляется драками и пьяными, разбросанными там и сям. В будничные дни к звонкому пению кур присоединяется стук молотков, то вперемежку, то сразу вдруг обрушивающихся на отчеканиваемую металлическую массу; звуки гармонии, на которой мастер для пробы тронул с “перехватом”; жужжание токарного станка — и надо всем этим, по обыкновению, тихая песня»³².

В реальности описываемый быт Растеряевой улицы являл собой картину мещанского благополучия, значительно более привлекательную, чем повседневная жизнь большинства мещан-ремесленников, приютом которых были подвалы и чердаки доходных домов. Облик таких «обиталищ» наглядно показал Гиляровский. В частности, дом Бунина в Москве, в котором «жило много постоянных хитрованцев, существовавших поденной работой вроде колки дров и очистки снега, а женщины ходили на мытье полов, уборку, стирку, как поденщицы.

Здесь жили профессионалы-нищие и разные мастеровые, отрущобившиеся окончательно. Больше портные, их звали «раками», потому что они, голые, пропившие последнюю рубаху, из своих нор никогда и никуда не выходили. Работали день и ночь, перешивая тряпье для базара, вечно с похмелья, в отрепьях, босые»³³.

Картину быта мещан-ремесленников описал и Н.В. Шелгунов: «... В подвальных помещениях ютится преимущественно ремесленный и вообще работающий люд. Тут вы встретите людей за столярным, токарным, слесарным станком, работниц за швейными и вязальными машинами, сапожников. Портных, вообще людей, занятых тяжелым трудом, обыкновенно за недостатком света работающих при огне. Занимать квартиры в верхних этажах рабочих не привык, да его в них и не пускают; если же под мастерскую и отдают квартиру в верхнем этаже, то за нее берут такую цену, которая съедает все заработки ремесленника»³⁴.

Бывало, что для удешевления платы за помещение ремесленники снимали его «артельно», занимая каждый свой угол. «Такие артели штучников, не принадлежа цеху, наносят громадный вред ремеслу и цеховым мастерам, способствуя укрывательству подмастерьев, задолжавших преждему своему хозяину, цеховому мастеру, и учеников, не дождавшись срока контракта, так как те и другие нередко проживают у штучников без прописки видов; все за малыми исключениями, предаются пьянству и разгулу, занимаясь работою не более трех-четырёх дней в неделю, при том же в праздники до обеда»³⁵.

Типичный «гардероб» мастеровых мещан составляли «ватные пиджаки, вместо пальто, сапоги вместо штиблет. Приходилось встречать в этих мастерских и полураздетых, имеющих только ситцевую рубаху (часто грязную, разорванную), брюки, потерявшие свой цвет, или кальсоны». Мастерицы «имеют почти всегда неряшливый вид, ходят в платочке, у многих, особенно немолодых, платье линялое, грязное, разорванное: работницы лет за 25 обычно пьют вино, курят табак»³⁶.

Остановить падение нравов, предотвратить процветавшее в ремесленной среде пьянство были призваны создаваемые в конце XIX в. в городах России ремесленные клубы, по образу и подобию купеческих³⁷. Однако эта инициатива не принесла ощутимых результатов. В докладе Первому Всероссийскому съезду ремесленной промышленности (1900 г.), подготовленном головой Владимирской Ремесленной управы, отмечалось, что «Разнузданность мастеровых и даже учеников из года в год прогрессивно увеличивается»³⁸. Данное владимирским головой определение воспроизводилось и в материалах съезда.

«Жизнь провинциального ремесленника проходит более чем бесцветно: он или, не разгибая спины, работает в течение целого месяца, или, получив заработанные тяжелым трудом рубли, пьянствует и, пропив все деньги, снова тянет свою трудовую лямку...

Работая при самых невозможных санитарных и гигиенических условиях, работая всегда до переутомления, ремесленник заболевает и, нуждаясь в медицинской помощи, очень часто не находит ее, так как городские и земские больницы почти всегда переполнены, а очень многие города не имеют штата бесплатных городских врачей, и потому в случае болезни положение ремесленника безвыходно»³⁹.

«Портрет» мещанина-ремесленника, за исключением отдельных удачливых рукодельников, воспроизводился в мрачных красках на всех уровнях, начиная со столичного и кончая провинциальным. Рисуя обобщающий образ мещанина Орловской губернии, зарабатывающего на жизнь ремесленным трудом, секретарь губернского статистического комитета А. Тарачков в 1869 г. писал: «Встретить в наших городах хорошего ремесленника, который бы специально знал свое дело, гордился бы им, который бы настолько был образован, чтобы мог следить за техническими успехами в науках, которые могли бы быть применяемы к избранному им ремеслу, составляет величайшую редкость. Ежели есть между нашими ремесленниками порядочные мастера, то все они не принадлежат к туземному мещанскому сословию, но заезжие из других мест и преимущественно немцы из остзейских губерний, или выходцы из-за границы»⁴⁰.

Значительно отличались от общей массы мастеровых мещан пополнившие после крестьянской реформы ряды городских промышленников бывшие дворовые умельцы, включавшие в свой состав работников разных, необходимых в городском быте, профессий. По свидетельству земских исследователей, эта категория населения была наиболее образована и искушена в ремеслах⁴¹.

В первое пореформенное десятилетие ремесленное сообщество активно пополнялось за счет получивших личную свободу дворовых. Так, только за первую половину 1865 г. Московская ремесленная управа приняла «в цеха получив согласно указу Казенной Палаты от 11 сентября 1864 г. за № 6228 с дворовых людей рублевого сбора: живописного с 24 лиц двадцать четыре рубля; фельдшерного с 2 лиц 2 рубля; скорняжного с 1 лица 1 рубль; каретного с 2 лиц 2 рубля; позументного с 5 лиц 5 рублей; медного с 9 лиц 9 рублей; гранильного с 2 лиц 2 рубля; портного с 7 лиц семь рублей; столярного с 6 лиц 6 рублей; ювелирного в 3 лиц 3 рублей; серебрянного с 1 лица 1 рубль; кузнечного с 1 лица 1 рубль; сапожного с 4 лиц 4 рубля; кондитерского с 12 лиц 12 рублей; галичного с 1 лица 1 рубль; поверенного с 16 лиц 16 рублей; башмачного с 7 лиц 7 рублей; ленточного с 15 лиц 15 рублей; шапочного с 2 лиц 2 рубля; печного с 2 лиц 2 рубля; фортепианного с 1 лица 1 рубль»⁴².

Не испытывая добрых чувств к России в целом, маркиз де Кюстин, путешествовавший по ее городам в царствование Николая I, тем не менее с симпатией отзывался о дворовых мастерах и говорил, что в том числе они должны стать основой формирования «сословия независимых купцов и ремесленников». О дворовых рукодельниках маркиз де Кюстин писал: «На таком фоне своеобразно выделяется и городское население. Народ русский достаточно красив. Мужчины чисто славянской расы, привезенные сюда своими господами для услужения из центра России или остающиеся подолгу, с их разрешения, в Петербурге для занятия ремеслами, отличаются светлым цветом волос и яркой крас-

кой лиц, в особенности же совершенством своего профиля, напоминающего греческие статуи. Их миндалевидные глаза имеют азиатскую форму с северной голубоватой окраской и своеобразное выражение мягкости, грации и лукавства. Рот, украшенный шелковистой, золотисто-рыжей бородой, в правильном разрезе открывает ряд белоснежных зубов, большей частью совершенно ровных. Платье этих людей также оригинально. Оно состоит либо из какой-то греческой туники, перепоясанной яркоцветными кожаными кушаками, либо из длиннополой персидской одежды, либо из короткого русского овчинного тулупа, мехом внутрь или наружу соответственно температуре воздуха»⁴³.

Семьи дворовых были не так многочисленны, как крестьянские (в Тамбовской губернии средняя семья дворовых во второй половине XIX в. составляла 4,4 чел., крестьянская — 8,2 чел.)⁴⁴. Особое положение в среде дворовых занимали мастеровые-рукодельники. Талантливые ремесленники представляли собой «объект» особой гордости их владельцев. При правильной постановке дела дворовые могли приносить и приносили владельцам большую прибыль. Домашние прядильницы и швеи, кузнецы, сапожники, столяры изготавливали все необходимое для хозяйства и обихода. Не нужно было тратиться на гонорары художникам — они были из своей дворни. Крепостной архитектор не требовал платы за возведение построек, от амбаров до дворцов, красотой которых и в наши дни восторгаются современники. Из дворовых людей вышли зодчий Воронихин, художники Тропинин и братья Аргуновы, знаменитый артист Щепкин и множество других, имена которых не забыты до сих пор благодаря их вкладу в отечественную культуру, а также еще большее количество забытых и — забытых в прямом смысле слова кнутом и батогами на барской конюшне⁴⁵.

Если многочисленная прислуга обычно размещалась в людских, оборудованных в хозяйственных постройках, флигелях, коровниках, птичниках или отдельно стоящей избе⁴⁶, то для профессиональных промышленников предназначалась специальная мастерская, совмещавшая рабочее место с жильем. Многие крепостные мастера после обретения личной свободы оставались при усадьбе владельца на условиях найма (фактически отрабатывая арендуемое помещение).

Другие, успевшие собрать к моменту освобождения небольшие деньги, снимали помещение или обзаводились собственной городской постройкой.

Сам император Николай I выделял из общей массы дворовых, не всегда «полезной», с точки зрения сохранения «спокойствия» в государстве, тех, которые владели ремеслом и должны были «непременно» пополнять городские цеха⁴⁷. Облик ремесленника из дворовых хорошо характеризует запись в журнале «Мастера Костромской серебряной управы 1787—1850 гг»: «БОРОЗДИН Илья Петров, серебряного дела мастер, дворовый человек Прасковьи Александровны Кольчевой. Упоминается с 1813 г. 2 июня 1817 г. по секретному предписанию частного пристава был послан Ремесленной управой в полицию в числе 4-х мастеров “лучших, относительно поведения благонадежнейших и совестных людей” В 1841 г. имел 1 мастера и 1 подмастерья, в 1845 г. — 1 подмастерья»⁴⁸.

Оказавшись после крестьянской реформы в новых условиях коммерческой деятельности, бывшие дворовые, имевшие большее пре-

имущество, заключавшееся в особых мастеровых навыках, и вынужденные заново устраивать свой быт, проявляли сноровку и трудолюбие в устройстве своего городского жития.

Такой же неоднородный, как и ремесленное общество, была группа мастеровых из купечества. Купеческое гильдейское свидетельство выкупали представители ремесленной «верхушки», помимо потомственных купцов, наиболее удачливые промышленники из крестьян, мещан, вечно цеховых, дворян, бывших воинских чинов и иностранцев. Чертой, позволяющей говорить об определенной схожести бытовых условий ремесленников из купцов, являлись признаки, следующие из их достаточно высокого материального положения. В частности, мастера-купцы являлись владельцами собственных домов, не редко специально оборудованных мастерских. Ремесленным уставом 1842 г. (ст. 387) купцам первой и второй гильдий разрешалось заниматься любыми ремеслами и иметь неограниченное количество учеников и подмастерьев⁴⁹. Более обстоятельные представления о ремесленниках из числа купцов 2-й гильдии дают данные из обывательской книги Санкт-Петербурга за 1895 год. Всего в книгу были внесены 857 купцов⁵⁰. Все ремесленники из числа потомственных купцов имели собственные дома, а 67,8% из них — специально оборудованные мастерские. Удельный вес владельцев мастерских среди ремесленников из дворян составлял 62,5%. Мещане, так же как и ремесленники-купцы и дворяне, обзавелись собственным жильем, однако число в их среде тех, кто имел мастерские, было значительно ниже — 44,4%. Еще меньше производственных помещений имели воинские чины — 37,1%, иностранцы — 37,7%, вечноцеховые — 15,3%, крестьяне — 8,6%.

Судя по наличию специального производственного помещения, наиболее состоятельную часть ремесленников купеческого звания составляли дворяне, воинские чины, потомственные купцы и мещане. Дома тех промышленников, которые не имели специальных отдельно стоящих мастерских, обычно состояли из первого и подвального производственных этажей и верхнего жилого и отстраивались в непосредственной близости от гостиных дворов или располагались на специальной торговой улице городов. «На Тверской, против Леонтьевского переулка, — писал Гиляровский об одном из таких домов, — высится здание булочника Филиппова, который его перестроил в конце столетия из длинного двухэтажного дома, принадлежавшего его отцу, популярному в Москве благодаря своим калачам и сайкам»⁵¹.

Ремесленное дело купцов отличалось сложившейся традицией мастерства, а выпускаемая ими продукция — качеством и широким спросом. «Булочная Филиппова всегда была полна покупателей, — писал Гиляровский. — В дальнем углу вокруг горячих железных ящиков стояла постоянная толпа, жующая знаменитые филипповские жареные пирожки с мясом, яйцами, рисом, грибами, творогом, изюмом и вареньем. Публика — от учащейся молодежи до старых чиновников во фризových шинелях и от расфранченных дам до бедно одетых рабочих женщин. На хорошем масле, со свежим фаршем пяточковый пирог был так велик, что парой можно было сытно позавтракать. Их завел еще Иван Филиппов, основатель булочной, прославившийся далеко за пределами московскими, калачами и сайками, а главное, черным хлебом прекрасного качества»⁵².

Ремесленные мастера купеческого достоинства позволяли себе поездки за границу, в том числе для изучения опыта организации производства. Мастерские этих состоятельных промышленников имели большие размеры, порой занимая целый этаж каменного здания, как правило, совмещались с салонами, в которых демонстрировалась готовая продукция и принимались заказы от горожан⁵³. Однако за устроенным бытом и благополучием промышленников-купцов стояли тяжелые условия труда и безрадостная жизнь тех, кто работал в их мастерских. Рабочий день на купеческих предприятиях продолжался в среднем 11 часов в сутки. В пору, когда заказов было много или спрос на продукцию возрастал, в мастерских становилось особенно напряженно. «В одной первоклассной мастерской дамских верхних вещей, — писал очевидец, — такие спешки бывают очень часто, и нервы рабочих до такой степени взвинчены, что почти каждая имеет при себе валериановые капли»⁵⁴. Об условиях труда работников в купеческих ремесленных предприятиях специально исследовавшие эту проблему С.С. Уваров и В.В. Лялин писали, что, благодаря длинному рабочему дню, «ремесленники выходят в жизнь с надорванными силами и недоразвитыми, производя в свою очередь хилое потомство»⁵⁵.

Положение работников купеческих ремесленных предприятий усугублялось принудительным введением в оплату труда «хозяйского стола». Результаты назначенного градоначальником г. Москвы в 1912 г. санитарного осмотра ремесленных заведений 68% мастеров, подмастерьев и учеников купеческих мастерских показал, что они «жили на хозяйских харчах» (обед и ужин), за что из месячного заработка высчитывалось 4—6 рублей. Обед состоял из щей или супа с вареной говядиной (по $\frac{1}{8}$ фунта), два раза в неделю, в качестве второго блюда давалась жареная говядина, «в остальные же дни гречневая или манная каша или картофель, на ужин полагались суп и каша». «Кормят мастериц и учеников, — говорилось в отчете, отвратительно»⁵⁶. О рабочем помещении известного купеческого предприятия по пошиву модной одежды «Города Лиона», располагавшегося на углу Кузнецкого моста и Неглинного проезда в Москве, в этом же отчете говорилось: «Во всем этом этаже вентиляции не имеется, и воздух освежается только посредством форточек. Полы повсюду ветхи, в углах коридора кучи сора. На полках, на лампах, на коробках с товаром, повсюду — масса пыли. Кран и раковина для умывания рук — в ужасном состоянии. Стены потеряли всякий след окраски. В кухне нет никакой вытяжки, полки для посуды грязны. Уборных при мастерских не имеется, они расположены в подвальном этаже и содержатся очень грязно»⁵⁷.

Отдельную категорию «ремесленного люда» составляли мастера евреи, вносившие свой акцент в городской облик. После послабления режима оседлости их приток в города Центральной России увеличился. Многие прибывали с ремесленными свидетельствами, выданными по месту постоянного проживания, но при этом не обладали ремесленным мастерством, что всегда становилось поводом для претензий со стороны городских властей и ремесленной управы⁵⁸. Но большинство евреев, пополнявших ряды ремесленников, были первоклассными портными и сапожниками (реже ювелирами). Их быт отличался благопристойностью и трезвостью. Несмотря на то, что многие евреи, «встав на ноги», выкупали гильдейские купеческие

свидетельства, бытовая скромность и в этом случае оставалась их характерной чертой.

Практически все (за редким исключением) еврей-ремесленники обитали на съемных квартирах и, даже накопив небольшой запас средств, не часто решались обзаводиться собственной недвижимостью. Еврейские мастерские семьи старались держаться вместе, предпочитая традицию общих религиозных и национальных праздников, которые всегда являлись поводом для собраний.

Такое автономное положение евреев, в том числе, стимулировали закрепленные законом порядки, согласно которым они не могли избираться в выборные органы ремесленного самоуправления, не имели права иметь учеников из христиан и регистрировались по отдельному реестру.

Еще одной не важной, но характерной чертой ремесленников-евреев был не совпадающий с христианским день отдыха. На этот счет имелось специальное разъяснение в ст. 181 Ремесленного Устава о том, что ученики и подмастерья из христиан «не могут быть употребляемы на работу в дни воскресенья и двенадцатые праздники; в свою очередь, мастера из христиан не должны принуждать к работе евреев в те дни, когда работать им запрещено по закону, употребляя их зато на работу в дни Христианских праздников»⁵⁹.

Картину многоликого ремесленного населения городов России дополняла особая часть промышленного люда, еще не обретшая мастерского статуса. Подмастерья и ученики составляли значительную массу цехового и нецехового ремесленничества и, как правило, в повседневной жизни являлись антиподами. Состав ремесленного ученичества не был однородным и объединял детей мещан, отставных военных чинов, крестьян цеховых провинциальных городов⁶⁰. Подмастерья, на которых непосредственно возлагалась обязанность обучения, не только грубо обращались с подопечными, но и нагружали их «работой», не имевшей отношения к мастерству, как-то покупкой и доставкой спиртного, табака, «пьяными увеселениями».

Либерализация правил ученичества, в частности, запрет на наказание учеников хозяевами и передача дел о проступках и правонарушениях мировым судьям привели к «испорченности нравов» и разрушению традиционных механизмов, предотвращающих «их падение»⁶¹.

В свою очередь, отсутствие родительской опеки за детьми, направленными из отчего дома для приобретения промышленных навыков, и послабление правил их содержания при обучении обусловили массовые случаи самовольного оставления учениками ремесленных мастерских, бродяжничества, пьянства и правонарушений. «Масса подобных недоучек, — говорилось в Докладной записке председателя Комиссии, учрежденной с целью изыскания мер к улучшению ремесленной промышленности в июле 1887 г., — образуют только особый контингент рабочего люда, который, в особенности в летнее время, встречается на улицах днем, в рабочую пору, без всяких занятий, в оборванном платье и с худыми и испитыми лицами, следствием распутной жизни; из этой же массы нарождается и тот особый тип подмастерьев, который не может ужиться долгое время ни у одного хозяина, а бродить от одного к другому, не принося ни себе самому, ни другим никакой пользы, — или же начинает заниматься сам по себе

ремеслом, без всяких прав, переманивая от хозяев подготовленных уже учеников, и при помощи их и других, подобных себе товарищей, принимает на себя заказы, сбивая цены на работы, в ущерб их качеству и делая невознаградимый подрыв и вред записным мастерам»⁶².

Указанное явление потребовало специального замечания, так как имело далеко идущие последствия. С середины 1860-х по середину 1880-х гг. количество официально зарегистрированных в ремесленных управах контрактов на ученичество уменьшилось в пять раз по причине массового отказа мастеров от ученичества⁶³.

Краткое рассмотрение ремесла как феномена быта России убеждает в контрпродуктивности взгляда на его природу, быт и нравы как на регалии, обладающие аутентичными признаками и внешними качествами. Как и само ремесленничество, не сформировавшееся в сословие, так и его экзистенциальные и ментальные характеристики представляли собой сложную палитру «красок», не подававшую во второй половине XIX в. признаков сужения цветовой гаммы. Эту особенность ремесленной «пестроты» и многосложности отмечали и современники. В «Русских Ведомостях» за 1899 г. говорилось: «... Купцы и ремесленники... собственно говоря, не являются даже сословиями в полном смысле этого слова, ибо правами купечества пользуется всякое лицо под условием уплаты гильдейских пошлин, а цеховым закон не присваивает никаких особых личных прав, приравнивая их к мещанам. Далее, в купечество и ремесленные цехи можно приписываться, сохраняя права другого состояния. Их скорее можно было бы рассматривать как касты, ибо разделение здесь основано не на профессии»⁶⁴.

Примечания

1. ЕГОРОВ В.Г., ЧИСТОВА С.М. Городское ремесленное производство России в отечественной историографии. М. 2009.
2. См. например: МУХАЧЕВ Е. Заметки о губернском городе Перми. — ЖМВД. 1860, ч. 45; ДИТЯТИН И. Устройство и управление городов России. Городское самоуправление в России. Городское управление до 1870 года. Т.П. Ярославль. 1877; ТОРЧКОВ А.О. О состоянии торговли и промышленности в городах: Волхове, Малоархангельске, Кромахе, Дмитровске. Орел. 1896; СЕМЁНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ В. Город и деревня в Европейской России. СПб. 1910; РЫНДАЮНСКИЙ П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М. 1958; МИРОНОВ Б.Н. Социальная структура городского населения России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. В кн.: Генезис и развитие капитализма в России. Проблемы истории города: Межвузовский сборник. 1988.
3. ЗОМБАРТ В. Политическая экономия промышленности. СПб. Б/г.; ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. М. 1897; Промышленность. СПб. 1905; ЗАК С.С. Промышленный капитализм в России. СПб. 1917; РАШИН А.Г. Формирование промышленного пролетариата в России. Статистико-экономические очерки. М. 1940; ЛЮБОМИРОВ П.Г. Очерки по истории русской промышленности. М. 1947; КОПЫЛОВ Д.И. Развитие обрабатывающей промышленности г. Тюмени в конце XVIII — первой половине XIX в. В кн.: Города Сибири. Новосибирск. 1974.
4. КОРСАК А. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России. М. 1961; Ремесленник, изданный Другом Ремесленников. СПб. 1863; СТЕПАНОВ Н. Сравнительно-исторический очерк организации ремесленной промышленности в России и западноевропейских государствах. Киев. 1864; КУЛИШЕР М.И. Цехи у

- нас и в Европе. — Русская мысль. М. 1887; ТАРАНЦОВ А. В мастерской (Из записок русского ремесленника). М. 1887; МИРОПОЛЬСКИЙ В.Н. О ремесленных заведениях. Всероссийский торгово-промышленный съезд 1896 г. в Нижнем Новгороде. СПб. 1896; ЯДРОВ А.И. О сохранении церковного управления. СПб. 1897; ТЮФИЛИН А.М. Записка о состоянии ремесленности. Казань. 1906; ПАЖИТНОВ К.А. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М. 1952; ОЛЬХОВАЯ Л.В. К истории развития мелкой промышленности Урала в конце XIX — начале XX вв. (до Первой мировой войны). Вопросы экономической истории и экономической географии. Свердловск. 1964; КЛЕЙН И.Л. Мелкая промышленность Среднего Поволжья в конце XIX — начале XX вв. (К вопросу о мелкотоварном укладе в экономике России). В кн.: Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск. 1972; ТАРНОВСКИЙ К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX — начале XX вв. М. 1995.
5. ОЛЮНИНА Е.А. Портновский промысел в Москве и в деревнях Московской и Рязанской губ. М. 1914; МАРГОЛИН С.О. Портняжное производство. СПб. 1915.
 6. ЛЕНИН В.И. Кустарная перепись 1894—95 года в Пермской губернии. ПСС, т. 2, с. 22; РЫНДЗЮНСКИЙ П.Г. Утверждение капитализма в России. 1850—1880 гг. М. 1978, с. 310.
 7. СОКОЛОВ Н.Д. Промысловые занятия Московской губернии и его обращаемость в лечебницы. М. 1909, с. 51 (подсчитано автором).
 8. ПИСЕМСКИЙ А.Ф. Соб. соч. в 9 томах. Т. 2. М. 1959, с. 174.
 9. См. например: КОВАЛЬЧЕНКО И.Д., МАЛОВ Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII — начала XX века. М. 1974.
 10. Журнал Министерства внутренних дел. 1834, № 4.
 11. Там же, с. 157—158.
 12. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-ом отделении Департамента Генерального Штаба. Т. XIII. Ч. 2. Воронежская губерния. СПб. 1859, с. 45—46.
 13. СУББОТИН А.П. Губернский Владимир в 1977 г. — Ежегодник Владимирского губстаткомитета. Владимир. 1880, вып. 3, с. 183—184.
 14. Государственный архив Владимирской области (ГА ВО), ф. 263, оп. 1, д. 155, л. 1—2.
 15. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГА СО), ф. 316, оп. 1, д. 1902, л. 5.
 16. Государственный архив Ставропольского края (ГА СК), ф. 7, оп. 2, д. 193, л. 4.
 17. Государственный архив Тверской области (ГА ТО), ф. 3, оп. 1 д. 579. л. 1—2.
 18. РУДНЕВ С.Ф. Промыслы крестьян в Европейской России. — Сборник Саратовского земства. 1894, № 6, с. 209—210.
 19. Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИА М), ф. 188, оп. 4, ед. хр. 301, л. 4. (Расчеты выполнены автором).
 20. КОШМАН Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. Социальные и культурные аспекты. М. 2008, с. 265.
 21. См. например: СМУРОВА О.В. Неземледельческий отход крестьян в столицы и его влияние на эволюцию образа жизни города и деревни в 1861—1914 гг. На материалах Санкт-Петербурга, Москвы, Костромской, Тверской и Ярославской губерний. Дисс. док. истор. наук. Ярославль. 2005, с. 115—137.
 22. Отхожие промыслы крестьянского населения Ярославской губернии. Статистический очерк. Ярославль. 1903, с. 281.
 23. ГИЛЯРОВСКИЙ В.А. Сочинения в четырех томах. Т. 2. М. 1968, с. 38, 40.
 24. Промыслы и неземледельческие занятия крестьян центрального района. Курск. 1887, с. 42.
 25. ПРОТОПОПОВ Д. О промыслах государственных крестьян Московской губернии. — Журнал министерства государственных имуществ. 1843, ч. IV, кн. 2, с. 225.
 26. УСПЕНСКИЙ Г.И. Сочинения. В 2-х т. Т. I. М. 1988, с. 32—33.
 27. Там же.
 28. Пригородная слобода Казацкая. В кн.: Курский сборник. Вып. II. Курск. 1902.
 29. Там же, с. 184.
 30. ОЛЮНИНА Е.А. Портновский промысел в Москве и в деревнях Московской и Рязанской губ. М. 1914, с. 48, 51, 190, 244, 248.

31. Труды Всероссийского съезда по ремесленной промышленности в Петербурге. 1900 г. Т. 3. СПб. 1900, с. 261—262.
32. УСПЕНСКИЙ Г.И. Ук. соч., т. I, с. 33.
33. ГИЛЯРОВСКИЙ В.А. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М. 1968, с. 30.
34. Н.В.ШЕЛГУНОВ. Очерки русской жизни. («Рус.Вед.», 1885 г. «Рус. Мысль» 1886—1891 г.). СПб. 1895, с. 88.
35. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА), ф. 223, оп. 1, д. 5090, л. 17об.
36. ОЛЮНИНА Е.А. Ук. соч., с. 242—244.
37. См. например: Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города. Казань. 1895, с. 508.
38. ГА ВО, ф. 263, оп. 1, д. 148а, л. 14.
39. ГГИА, ф. 1287, оп. 1, д. 545, л. 122об.
40. ТАРАЧКОВ А. О состоянии торговли и промышленности в городах: Болхове, Малоархангельске, Кромах и Дмитровске. Орел. 1869.
41. ЛИТВАК Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный центр. 1801—1895. М. 1972, с. 62, 68.
42. ЦИА М, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 7, л. 36.
43. МАРКИЗ де КЮСТИН. Николаевская Россия. М. 1990, с. 64—65.
44. ЧЕРКАШИН О.Н. Определение понятия «дворовые люди» в правовых актах и мемуарных источниках XIX в. — Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2012, № 19, с. 88.
45. ТАРАСОВ Б.Ю. Россия крепостная. История народного рабства. М. 2001, с. 243.
46. Описание людской избы и быта дворовых. Тарханы. Государственный Лермонтовский музей-заповедник / http://www.tarhany.ru/museum/nauchnie_statii/tarhanskie_vestniki.
47. СЕМЕВСКИЙ В.И. Крестьянский вопрос в России. Т. 2. Крестьянский вопрос в царствование императора Николая. СПб. 1888, с. 273.
48. Труды Государственного Исторического музея. Вып. XVIII. М. 1947, с. 179.
49. РГИА, ф. 1287, оп. 44, д. 479, л. 120.
50. Справочная книга о купцах гор. С.-Петербурга. СПб. 1895.
51. ГИЛЯРОВСКИЙ В.А. Булочники и парикмахеры. В кн.: Сочинения в четырех томах. Т. 4. М. 1968, с. 208.
52. Там же.
53. ОЛЮНИНА Е.А. Ук. соч., с. 36.
54. Там же, с. 196.
55. УВАРОВ С.С., ЛЯЛИН В.В. Охрана жизни и здоровья работающих. Б. м. 1908, с. 47.
56. Русское Слово. 1912, № 68.
57. Там же.
58. ЦГИА, ф. 223, оп. 1, д. 5090, л. 15.
59. Журнал МВД, ч.3, 1853, с. 33—35.
60. ЦГИА, ф. 223, оп. 1, д. 3322, л. 5—5об.; д. 3375, л. 6.
61. ЦИА М, ф. 223, оп. 1, д. 5090, л. 28об., 29.
62. Там же, л. 29об.
63. Там же, л. 29.
64. Русские Ведомости. 3.XII.1899, № 334.

«Борьба за дворянство» лиц иудейского исповедания в Российской империи в XIX — начале XX в.

А.С. Манойленко, Ю.Е. Манойленко

Аннотация. В работе на основе широкого круга источников рассматриваются обстоятельства приобретения дворянского статуса подданными Российской империи иудейского исповедания и анализируются особенности их правового и социального положения в составе дворянского сословия.

Ключевые слова: евреи, иудейское исповедание, дворянство, государственная служба, высшее образование, дворянское самоуправление.

Abstract. In work on the basis of a wide range of sources circumstances of acquisition of the noble status by citizens of the Russian Empire of Judaic confession are considered and features of their legal and social status as a part of nobility are analyzed.

Key words: Jews, Judaic confession, nobility, public service, the higher education, noble self-government.

До середины XIX в. для подданных Российской империи иудейского исповедания практически не существовало возможности получения статуса дворянина. Указами императрицы Екатерины II от 3 мая 1783 и 23 декабря 1791 г. евреям было предоставлено «состояние купеческое и мещанское»¹. «Положение о евреях» 1804 г. расширило этот круг «классами земледельцев, фабрикантов и ремесленников»². Единичные случаи «высочайшего пожалования» дворянства евреям, как правило, обуславливались переходом последних в христианскую веру³. Однако подавляющее большинство еврейского населения Империи сохраняло верность религии предков⁴.

С момента учреждения Петром I в январе 1722 г. «Табели о рангах» основным источником пополнения дворянского сословия стала

Манойленко Анна Сергеевна — магистр социально-экономического образования, заведующая архивом Петербургского института иудаики. E-mail: anetkir@rambler.ru; *Манойленко Юрий Евгеньевич* — кандидат исторических наук, главный специалист, секретарь Научного совета Российского государственного исторического архива. E-mail: historic2009@mail.ru.

Manoylenko Anna S. — master of social and economic education, head of the archive of the St. Petersburg Institute of Jewish studies. E-mail: anetkir@rambler.ru; *Manoylenko Yury E.* — candidate of historical sciences, chief specialist, secretary of the Scientific Council of the Russian State Historical Archive. E-mail: historic2009@mail.ru.

государственная служба. Именно она позволяла выходцам из «прочих состояний» выслужить чины и награды, связанные с приобретением дворянских прав. Законы Российской империи длительное время не содержали прямого запрета принимать лиц иудейского исповедания на гражданскую службу⁵. Вместе с тем, ощущавшаяся на местах нехватка специалистов (прежде всего, в области медицины) зачастую вынуждала губернские и уездные органы власти привлекать получивших профильное образование евреев к исполнению тех или иных служебных обязанностей. Подобная ситуация создавала гипотетические предпосылки для приобретения ими дворянских «преимуществ».

Именно на это обстоятельство обращалось внимание в отношении, направленном в 1820 г. из Министерства духовных дел и народного просвещения в Министерство юстиции в ответ на запрос о том, не существует ли законоположения о допуске к службе евреев, обучавшихся в университетах: «Если евреи будут допущены к службе гражданской, то могут получать чины, потом дворянство и, следовательно, право владеть крестьянами; между тем, законы не позволяют евреям иметь во владении крестьян, даже по условиям. По сим соображениям, евреи, пока остаются в своей вере, не могут быть принимаемы в гражданскую службу, не исключая даже тех, которые получили ученые степени»⁶.

Существовавший правовой вакуум оказался частично заполнен с утверждением в 1827 г. «Устава рекрутской повинности и военной службы евреев», в соответствии с которым отставным нижним чинам, получившим «хороший аттестат о службе и поведении», разрешалось поступать на гражданскую службу. При этом в «Уставе» особо оговаривалось, что «евреи, не получившие посредством военной службы права на гражданскую, не принимаются в оную и не признаются в оной ни в каком случае, пока будут оставаться в своей вере»⁷.

Однако реальность диктовала свои требования, в силу чего указанная норма далеко не всегда исполнялась местными властями. Иллюстрацией к этому может служить так называемое «дело Шпира», в известной мере подтвердившее существовавшие в правительственных кругах опасения относительно возможности приобретения иудеями дворянского статуса.

В 1828 г. витебский гражданский губернатор А.И. Сорокунский донес Правительствующему Сенату о том, что исправляющий должность уездного врача в Себеже доктор медицины Левин Шпир «присвоил себе права дворянства»⁸. Как выяснилось, во владении Шпира находилось трое дворовых людей: «незаконнорожденный мальчик Иоахим Архипов и две девки, Пелагея и Дарья, доставшиеся ему от помещика Коссова». Свое право на владение крепостной прислугой Шпир основывал на выданной «от бывшего польского короля» грамоте «на шляхетское достоинство и на чин польского надворного советника». Однако Сенат счел, что, по законам Российской империи, лицо иудейского исповедания не может не только иметь в своем владении крепостных, но и «держат в доме для услуг христиан обоего пола», после чего было принято решение отобрать их у Шпира. Поскольку должность уездного врача, которую занимал Левин Шпир, непосредственно относилась к государственной службе, 16 августа 1828 г. был издан Сенатский указ, официально подтвердивший зап-

рет определять евреев, не принявших христианства, на любые гражданские должности ⁹.

Таким образом, поводом к законодательному ограничению доступа евреев на государственную службу послужила именно гипотетическая возможность выслуги ими дворянских прав. Тем не менее, возвращаться к этой проблеме пришлось еще не раз.

В январе 1830 г. Подольская казенная палата обратилась в Департамент разных податей и сборов Министерства финансов за разрешением вопроса о том, к какому сословию следует причислить «двух евреев, Вольфа и Шулима, коих отец, еврей Михель Флекель, имел чин коллежского асессора». Чином VIII класса, дававшим право на потомственное дворянство, доктор медицины Флекель был награжден в феврале 1799 г. по распоряжению императора Павла I «за прекращение в Подольской губернии заразительной болезни» ¹⁰. В случае признания его сыновей дворянами, они подлежали освобождению от платежа податей.

Обстоятельства дела были представлены на рассмотрение Еврейского комитета — высшего административного и законодательного органа в отношении евреев. Приняв во внимание, что статус дворянина неразрывно связан с правом владения крепостными, а иудеям это категорически запрещено, и ссылаясь на Сенатский указ 1828 г., воспретивший прием лиц «Моисеева закона» на государственную службу, Комитет вынес определение: «Как евреи сами не могут быть признаваемы в службе, ни в чинах по оной, то их дети также не могут иметь прав дворянских, службою приобретаемых» ¹¹.

В дальнейшем Еврейский комитет продолжал следить за тем, чтобы различные служебные поручения, даваемые иудеям (которые, несмотря на запрет, продолжали иметь место в провинции), не влекли за собой приобретение их исполнителями каких-либо «преимуществ». Так, в ноябре 1830 г. в Комитет поступило представление белорусского генерал-губернатора Н.Н. Хованского о том, что прививание оспы в Могилевской губернии осуществляется лекарскими учениками «из евреев», которые в своей деятельности постоянно сталкиваются с установленными Сенатским указом 1828 г. ограничениями.

Ссылаясь на заключение Могилевской врачебной управы, Хованский делал вывод о том, что, вследствие отсутствия достаточного количества лекарственных учеников-христиан и чрезмерной занятости уездных врачей, «оспопрививание может остановиться, если запретить разъезды еврейских лекарственных учеников по уездам». Признав этот аргумент убедительным, Еврейский комитет счел возможным допустить указанную деятельность, однако особо оговорил, что «сии разъезды должны быть почитаемы за частные поручения, дающие евреям все прочие наравне с христианами выгоды, кроме выгод, с гражданской службою соединенных» ¹².

На следующий год Еврейский комитет занял еще более жесткую позицию по делу лекаря Розенблюма, допущенного к исполнению обязанностей городского врача в Николаеве. Временный распорядительный комитет по Главному управлению Черноморского флота и портов счел возможным, несмотря на иудейское исповедание, назначить Розенблюма на эту должность, поскольку в период русско-турецкой войны 1828—1829 гг. ему было поручено «пользование» боль-

ных в Одесском госпитале сухопутных войск, за что он удостоился «всемиловейшего подарка». Позже, во время эпидемии холеры в Николаеве, Розенблюм, по выбору главного доктора Черноморского флота и портов, занимался лечением нижних чинов в Морском госпитале¹³. Заменить его на должности городского врача было некем.

Еврейский комитет, однако, остался в точности верен «букве» Сенатского указа 1828 г.: «Временные распоряжения начальства, вынуждаемые военными обстоятельствами или свирепствовавшей жестокою болезнью, не могут служить основанием к нарушению закона, признанного необходимым по общим неизменяющимся началам и видам Правительства»¹⁴.

Однако уже 13 апреля 1835 г. вновь утвержденное императором Николаем I «Положение о евреях» разрешило принимать на гражданскую службу лиц иудейского исповедания, получивших ученую степень доктора наук и свидетельство Министерства народного просвещения «об отличных способностях» (при этом в каждом подобном случае требовалось получение «высочайшего» разрешения)¹⁵. Евреи, удостоенные ученых степеней по медицинской части, при поступлении на службу должны были «производиться наравне со всеми прочими Российскими подданными»¹⁶. Поскольку данное обстоятельство предоставляло возможность для карьерного роста и, следовательно, приобретения дворянских прав, то, руководствуясь «прецедентом Шпира», в «Положении» было особо оговорено категорическое запрещение евреям владеть населенными имениями¹⁷.

Лишение иудеев исключительной привилегии дворянства представлялось законодателям наилучшим решением проблемы. Впрочем, как показала дальнейшая практика, подобные меры предосторожности оказались излишними. Даже в тех редких случаях, когда принятым на медицинскую службу евреям удавалось достичь чина коллежского асессора, предоставлявшего права потомственного дворянства¹⁸, они в рассматриваемую эпоху сталкивались с непреодолимыми препятствиями в реализации своих прав. Весьма показателен в этом отношении случай доктора Бернарда Абрагамсона.

В августе 1843 г., занимая должность старшего врача Черкасского окружного управления государственных имуществ, он «за выслугу лет» был произведен в коллежские асессоры. Через несколько лет Абрагамсон обратился в Герольдию при Сенате с просьбой о признании его с женой и детьми в потомственном дворянском достоинстве. Рассмотрев представленные доктором документы, Герольдия вынесла решение: «Как из формулярного о службе его списка усматривается, что он исповедания еврейского, и положительного закона о признании в потомственном дворянстве евреев в виду не имеется, то Герольдия определяет: в прошении Абрагамсона отказать»¹⁹.

В определении Герольдии присутствовала ссылка на статью 1474 тома IX «Свода законов Российской империи», гласившую: «Депутатские собрания не должны вносить в родословные книги евреев, принявших христианскую веру, хотя бы они представили доказательства, что предки их приняли оную до 1764 года»²⁰.

Данная статья основывалась на «высочайше» утвержденном 20 апреля 1834 г. мнении Государственного Совета, регламентировавшем деятельность дворянских депутатских собраний, и представляла со-

бой перенос в законодательство Российской империи правовой нормы, установленной за семьдесят лет до этого Коронационным Сеймом Речи Посполитой. Указание на это содержится в самом законоположении: «Депутатские собрания не должны вносить в родословные книги евреев... потому, что самую Коронную Конституцией признано таковое возведение евреев в дворянское достоинство противным Польским Уставам, а в Российском государстве на признание такового рода евреев в дворянстве вовсе не существовало закона»²¹.

Очевидно, что приведенная норма касалась шляхетских родов еврейского происхождения («неофитов»), которые после разделов Речи Посполитой должны были подтверждать свой дворянский статус перед властями Российской империи и, в доказательство своих прав, приводили факт перехода их предков из иудаизма в христианство²². По своему юридическому смыслу данная статья не могла применяться к лицам иудейского исповедания, достигшим прав дворянства на государственной службе, однако именно она на долгие годы стала основным препятствием для оформления их законных притязаний²³.

Впрочем, сама возможность поступления евреев на службу была ограничена менее чем через десять лет после своего законодательного закрепления. 10 апреля 1844 г. император Николай I отдал «особое секретное повеление» председателю Еврейского комитета П.Д. Киселёву о приостановке действия законоположений, разрешавших прием лиц иудейского исповедания на гражданские и военно-медицинские должности: «Государю императору угодно сделать распоряжение, чтобы евреи, получающие ученые степени и остающиеся в еврейском законе, отныне не были удостоиваемы и представляемы к определению в государственную службу по какой бы части ни было». О состоявшемся «высочайшем» повелении было «секретно объявлено» военному министру, а также министрам внутренних дел и народного просвещения «для руководства в могущих представиться случаях»²⁴. Что послужило причиной изменений в отношении императора к службе евреев, остается неясным.

Установленный в 1844 г. негласный запрет просуществовал до конца николаевского царствования. Уже на следующий год после его появления прием иудеев на гражданскую и военно-медицинскую службу повсеместно прекратился: им отказывалось в зачислении даже в еврейские госпитали и земледельческие колонии, а также в раввинские училища. Даже в тяжелый период Крымской войны, когда потребность во врачах стала особенно острой, император продолжал лично следить за тем, чтобы лица «Моисеева закона» не определялись на государственную службу.

В ноябре 1854 г. директор Медицинского департамента Военного министерства В.В. Пеликан представил военному министру В.А. Долгорукову доклад о том, что слушателям V курса Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии было предложено сдать экзамен на звание лекаря и «ныне же» поступить на службу в учреждаемые в Крыму военные госпитали. Из 20 человек согласие на это дали шестеро, в том числе «два воспитанника еврейского исповедания, изъявившие готовность быть полезными при лечении раненых». Император Николай I, по докладу военного министра, «соизволил» на отправку их в Крым, но «с тем, чтобы они были употребляемы при госпиталях без зачисления в действительную службу»²⁵.

Аналогичным образом Военно-медицинское ведомство поступало с другими врачами-евреями, выразившими желание отправиться на театр военных действий. Только в 1854 г. в Крымские госпитали было направлено 12 лекарей «Моисеева закона», оказывавших медицинскую помощь больным и раненым без официального зачисления на службу ²⁶.

В ноябре 1855 г., когда секретные ограничения еще продолжали действовать, Сенат официально утвердил новую форму присяги для поступавших на государственную службу евреев с титулом императора Александра II и наследника цесаревича Николая Александровича ²⁷. Через три месяца после этого, в феврале 1856 г., 33 студента-иудея Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии подали прошение председателю Еврейского комитета Киселёву об исходатайствовании «высочайшего» разрешения врачам-евреям поступать на службу. В документе отмечалось: «Мы образовались в одних заведениях с лучшими сынами России, слились с их жизнью, последовали тем же началам, присвоили себе те же нравы и обычаи и рады оказать нашему Отечеству те же услуги» ²⁸.

Ходатайство еврейских студентов нашло полную поддержку Киселёва, который, со своей стороны, счел нужным заметить: «Ныне, когда Правительство призывает евреев к полезным трудам, нельзя в то же время отвергать готовность их посвятить свою деятельность на предмет, существенно полезный, тем более что само Правительство ощущает недостаток в медиках, как по гражданскому, так и по военному ведомствам». Министры внутренних дел С.С. Ланской и народного просвещения А.С. Норов, к которым Киселёв обратился за консультациями, также выразили согласие на возобновление приема на службу лиц иудейского исповедания. При этом первый из них высказал пожелание, чтобы «таковая служба не давала им прав на производство в гражданские чины и сопряженные с оными преимущества» ²⁹.

26 марта 1856 г. Киселёв представил императору Александру II заключение Еврейского комитета о том, что «законоположения о евреях в соединении с разными мерами, временно постановленными, содержат в себе многие противоречия и ограничения, затрудняющие достижение Высочайше указанной цели слияния их с общим населением». Ознакомившись с документом, император предложил Комитету пересмотреть все существовавшие «постановления о евреях» ³⁰.

5 июня того же года Александр II утвердил Журнал Еврейского комитета, содержащий записку о возобновлении действия закона, разрешающего прием на государственную службу лиц иудейского исповедания, имеющих ученые степени, на основаниях, изложенных в «Положении о евреях» ³¹. В записке отмечалось, что при рассмотрении данного вопроса, Комитет принял во внимание возможность того, «не поведет ли производство евреев в чины к приобретению ими права на владение населенными имениями», и счел, что опасность этого «положительно исключена» установленным на этот счет категорическим запретом ³².

Последовавшее разрешение допуска на службу (прежде всего, медицинскую) евреев, вполне отвечавшее потребностям государства в специалистах, нашло свое продолжение в дальнейших «послаблении-

ях». В ноябре 1861 г. «высочайше» утвержденным мнением Государственного Совета был разрешен прием на службу «по всем ведомствам» евреев, имеющих ученую степень магистра или кандидата наук³³. Через четыре года было разрешено принимать на военно-медицинскую службу врачей «Моисеева закона», не имевших ученой степени доктора. В мае 1866 г. действие этого постановления было распространено на ведомство Министерства народного просвещения³⁴, а в январе 1867 г. — Министерства внутренних дел³⁵.

Изменения в «еврейской» политике государства способствовали пересмотру Сенатского подхода к дворянскому статусу лиц иудейского исповедания. В июне 1871 г. Департамент герольдии признал в потомственном дворянском достоинстве упоминавшегося выше доктора Бернарда Абрагамсона и отдал распоряжение внести его с женой и детьми, согласно высказанному им пожеланию, в третью часть дворянской родословной книги Владимирской губернии³⁶. Это решение стало своеобразным прецедентом в вопросе о «еврейском дворянстве».

В период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. врачи иудейского исповедания — как состоявшие на службе по Военно-медицинскому ведомству, так и гражданские, — привлекались к обслуживанию нужд действующей армии, эвакуационных лазаретов и тыловых госпиталей. За проявленные отличия некоторые из них были награждены орденом Св. Владимира 4-й степени, дававшим право на потомственное дворянство. Руководствуясь законоположением о том, что евреи, служащие по медицинской части, «производятся в чинах и наградах наравне со всеми подданными», Департамент герольдии Сената, в большинстве случаев, беспрепятственно удовлетворял прошения врачей «Моисеева закона» об утверждении в дворянском достоинстве и выдаче соответствующего свидетельства³⁷.

Законы «о состояниях» Российской империи предусматривали неотъемлемое право потомственного дворянина внести свой род в родословные книги, которые составлялись губернскими дворянскими собраниями, «дабы доставить каждому благородному роду тем наипаче пособие продолжать свое достоинство и название наследственно»³⁸. Однако, как показала практика, признанные в дворянском статусе евреи, пытаясь реализовать предоставленное им право, сталкивались с упорным противодействием со стороны местных дворянских обществ, не желавших принимать их в свою среду.

В ноябре 1884 г. в Сенат с жалобой на действия Херсонского дворянского депутатского собрания обратился помощник врачебного инспектора Моисей Зильберштейн. Будучи признан в правах дворянства Департаментом герольдии по «высочайше пожалованному» ордену Св. Владимира 4-й степени, он подал прошение о внесении в дворянскую родословную книгу Херсонской губернии. Рассмотрев представленные врачом документы, дворянское собрание постановило: «Принимая во внимание, что в составе херсонского дворянства со дня образования дворянского общества по сие время не было лиц иудейского исповедания, собрание, желая оставаться верным традициям, определяет: в ходатайстве статского советника Зильберштейна отказать»³⁹.

Законодательным основанием для отказа вновь послужила упоминавшаяся выше статья «Свода законов», запрещающая вносить в

родословные книги евреев, принявших христианскую веру⁴⁰. Херсонское дворянское собрание посчитало, что «после раздела Польши, вместе с евреями, перешедшими в подданство России, перешли и касающиеся их узаконения, которые отнюдь не допускают возведения в дворянское достоинство евреев, даже принявших христианскую веру»⁴¹.

Несмотря на то, что в жалобе Зильберштейна указывалось на незаконность применения к иудею, приобретшему права дворянства на государственной службе, правовой нормы, касающейся польских дворян-«неофитов», Сенат не стал вникать в законодательные тонкости. Представленное Херсонским собранием объяснение, что ходатайство врача о внесении в родословную книгу не получило необходимых двух третей голосов дворянских депутатов, было признано удовлетворительным, а жалоба Зильберштейна оставлена «без последствий»⁴².

В аналогичной ситуации оказался младший врач 46-го Резервного пехотного кадрового батальона Семён Ядловкин. В апреле 1885 г. Департамент герольдии признал его в потомственном дворянском достоинстве по ордену Св. Владимира 4-й степени с мечами, полученному за боевые отличия в сражении при Шейново⁴³. Несмотря на то, что выданное Сенатом свидетельство о дворянстве предусматривало право на внесение в третью часть родословной книги, Подольское губернское дворянское собрание отказало Ядловкину на основании той же статьи 1106 тома IX «Свода законов». Обжаловать это решение он не стал.

Начало царствования императора Александра III ознаменовалось ужесточением государственной политики в отношении еврейских подданных. В 1881 г. в 15 губерниях «черты оседлости», а также Харьковской губернии, по «высочайшему» повелению, были образованы комиссии по еврейскому вопросу. Целью их работы являлся сбор и представление правительству материала для предстоящего пересмотра имперского законодательства о евреях. В ряду многочисленных предложений, прозвучавших со стороны комиссий, было установление запрета на службу лиц иудейского исповедания.

Так, например, Екатеринославская губернская комиссия признала нужным «ходатайствовать перед Правительством о совершенном воспреещении евреям поступать на государственную службу, за исключением врачебной части». В качестве мотива подобной инициативы была названа необходимость ограждения государственных учреждений от «наплыва и растлевающего влияния, вносимого евреями во все отрасли своей деятельности»⁴⁴.

За «безусловное воспреещение» высказалась также Волынская губернская комиссия, принявшая во внимание «то справедливое соображение, что евреи, находясь на службе, хотя бы вне пределов нашего края, могут иметь серьезное влияние на исход дел в судебных, административных и законодательных учреждениях, касающихся Волынской губернии». По мнению членов комиссии, состоящие на государственной службе иудеи «в недалеком будущем вытеснят со службы тот элемент, на который Правительство может положиться». В доказательство этого положения был приведен тот факт, что из 60 врачей дислоцировавшегося в Волынской губернии 11-го армейского корпуса «почти половина, то есть около 30, евреи»⁴⁵.

Распространенное в данный период отношение к службе евреев достаточно ярко характеризует казус, произошедший с чиновником

Государственного контроля Александром Левенсоном. Имея «православного отца», будучи «по вере и убеждениям русским», он оказался носителем фамилии, «подобную которой носят в Западных губерниях очень много иудеев». Вследствие этого, находясь на службе в Киевской, Ломжинской и Минской контрольных палатах в 1880-х — 1890-х гг., Левенсон, по его словам, сталкивался с «подозрениями и недоверием» со стороны начальства, видевшего в нем «принявшего православие из корыстных целей и потому способного нарушить святость присяги»⁴⁶.

Устав от «подобных обидных случайностей» и не желая «иметь ничего общего с врагами Государя», Левенсон в 1913 г. обратился в Сенат с просьбой разрешить ему «отныне именоваться Самойловым», по девичьей фамилии жены. Департамент герольдии, однако, отклонил это ходатайство, поскольку проситель не смог представить «консistorские метрические свидетельства о рождении отца и деда его»⁴⁷.

В апреле 1882 г., по инициативе военного министра П.С. Ванновского, число состоявших на службе врачей «Моисеева закона» было ограничено 5% от общего количества медицинского персонала армии⁴⁸. Одновременно была введена «пятипроцентная норма» приема евреев в Императорскую Военно-медицинскую академию. В последующие два года был ограничен прием студентов иудейского исповедания в Горный институт и Институт инженеров путей сообщения⁴⁹.

В ноябре 1886 г. император Александр III передал в Комитет министров «всеподданнейший» отчет харьковского губернатора А.И. Петрова, в котором отмечался «значительный наплыв в среду учащейся молодежи лиц еврейского происхождения». Как утверждал губернатор, «евреи неудержимо стремятся к поступлению в учебные заведения, задаваясь не столько тем, чтобы подготовить из себя верных и преданных слуг страны, сколько тем, чтобы получением дипломов расширить свои гражданские права». Против этого заявления император «собственноручно начертал»: «Совершенно те же жалобы постоянно слышатся из Одессы»⁵⁰.

Рассмотрев отчет Петрова с «высочайшими пометами», Комитет министров постановил: «ввиду существенной важности возбужденного вопроса» предоставить министру народного просвещения И.Д. Делянову право устанавливать ограничения приема евреев в высшие и средние учебные заведения⁵¹. В июле 1887 г. циркулярами Делянова была введена «предельная доля» учащихся иудейского исповедания в гимназиях и университетах: 10% в «черте оседлости», 5% — в остальных губерниях и 3% — в Санкт-Петербурге и Москве.

Установление ограничений в отношении получения высшего образования создавало естественные препятствия для дальнейшего поступления на государственную службу. К тому же, в условиях ужесточения «еврейской» политики Правительствующий Сенат особенно тщательно следил за соблюдением требований закона, касающихся определения лиц иудейского исповедания по той или иной «части» и предоставления им дворянских прав. Примечательна в этом отношении юридическая коллизия, имевшая место с братьями Яковом и Лазарем Поляковыми.

Будучи крупными банкирами и предпринимателями, Поляковы вели широкую благотворительную деятельность, за которую удостои-

лись «высочайше пожалованных» чинов и наград, предоставлявших право на потомственное дворянство⁵². Однако все попытки братьев оформить дворянский статус наталкивались на противодействие Департамента герольдии. Последний неизменно указывал на то обстоятельство, что, не имея ученой степени, иудеи Поляковы не обладали правом поступления на государственную службу, между тем как дворянство «по чину или ордену» могло быть приобретено лишь «в период прохождения таковой и пользования всеми правами оной»⁵³. Только в мае 1897 г., по «всепоподданнейшему» докладу помощника главного попечителя Императорского Человеколюбивого общества А.Н. Марковича, император Николай II дал согласие на предоставление Поляковым «прав и преимуществ дворянского состояния»⁵⁴.

В октябре 1898 г. Сенатским указом министру земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолову было предписано дать объяснения по поводу определения на службу корнета запаса Авраама-Альфреда Гинцбурга. Несмотря на то, что в мае 1879 г. император Александр II «всемилоостивейше» разрешил его отцу Горацию Гинцбургу наследственно пользоваться баронским титулом⁵⁵, а потомственные дворяне обладали правом на гражданскую службу «по происхождению», министру пришлось представить в Сенат обстоятельный рапорт, доказывающий, что иудей Гинцбург приобрел соответствующее право, как офицер, прослуживший установленный законом срок в войсках.

Объяснения были признаны удовлетворительными, однако в дальнейшем Департамент герольдии продолжал пристально наблюдать за службой корнета, собирая в специальном деле приказы обо всех его служебных перемещениях⁵⁶.

Таким образом, реальная возможность приобретения дворянского статуса в сложившихся к концу XIX в. условиях оставалась лишь у тех иудеев, которые к этому моменту уже находились на государственной службе. К числу последних принадлежал старший врач 12-го Великолукского пехотного полка Александр Гринкруг, с именем которого связана самая «громкая» история о «еврейском дворянстве».

В октябре 1891 г. Департамент герольдии признал Гринкруга в потомственном дворянском достоинстве по ордену Св. Владимира 4-й степени с мечами, «всемилоостивейше пожалованному» за отличия в сражениях с турками при Грeате и Этрополе⁵⁷. Через несколько лет после этого, выйдя в отставку с военно-медицинской службы и поселившись в Смоленске, Гринкруг обратился в губернское дворянское депутатское собрание с просьбой о внесении в третью часть родословной книги.

Собрание рассмотрело ходатайство в апреле 1894 года. Поскольку случаев «принятия или отказа» лицам иудейского исповедания в его практике не встречалось, губернский предводитель дворянства Н.А. Хомяков предложил депутатам разрешить вопрос о сопричислении Гринкруга к смоленскому дворянству «в общем смысле, по отношению ко всему еврейскому сословию». Выслушав доклад предводителя, собрание единогласно постановило «в принятии в число дворян и занесении в родословную книгу отказать», сославшись на известную статью 1106 тома IX «Свода законов», а также статью 1110, требовавшую принятия решения о внесении какого-либо рода в книгу не менее чем двумя третями голосов⁵⁸.

В марте 1898 г. Александр Гринкруг подал «всеподданнейшее прошение» в Департамент герольдии, в котором просил отменить постановление Смоленского собрания. Рассмотрев дело «по существу», Сенат впервые указал на то, что юридическое действие статьи 1106 распространяется исключительно на шляхетские роды, принадлежащие к числу «неофитов» бывшей Речи Посполитой, между тем как «в отношении приобретения потомственного дворянства и проистекающего отсюда права на внесение в родословную книгу никаких ограничительных для евреев постановлений в законах о состояниях не содержится»⁵⁹.

Ссылка на статью 1110 также была признана несостоятельной, поскольку она не предоставляла дворянским собраниям права в каждом конкретном случае толковать закон и отказывать просителям по причинам «неформального свойства».

На этом основании, действия Смоленского дворянского собрания, отказавшего Гринкругу в исполнении его законных требований, были признаны «неправильными». 17 декабря 1898 г. последовало определение Сената, предписывавшее собранию вынести новое решение по делу отставного врача⁶⁰.

Постановление по «делу Гринкруга» вызвало острую реакцию в дворянской среде. Критические публикации о «новейшей Сенатской практике по делам евреев, ищущих дворянства», появились даже на страницах столичной газеты «Новое время», имевшей репутацию «официозного» издания. Особенное возмущение анонимных авторов вызывало «посягательство» на право дворянской корпорации «самой» принимать или не принимать в свою среду новых членов.

«Не может смоленское дворянство, сотни лет проливавшее в непрестанных боях свою кровь и высоко державшее знамя веры, преданности русскому престолу, — не может оно не принять еврея-пришельца... Обязано местное дворянское общество рядом с именами Нахимова, Суворова, Лесли, Павла Энгельгардта внести и имя нового дворянина-талмудиста и сопричислить его к своим традициям», — с негодованием отмечал один из авторов⁶¹.

«Можно утверждать за несомненное, что дворянство, как такое, не продержится и полвека, если в среду дворянства будет открыт свободный доступ евреям... Это — последняя цитадель, взять которую для евреев важнее, чем снять черту оседлости. Через дворянство они приобретут политическое влияние — и на местах, и в центре, и добьются всего, чего добиваются для себя... Поэтому вопрос о приобретении евреями прав дворянства представляется вопросом огромного общественного значения», — заключал другой аноним⁶².

В публикациях «Нового времени» подчеркивалось, что в 1885 г., рассматривая аналогичный случай Зильберштейна, Сенат вынес решение, прямо противоположное принятому им по «делу Гринкруга». Отсюда следовал вывод о наличии «пробела в законодательстве», который необходимо заполнить. «Ибо нельзя же, в самом деле, мириться, что в таком деле, как вопрос о вторжении евреев в дворянство, решающую роль играет какая-то случайность, то или другое воззрение лиц, образующих в данное время состав одного из департаментов Сената!» — восклицал автор статьи «Евреи во дворянстве»⁶³.

Газетными публикациями заинтересовался министр юстиции Н.В. Муравьев. По его распоряжению, Первый департамент Министер-

ства юстиции запросил в Департаменте герольдии Сената дела о дворянстве Зильберштейна и Гринкруга и, после их изучения, составил справку по вопросу о внесении евреев в дворянские родословные книги. В документе отмечалось: «Нельзя не признать, что евреи, приобретенные одним из указанных в законе способов потомственное дворянство, вправе, наравне с прочими дворянами, домогаться внесения их в родословную книгу»⁶⁴.

В декабре 1899 г. Муравьев обратился к управляющему Министерством внутренних дел Д.С. Сипягину с отношением, в котором указывал: «Если вопрос о праве дворян иудейского вероисповедания на внесение в родословные книги, согласно существующим узаконениям, разрешается в положительном смысле, то, с точки зрения интересов поместного дворянства, едва ли представляются желательными последствия означенного внесения, а именно участие евреев в разрешении дел, предоставленных ведению дворянских обществ, и возможность занятия евреями выборных дворянских должностей»⁶⁵.

Поскольку вопросы, касающиеся дворянских выборов, относились к ведению Министерства внутренних дел, Муравьев предложил Сипягину выступить с «законодательным почином» в целях изменения изложенной ситуации. «Всцело поддержав» инициативу, Сипягин представил вопрос на обсуждение Особого совещания по делам дворянского сословия⁶⁶.

Особое совещание было образовано, согласно «высочайшему повелению» от 13 апреля 1897 г., для «всестороннего выяснения современных нужд дворянского сословия»⁶⁷. В состав Совещания вошли министры: императорского двора И.И. Воронцов-Дашков, внутренних дел И.Л. Горемыкин, земледелия и государственных имуществ Ермолов, юстиции Муравьев, финансов С.Ю. Витте; государственный секретарь В.К. Плеве, управляющий делами Комитета министров А.Н. Куломзин, член Государственного Совета Н.С. Абаза, егермейстеры императорского двора С.Д. Шереметев и Сипягин⁶⁸. Председателем Совещания являлся глава Комитета министров И.Н. Дурново.

Вопрос о вступлении утвержденных в дворянском статусе иудеев в состав местных дворянских обществ первоначально обсуждался образованной в составе Особого совещания Комиссией под председательством самого Сипягина.

Члены Комиссии пришли к выводу, что наличие в «Своде законов» статьи, запрещающей вносить в родословные книги евреев, принявших христианство, при отсутствии каких-либо указаний относительно лиц «Моисеева закона», свидетельствует, что «законодательство наше, по видимому, не допускало даже возможности возникновения притязаний евреев некрещеных на включение их в благородные ряды местного дворянства»⁶⁹. Между тем, существование подобного «пробела» имело следствием то, что Сенат, как это произошло в случае Гринкруга, мог отменить постановление местного дворянского собрания об отказе во внесении лица иудейского исповедания в родословную книгу, как «не соответствующее закону».

Как отмечалось в журнале Комиссии, сохранение за евреями права сопричисления к дворянству той или иной губернии «представляется совершенно нежелательным», вследствие «типичных черт этого племени, которые в корне противоречат тому стародворянскому благо-

родному духу, который, к счастью, и по сей час еще жив в лучших представителях сословия»⁷⁰.

Руководствуясь этими соображениями, Комиссия Сипягина вынесла заключение о необходимости «дополнить» статью 1106 тома IX «Свода законов» указанием, что «лица иудейского исповедания, хотя бы и приобретшие права потомственного дворянства, не могут быть вносимы в дворянские родословные книги»⁷¹.

Особое совещание по делам дворянского сословия заслушало представление Комиссии в марте 1900 года. Признав, что «затаенная мысль всех была изыскать средства, чтобы еврей не мог стать дворянином», Совещание единогласно постановило: «пойти дальше» первоначального предложения о воспрещении иудеям «приписки» к местным дворянским обществам и выступить с инициативой об установлении для них «совершенного запрета приобретать потомственное дворянство чинами на службе и пожалованием орденов»⁷².

29 апреля 1900 г. журнал Особого совещания был рассмотрен на соединенном заседании четырех департаментов (законов, гражданских и духовных дел, государственной экономики, промышленности, наук и торговли) Государственного Совета.

В ходе обсуждения три участника заседания — К.И. Пален, А.А. Сабуров и А.А. Иксуль фон Гильденбандт — высказались против установления каких-либо ограничений в отношении приобретения евреями прав потомственного дворянства. При этом они указывали на то обстоятельство, что доступ евреев на государственную службу чрезвычайно затруднен, а продвижение по карьерной лестнице осложняется «распространенным предубеждением», и «в большинстве случаев они выходят в отставку, не достигнув высших должностей и чинов»⁷³.

Число евреев, достигающих прав дворянского состояния, «совершенно ничтожно» и «отнюдь не может иметь отрицательного влияния на первенствующее сословие, отличающееся нравственной стойкостью и неизменностью присущих ему традиций»⁷⁴. В этих условиях принятие ограничительных мер лишь явится «тормозом» для осуществления «общих правительственных начинаний», направленных на «слияние евреев с коренным населением государства»⁷⁵.

Однако большинство участников обсуждения (30 чел.) заняли противоположную позицию, сводившуюся к тому, что «евреи составляют чуждый и даже противоположный всем нравственным и политическим основам дворянства элемент»⁷⁶. Признав наличие «большой опасности», проистекающей от допуска лиц «Моисеева закона» в состав дворянских обществ, они пришли к выводу о необходимости «особого изъятия из общих правил» в отношении приобретения такими прав потомственного дворянства⁷⁷.

При обсуждении вопроса о том, в чем именно должно заключаться «изъятие», мнения разделились. Семь участников заседания поддержали заключение Особого совещания о необходимости «вовсе устранить» возможность «выслуги» евреями потомственного дворянства «по чину или ордену». Остальные признали «достаточным» установить запрет на внесение их в дворянские родословные книги, поскольку в этом случае «евреи будут лишены права участвовать в местной сословной жизни и не смогут оказывать на дворянскую среду

отрицательное влияние»⁷⁸. Обе высказанные позиции было решено представить «на уважение» Общего собрания Государственного Совета.

15 мая 1900 г., заслушав вопрос о «еврейском дворянстве», Общее собрание во главе с председательствующим в Государственном Совете великим князем Михаилом Николаевичем подавляющим большинством голосов (48 против 5) высказалось за установление ограничений и поддержало вариант законодательного запрета на внесение приобретших права потомственного дворянства иудеев в родословные книги⁷⁹.

28 мая одобривший данную меру император Николай II подписал соответствующий указ Правительствующему Сенату⁸⁰. При этом министрам внутренних дел и юстиции было предписано «подвергнуть разработке» вопрос о порядке ведения особых родословных книг для потомственных дворян, не внесенных в родословные книги губерний⁸¹.

В декабре 1901 г. герольдмейстер Правительствующего Сената Ф.И. Шамрай представил министру внутренних дел Сипягину подготовленный им проект правил ведения «общей для всей Империи» дворянской родословной книги. Проект содержал требование к лицам иудейского исповедания, внесенным в губернские родословные книги до издания «высочайшего» указа 28 мая 1900 г., в течение двенадцати месяцев подать в Департамент герольдии ходатайства о «перенесении» их родов в Общеимперскую дворянскую книгу⁸².

Однако министр юстиции Муравьев, на заключение которого поступил проект, посчитал, что закон не может иметь «обратной силы». Признав в силу этого невозможность исключить из родословных книг внесенных туда дворян-иудеев, он, в свою очередь, предложил распространить правило об обязательной записи в Общеимперскую книгу на их «нисходящее потомство»⁸³. С этим мнением согласился новый министр внутренних дел Плеве.

6 июня 1904 г. император Николай II утвердил «мнение» Общего собрания Государственного Совета о порядке ведения Общеимперской родословной книги. Пункт 2 установленных «Правил» гласил: «В означенную книгу предоставляется записываться приобретшим права потомственного дворянства евреям, не подлежащим внесению в губернские дворянские родословные книги»⁸⁴. Через две недели Министерство внутренних дел разослало губернаторам циркуляр, в котором особо отмечалось, что «согласно точному смыслу вышеприведенного закона, под евреями, приобретшими права потомственного дворянства, надлежит разуметь и нисходящих потомков евреев, внесенных в губернские родословные книги ранее издания закона 28 мая 1900 года»⁸⁵.

На волне роста антисемитских настроений, усилившихся после обсуждения в высших инстанциях вопроса о «еврейском дворянстве», дворянское депутатское собрание Области Войска Донского предприняло попытку исключить из своей среды упоминавшегося выше банкира и предпринимателя Якова Полякова.

Поляков вместе с членами своей семьи был внесен в дворянскую родословную книгу Области Войска Донского в марте 1898 г. на основании «высочайшего» повеления о предоставлении ему прав потомственного дворянства по чину действительного статского советника и орденам Св. Анны и Св. Станислава 1-й степени⁸⁶. Еще до

внесения в книгу он, будучи владельцем 4693 десятин земли в Таганрогском округе, регулярно приглашался на дворянские выборы и совещания, в составе представителей донского дворянства участвовал в возложении венков на гробницу императора Александра III в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга и нес установленные законом повинности в пользу местного дворянского общества⁸⁷.

Тем не менее, в январе 1901 г. очередное дворянское собрание, выслушав доклад коллежского советника Н.А. Егорова о «существенных нарушениях формального свойства», большинством 145 против 41 голоса постановило обжаловать в Департаменте герольдии собственное решение о приеме Полякова в состав донского дворянства. Однако Сенат, рассмотревший жалобу собрания в январе 1907 г., не нашел оснований для отмены «правильного по существу» постановления о внесении предпринимателя в дворянскую родословную книгу⁸⁸.

Установление официального запрета на включение лиц иудейского исповедания в состав местных дворянских обществ и введение для них Общеимперской родословной книги снизило «градус накала» в вопросе о «еврейском дворянстве». Оно стало своеобразным компромиссом между справедливыми притязаниями утвержденных в дворянстве евреев и позицией, занятой большинством дворянской корпорации, не желавшим принимать их в свою среду. Пойдя навстречу требованиям последней, правительство, вместе с тем, продолжало следовать «букве» закона в отношении юридического признания прав дворянства за теми немногими иудеями, которым удавалось достичь таковых на государственной службе.

В результате, в начале XX в. лица иудейского исповедания образовали в составе дворянского сословия уникальную категорию «общеимперских» или «всероссийских» дворян. Несмотря на формальное обладание дворянским статусом, они не принимали участия в сословной жизни, формировании и расходовании капиталов дворянских обществ, замещении должностей в системе местного управления, не могли обучать детей в закрытых сословных учебных заведениях и пользоваться дворянскими стипендиями.

Выслуженное вопреки многочисленным преградам и трудностям дворянство приносило им скорее моральное удовлетворение, нежели фактические права и преимущества «высшего состояния» Империи. Даже будучи утвержденными в последнем, они, по существу, оставались абсолютно чуждыми для того сообщества, к которому «по названию» должны были принадлежать.

Подобная ситуация сохранялась вплоть до крушения Российской империи в феврале 1917 года.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ), собр. 1, т. XXI, № 15 724, с. 910; т. XXIII, № 17 006, с. 287.
2. Там же, т. XXVIII, № 21 547, с. 732. С установлением в 1832 г. сословия почетных граждан, евреям было предоставлено право причисления к нему, «но не иначе, как за необыкновенные заслуги, или отличные успехи в науках, художествах, торговле и мануфактурной промышленности, особыми Нашими указами». ПСЗ РИ, собр. 2, т. VII, № 5284, с. 195.

3. Так, например, указом императора Николая I от 22 августа 1826 г. петербургскому банкиру Людвигу Штиглицу, перешедшему из иудаизма в лютеранство, было пожаловано потомственное баронское достоинство Российской империи. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1343, оп. 46, д. 2329, л. 5—6.
4. По данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., иудаизм исповедовало 99,82% лиц, указавших еврейский язык в качестве родного. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т. II. СПб. 1905, с. XXXII.
5. Доступ на военную службу до 1827 г. оставался закрытым для евреев: возложенная на «податные» сословия рекрутская повинность заменялась для них особым денежным сбором. ПСЗ РИ, собр. 1, т. XXIII, № 17 249, с. 554; № 17 432, с. 858.
6. РГИА, ф. 1286, оп. 5, 1831, д. 846, л. 5—5об.
7. ПСЗ РИ, собр. 2, т. II, № 1330, с. 733—734.
8. РГИА, ф. 1286, оп. 5, 1831, д. 846, л. 5об.
9. ПСЗ РИ, собр. 2, т. III, № 2233, с. 779—780.
10. РГИА, ф. 1286, оп. 5, 1831, д. 846, л. 1.
11. Там же, л. 7об.
12. Там же, д. 865, л. 3—3об., 5.
13. Там же, д. 872, л. 1—2.
14. Там же, л. 5—5об.
15. ПСЗ РИ, собр. 2, т. X, отд. 1, № 8054, с. 322.
16. Там же. В дальнейшем именно медицина стала основной сферой деятельности евреев, поступавших на государственную службу. Как отмечалось в 1856 г. в заключении, данном на этот счет Министерством народного просвещения, «евреи, поступающие в университеты, посещают почти исключительно медицинские факультеты, и весьма редки могут быть примеры достижения ими степени доктора по другим факультетам». РГИА, ф. 1269, оп. 1, д. 19, л. 48—50.
17. ПСЗ РИ, собр. 2, т. X, отд. 1, № 8054, с. 310.
18. С 1814 г. лицам, имеющим статус личных дворян, было запрещено владеть именьями с крестьянами и дворовыми людьми. ПСЗ РИ, собр. 1, т. XXXII, № 25 604, с. 825; т. XXXV, № 27 356, с. 220—222.
19. РГИА, ф. 1343, оп. 16, д. 116, л. 6об.—7, 8об.
20. Свод законов Российской империи (СЗРИ), изд. 1842 г., т. IX, ст. 1474.
21. ПСЗ РИ, собр. 2, т. IX, отд. 1, № 7007, с. 302, 305.
22. По существовавшему в Польско-Литовском государстве до 1764 г. порядку, евреи, принявшие христианство, приобретали потомственное дворянское достоинство. Статут Великого княжества Литовского 1588 года. Мн. 2002—2003; Volumina legum. Przedruk zbioru praw staraniem XX pijarow w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782 wydanego. Т. VII. Petersburg. 1860, s. 39.
23. В январе 1844 г. Казанское дворянское депутатское собрание обратилось в Герольдию при Сенате с просьбой о разъяснении порядка правоприменения указанной статьи «Свода законов»: «Собрание, имея в виду сие законоположение, находит себя в затруднении, должно ли оно требовать от иностранцев, принявших на подданство России присягу, при внесении их в родословную книгу доказательств, что они суть не из евреев?» Рассмотрев запрос Собрания, Герольдия вынесла определение, что подобное требование было бы излишним, поскольку с 1727 г. «иностранцы из евреев не допускаются к переселению в Россию или вступлению в российское подданство». РГИА, ф. 1343, оп. 57, д. 244, л. 1—2об.
24. Там же, ф. 1269, оп. 1, д. 19, л. 2—3, 5—6.
25. Там же, л. 38.
26. Там же, л. 39.
27. ПСЗ РИ, собр. 2, т. XXX, отд. 1, № 29 820, с. 674—675.
28. РГИА, ф. 1269, оп. 1, д. 19, л. 40—41об.
29. Там же, л. 43—43об., 47об.
30. Там же, д. 136, л. 53—53об.
31. Там же, л. 57, 68—73об.
32. Там же, л. 72об.

33. ПСЗ РИ, собр. 2, т. XXXVI, отд. 2, № 37 684, с. 510. На евреев Царства Польского право поступления на государственную службу было распространено лишь в феврале 1866 года. До этого времени проживавшие в польских губерниях лица иудейского исповедания могли занимать только должности врачей при еврейских больницах. На этом основании, Департамент герольдии Сената в апреле 1871 г. отказал главному лекарю Варшавской еврейской больницы, доктору медицины Давиду Розенталю в признании его в потомственном дворянском достоинстве по чину коллежского асессора, полученному им в мае 1845 г., «когда евреи в Царстве Польском не пользовались преимуществами, сопряженными с государственной службой». В дворянском статусе доктор Розенталь был утвержден шесть лет спустя по ордену Св. Владимира 4-й степени, «всемиловитейше пожалованном» ему в 1874 году. РГИА, ф. 1343, оп. 28, д. 2240, л. 14—14об., 18—20, 30, 50—51об.
34. ПСЗ РИ, собр. 2, т. XL, отд. 1, № 42 079, с. 496; т. XLI, отд. 1, № 43 308, с. 554—555.
35. Там же, т. XLII, отд. 1, № 44 195, с. 75.
36. РГИА, ф. 1343, оп. 16, д. 116, л. 38.
37. В период с 1871 по 1886 г. в правах потомственного дворянства Сенатом было утверждено не менее восьми врачей-иудеев. РГИА, ф. 1343, оп. 22, д. 2000; оп. 23, д. 1105, 2286; оп. 26, д. 569, 2940; оп. 28, д. 2240; оп. 30, д. 2531; оп. 34, д. 1427.
38. СЗРИ, изд. 1876 г., т. IX, ст. 1101. Помимо «почетного права», запись в губернские дворянские родословные книги представляла собой исполнение установленной законом обязанности каждого дворянина, как подданного Российской империи, в административно-полицейских и фискальных целях быть причисленным к какому-либо местному сословному обществу. Там же, ст. 126, 127, 202, 1109.
39. РГИА, ф. 1343, оп. 22, д. 2000, л. 20—20об. При этом депутат от дворян Тираспольского уезда остался при особом мнении: «Единственным мотивом неприятия в число дворян Херсонской губернии господина Зильберштейна служит то обстоятельство, что он иудейского вероисповедания. Такое отсутствие веротерпимости в среде дворянского сословия, долженствующего служить примером всем остальным сословиям государства, по моему мнению, ни в каком случае нежелательно». Там же, л. 20об.
40. По изданию «Свода законов Российской империи» 1876 года — статья 1106 тома IX.
41. РГИА, ф. 1343, оп. 22, д. 2000, л. 25.
42. Там же, л. 26—26об.
43. Там же, оп. 34, д. 1427, л. 10, 18—19.
44. Труды губернских комиссий по еврейскому вопросу. Ч. 2. СПб. 1884, с. 242.
45. Там же, с. 648.
46. РГИА, ф. 1343, оп. 36, д. 13 793, л. 1.
47. Там же, л. 9—10. В 1916 г., на волне массовой перемены российскими подданными «немецких» фамилий, император Николай II «всемиловитейше соизволил» разрешить Левенсону с семьей «именоваться по фамилии Левченко». Там же, оп. 43, д. 783, л. 21.
48. Подробнее об этом см.: ПЕТРОВСКИЙ-ШТЕРН Й. Евреи в русской армии: 1827—1914. М. 2003, с. 321—322.
49. С 1889 г. прием евреев в Военно-медицинскую академию и Институт инженеров путей сообщения был полностью прекращен. Сборник законов о евреях с разъяснениями по определениям Правительствующего Сената и циркулярам министерств. СПб. 1904, с. 232.
50. РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 4540, л. 329—330об.
51. Там же, л. 333об.—334об.
52. Оба брата Поляковых имели чин действительного статского советника; Яков Поляков являлся кавалером орденов Св. Анны и Св. Станислава 1-й степени и Св. Владимира 4-й степени; Лазарь Поляков имел ордена Св. Станислава 1-й степени и Св. Владимира 3-й и 4-й степеней. РГИА, ф. 1343, оп. 36, д. 19 791, 19 789.
53. В Сенатском определении по делу о дворянстве Лазаря Полякова в феврале 1897 г. отмечалось: «Если даже допустить, что на принятие просителя в государственную службу последовало, в изъятие из общих законов, особое Высочайшее повеление, то и тогда Лазарь Поляков мог быть определен в оную не иначе, как канцелярским служителем 2-го разряда, и как лицо, не имеющее чина, соответствующего

- занимаемой им должности попечителя Мариинского благотворительного приюта в Москве, должен считаться состоящим в оной лишь “зауряд” и может пользоваться только правом ношения присвоенного помянутой должности мундира». РГИА, ф. 1343, оп. 36, д. 19 791, л. 27об.—28.
54. Там же, д. 19 789, л. 14—15а.
55. Там же, оп. 46, д. 1764, л. 11.
56. Там же, д. 1765.
57. Там же, оп. 35, д. 6615, л. 37—37об.
58. Там же, л. 54, 55—55об.
59. Там же, л. 63об.—64. Ограничительное постановление статьи 1106 в отношении евреев, принявших христианство, было исключено из тома IX «Свода законов Российской империи» издания 1899 г., как имеющее «исключительно историческое значение». Законы о состояниях с разъяснениями, извлеченными из Кодификационной объяснительной записки к Законам о состояниях, изд. 1899 г., указов 1-го, 2-го Департамента и Департамента герольдии Правительствующего Сената [и др.]. СПб. 1911, с. 749.
60. РГИА, ф. 1343, оп. 35, д. 6615, л. 64—64об. Однако в октябре 1899 г. Александр Гринкруг, «ввиду изменившихся домашних обстоятельств», подал в Смоленское дворянское собрание просьбу о прекращении производства по делу и возврате документов, что и было исполнено. Там же, л. 65—65об.
61. Сословие ли наше поместное дворянство? — Новое время. 1899, № 8482, с. 2.
62. Евреи во дворянстве. — Там же. 1899, № 8517, с. 2.
63. Там же.
64. РГИА, ф. 1405, оп. 100, д. 11 411, л. 4.
65. Там же, л. 13—13 об.
66. Там же, л. 14.
67. Там же, ф. 593, оп. 1, д. 101, л. 1.
68. Позднее к участию в работе Особого совещания также были приглашены князя А.Д. Оболенский и А.А. Ливен, граф Н.А. Протасов-Бахметев, а также ряд губернских предводителей дворянства: московский — П.Н. Трубецкой, петербургский — А.Д. Зиновьев, рязанский — Л.М. Муромцев, харьковский — В.А. Капнист и др. РГИА, ф. 1283, оп. 1, 1897, д. 236, л. 74—75.
69. Там же, д. 11, л. 16об.
70. Там же, л. 17.
71. Там же, л. 83—84.
72. Там же, л. 96—97об.; ф. 1149, оп. 13, 1900, д. 51, л. 2об.—6об.
73. Там же, ф. 1149, оп. 13, 1900, д. 51, л. 117об. По действовавшему с 1856 г. порядку, приобретение прав потомственного дворянства на гражданской службе обуславливалось достижением чина действительного статского советника или «соответствующего сему чину IV класса», а на военной — полковника или капитана 1-го ранга. ПСЗ РИ, собр. 2, т. XXXI, отд. 1, № 31 236, с. 1052.
74. Там же, л. 118. По данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., в Российской империи насчитывалось 196 потомственных дворян, указавших еврейский язык в качестве родного. Это составляло 0,016% от общей численности потомственного дворянства — 1 220 169 человек (Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г., т. II, с. 374). При определении численности дворян иудейского исповедания необходимо учитывать то обстоятельство, что еврейский язык в качестве родного могли указывать принявшие христианство евреи, получившие права дворянского «состояния». Кроме того, поскольку дворянский статус по закону сообщался жене, детям и «всем потомкам обою пола» лица, утвержденного в потомственном дворянском достоинстве, то в указанное число, помимо иудеев, непосредственно достигших его на государственной службе, входили члены их семей.
75. РГИА, ф. 1149, оп. 13, 1900, д. 51, л. 118об.
76. Там же.
77. Там же, л. 119—119об.
78. Там же, л. 120—121об.

79. Там же, л. 140. На следующий день отсутствовавший на заседании по болезни адмирал Л.Л. Гейден направил государственному секретарю В.К. Плеве письмо, в котором заявил, что не может присоединиться ни к одному из высказанных мнений, но, «ввиду государственной важности рассматриваемого вопроса», считает «долгом совести» озвучить свою позицию. Последняя заключалась в том, что «евреи, мировоззрение которых не отвечает христианским идеалам, не могут быть полезны на государственной службе, а так как чины и ордена установлены в поощрение государственных заслуг, которых у евреев быть не может, то они и не должны награждаться этими отличиями» (Там же, л. 99—99об.). «Особое» мнение адмирала Гейдена было доложено императору Николаю II вместе с «меморией» Общего собрания Госсовета.
80. ПСЗ РИ, собр. 3, т. XX, отд. 1, № 18 681, с. 551—552.
81. Помимо запрета на внесение евреев в дворянские родословные книги, «высочайший» указ от 28 мая 1900 г. предоставил дворянским депутатским собраниям право отказывать во внесении в родословные книги дворянам, не владевшим недвижимой собственностью в пределах губернии. Там же.
82. РГИА, ф. 1283, оп. 1, 1900, д. 25, л. 75—75об. Количество внесенных в дворянские родословные книги иудеев исчислялось единицами. Помимо упоминавшегося выше Бернарда Абрагамсона, в качестве таковых можно назвать старшего врача Краснинского резервного батальона Авеля Крамника, штатного врача Виленского еврейского учительского института Людвиг Самельсона и отставного врача Виленского губернского правления Менделя Трахтенберга, внесенных в дворянскую родословную книгу Виленской губернии; отставного минского уездного врача Фебуса Каплана, внесенного в родословную книгу Минской губернии, а также банкира и предпринимателя Якова Полякова, внесенного в родословную книгу Области Войска Донского. Там же, ф. 1343, оп. 30, д. 2531; оп. 35, д. 10 543; оп. 36, д. 12 621, 19 789, 22 161.
83. Там же, л. 87—88.
84. ПСЗ РИ, собр. 3, т. XXIV, отд. 1, № 24 703, с. 608.
85. РГИА, ф. 1283, оп. 1, 1900, д. 25, л. 120об.—121.
86. Там же, ф. 1343, оп. 36, д. 19 789, л. 85—86об.
87. В декабре 1892 г. Областное дворянское собрание постановило взыскать с Якова Полякова через Таганрогское полицейское управление недоимки в дворянскую кассу по принадлежащей ему земле. Ранее Поляков ответил на предъявленное ему требование уплаты недоимок отказом на том основании, что «не получил удостоверения Сената на потомственное дворянство». Собрание, однако, не приняло этот аргумент во внимание, заключив, что «от личного желания господина Полякова зависит ходатайство об утверждении в правах потомственного дворянства, но неутверждение его в этих правах не исключает обязанности нести налоги на частные потребности дворянских обществ». РГИА, ф. 1343, оп. 36, д. 19 789, л. 90—91.
88. Там же, ф. 1343, оп. 36, д. 19 789, л. 82б—82боб., 95—97об.

Французская слобода Васильевского острова в Санкт-Петербурге в XVIII в.

А.Н. Андреев, Ю.С. Андреева

Аннотация. В работе рассматриваются процессы становления и развития Французской слободы Васильевского острова в Петербурге, чьи обитатели сыграли выдающуюся роль в развитии градостроительства, архитектуры и искусства России Петровской эпохи. На основе подлинных документов Посольского приказа и Коллегии иностранных дел, а также материалов церковных архивов и опубликованных источников анализируются функции, персональный и социальный состав населения Французской слободы, уточняется ее местоположение. Вводятся в оборот новые сведения о крупнейших деятелях русского искусства, населявших слободу и входивших во французскую католическую общину.

Ключевые слова: французы в Петербурге, Французская слобода, Петербург XVIII в., католики в России.

Abstract. The article focuses on the processes of becoming and development of the French Quarter ("Sloboda") in Vasilyevsky Island, Petersburg, in the 18-th century, whose inhabitants played a prominent role in the development of town planning, architecture and art of the Petrine epoch. On the basis of original documents of the Foreign Ministry (Posolsky prikaz) and the Collegium of Foreign Affaires, various materials of church archives of Saint-Petersburg, as well as the mass of published sources, the authors analyze the personal and social structure of French Quarter, specify its location and determine its functions. This study discovers some new facts about famous persons of Russian art who lived in the "Sloboda" and entered in the Catholic community.

Key words: the French in Petersburg; French Quarter (Settlement); Petersburg in the 18-th century; Catholics in Russia.

История Петербурга, самого «нерусского» города России, тесно связана с деятельностью иностранцев, благодаря которым в считанные

Андреев Александр Николаевич — доктор исторических наук, профессор Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета). Челябинск. E-mail: alxand@yandex.ru; *Андреева Юлия Сергеевна* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета). Челябинск. E-mail: iulyand@yandex.ru.

Andreev Alexander N. — doctor of historical sciences, professor of the South Ural State University (National Research University). Chelyabinsk. E-mail: alxand@yandex.ru; *Andreeva Yulia S.* — candidate of historical sciences, senior researcher of the South Ural State University (National Research University). Chelyabinsk. E-mail: iulyand@yandex.ru.

годы при Петре I изменились формы традиционной русской культуры не только в столице, но и в провинции. Город на Неве самым его основателем мыслился как эпицентр российской модернизации, главным содержанием которой выступали европеизационные инициативы, осуществляемые при помощи иноземных специалистов. Последние были представлены людьми разных национальностей и вероисповеданий, причем и то, и другое в их собственных глазах оставалось важным и определяло характер их участия в жизни российского общества. В полной мере это относится к петербургским французам, много способствовавшим развитию художественной культуры России и ее технологическому «прорыву» в XVIII веке.

Французы обосновались на берегах Невы сразу же после закладки крепости на Заячьем острове, однако поначалу их число было невелико. В первые годы XVIII в. среди иноземных жителей Петербурга они составляли очень малый процент, численно уступая не только немцам, финнам или шведам, но и голландцам, и даже итальянцам. Метрические записи о крещениях петербургских католиков за 1710—1715 гг. почти не упоминают имен французоз, зато в большом количестве фиксируют среди прихожан немцев, итальянцев и поляков¹. Оснований утверждать, что первые французоз в городе были массово представлены протестантами, тоже нет: гугенотская община стала складываться только в 1720-е гг. и оставалась весьма малочисленной (примерно 40—50 чел.) в течение всего столетия². Хотя отдельные протестанты-французоз, конечно, находились в городе с момента его возникновения, наряду с немцами и голландцами они посещали симультанную кирку во дворе дома вице-адмирала К. Крюйса³. Доля французоз среди жителей Петербурга заметно возросла во втором десятилетии XVIII в. в связи с приглашением из Франции искусных мастеров и декораторов для строительства и украшения Петровского «парадиза». Тогда, по выражению современного историка, целый «французский десант» разместился на Васильевском острове, образовав Французскую слободу⁴. О слободе упоминали многие авторы, так как ее обитатели сыграли выдающуюся роль в развитии градостроительства, архитектуры и искусства Петровской эпохи. Тем не менее, Французская слобода еще ни разу не становилась предметом детальной исторической реконструкции. Исследование процесса ее становления, состава и функциональной специфики по-прежнему актуально.

Начало формированию слободы было положено в 1716 г., когда царь Пётр утвердил план застройки Васильевского острова и выразил намерение поселить на нем выписанных из Франции и Германии ремесленников⁵. Еще в декабре 1714 г. царь вознамерился нанять во Французском королевстве «елико возможно больше умелых мастеров всех ремесел»⁶, а уже в марте 1715 г. с этой целью в Париж был направлен царский камер-юнкер и коммерции советник Иван (Жан) Лефорт, будущий русский агент во Франции⁷. Итогом его деятельности, наряду с принятием на службу скульптора и архитектора Бартоломео Карло Растрелли (уроженца Флоренции, много лет работавшего в Париже⁸), стала контрактация ряда специалистов французской национальности: литейщика Антуана Левалье, художника Людовика Каравака, резчика и столяра Жака Леблана и архитектурного гезеля Жака

Лежандра⁹. Они прибыли в Петербург вместе с Растрелли 24 марта 1716 г.¹⁰ и, наряду со знатным флорентинцем, стали первыми обитателями Французской слободы.

Обустройство нанятых специалистов было возложено на кн. А.Д. Меншикова, которому Пётр I написал из Кенигсберга после встречи с Растрелли, призывая оказать последнему «с товарищи» всяческое содействие¹¹. Растрелли, прибывший с сыновьями Франческо (будущим архитектором) и Филиппом, был поселен в казенном доме за дворцом Меншикова, повелевшего «для лучшего надзирания квартиру им отвести близ себя на Васильевском острове»¹². С этого дома и начала свое существование Французская слобода, которая на так называемой «гравюре Полибина», представлявшей план города 1716 г., уже была зафиксирована как «Новая улица механиков и архитекторов»¹³.

Непосредственная организация работы пресловутых «механиков и архитекторов» стала обязанностью французского инженера и зодчего Ж.-Б. Леблона (1679—1719), специально приглашенного в Петербург для руководства городским строительством. «Генерал-архитектор» Леблон, прибывший на невские берега 14 августа 1716 г., сыграл главную роль в образовании французского землячества и, соответственно, в развитии слободы на Васильевском острове. Еще в феврале-мае 1716 г., находясь в Париже, он заключил контракты с шестнадцатью ремесленниками, которые затем были «призваны в службу его царского величества», под начало Леблона. Это были опытные и талантливые мастера: «машинист» (механик) и «фонтанных дел мастер» Жирард Свалем (Суалем), «рещик палатных уборов» Никола Пино, строитель и «кондуктор» Шарль Тапа, «каменной обчертитель и рещик» Эдам Бурма (Бурмон), «подмастерье в каменном обсеченье» Франц Бателиер (Бателье), подмастерье того же профиля Антон Кардасьер (Кандастер), столяр Жан Мишель (Иван Михель), слесарь Вилим Белин (Белен), плотник Шарль Леклерк, «полировщик на меди» Жан де Сен-Манж (Иван Ноазет Сантманж), литейный мастер Стефан Соваж (Степан, Этьен Саваж), «шпалерник богатых шпалер большой руки» Иван Яков (Жан-Жак) Гошер, шпалерники Людовик Вавок, Жан-Батист Бурден (Иван Бабтист Бурдин), Петр Гринно (Гриньон) и Петр Каму (Камус)¹⁴. Большинство из них приехали в Петербург вместе с Леблоном в августе 1716 г., некоторые чуть позже — в первой половине 1717 г. (например, Сен-Манж и Пьер Каму¹⁵). В июне 1717 г. к ним добавилась семья Бегабль («гобеленовый мастер» Филипп Бегабль с подмастерьями — сыном Филиппом и племянником Людовиком), красильщики шерсти Клод Мариель и Габриель Рено с сыном¹⁶, а также другие специалисты общим числом 17 человек¹⁷. Некоторые привезли с собой слуг, родственников и знакомых для «пособления в работе»: сам Леблон прибыл в Россию с женой Марией Маргаритой Левюкс, сыном шести лет, племянницей Катериной Гуэт, двумя лакеями и служанкой¹⁸; Жерар Суалем — с племянником Пьером; Пино — со всей своей семьей и подмастерьями Николя Пераром и Бартеlemi Симоном, на родной сестре которого он был женат; Пьер Каму вывез в Россию целую группу ткачей — брата Филиппа, своего сына Франсуа, а также подмастерьев¹⁹. Вместе с упомянутыми товарищами Растрелли все

эти лица (более 40 чел.) составили первоначальное ядро Французской слободы.

Обосновавшись в Петербурге, Леблон очень скоро столкнулся с дефицитом рабочих кадров, знакомых с новыми европейскими приемами строительства и технологиями ремесла. В связи с этим Пётр I распорядился принять новых иностранных специалистов и даже лично занялся вербовкой и отправкой их очередной партии на берега Невы. В июне 1717 г. царь находился во Франции и в восхищении от работы парижских мануфактур пожелал «художества французские перенести в Россию»²⁰. В результате энергичных действий царя, Лефорта и Леблona летом 1717 г. было контрактовано большое число мастеров, на порядок увеличивших французскую диаспору Петербурга. Своему министру в Дании кн. Долгорукову Пётр I писал по данному поводу: «Велели Мы отправить из французской пристани Гаврде-Грас один наш гукор²¹ в Петербург, на котором будет мастеровых людей человек со сто и больше»²². Далее из письма следует, что Долгоруков должен был по прибытии мастеров в Копенгаген обеспечить их провиантом на месяц предстоящего пути. Это был обычный срок, за который в условиях военного времени корабль из Дании мог достичь невской гавани. По некоторым сведениям, французские мастера отчалили от родных берегов 9 июня 1717 г., в день выезда царя из Парижа²³, но от Гавра до Копенгагена им предстоял тоже неблизкий путь, поэтому добирались они, скорее всего, больше месяца. В пункт назначения они прибыли в конце лета или начале осени: французский консул Генрих де Лави в донесении своему министерству 3 августа (н. ст.) 1717 г. писал, что, по слухам, прибытие в Петербург «французской колонии из 200 семейств» еще только ожидается²⁴.

Персональный состав разросшейся Французской слободы может быть выявлен благодаря сохранившемуся списку прибывших на «гукоре» рабочих — «Генеральному реестру персонам, которые отъезжают в Санкт-Петербурх», датированному 28 сентября 1717 года²⁵. Согласно этому документу, в Петербург прибыли 117 чел. французской национальности, среди которых значились хирург, слесари для фонтанного дела и «каретных пружин», столяры, литейщики, позолотчики, шпалерные мастера и живописцы, часовщики и ювелиры, чеканщики, гранильщики, скульпторы, резчики, чулочники, «позументщики» и представители иных профессий, многие из которых приехали с семьями. Их поименный список (полностью еще не опубликованный) занял бы слишком много места, поэтому назовем лишь самых ярких мастеров — слесарей Бартеlemi Эро (Герот, Гирот) (Barthálámy Herot), Клода Жандара (Claude Gender) и Жоржа Деллафоша (George Delafauche), литейщика (доменного мастера) Франсуа-Паскаля Вассу (François-Pascal Vassou), живописца Филиппа Пилемана (Пильман, Пилемант) (Philippe Pillement), шпалерного мастера «для мебели» Жана Рошебо (Рушбот, Рожбарт) (Jean Rochebot), а также его коллег Тома Рупеля (Thomas Roupel) и Клода Деламара (Claude Delamarre), скульптора-резчика Шарля Руста (Charles Ruste), позолотчика Никола Пилона (Nicolas Pillon), гравера Никола Туро (Nicolas Tourot). Наряду с ранее прибывшими соотечественниками они трудились над созданием убранства царских дворцов и загородных резиденций, садов и парков, церквей и аристократических особняков, на-

лаживали работу шпалерной мануфактуры и учили своему мастерству русских людей.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди контрактованных рабочих числились женщины, нанятые «от себя», — «портная мастерица» Мария-Маргарита Моро (Marie-Marguerite Moreau), модистка Мария-Елизавета де Вилье (девица Девилиер) (Marie-Elisabeth de Villiers), нанятая «в службу госпоже Волковой», а также модистки Шарлотта Леруа (Charlotte Leroy) и ее дочь Франсуаза, прибывшие «в службу госпожи Макаровой». Вместе с ними на том же «гукоре» летом 1717 г. в Петербург отправились жены французских мастеров «первой волны», решивших осесть в России, а именно: г-жа Растрелли (Анна-Мария?), супруга Бартоломео Карло, со служанкой и двумя детьми, жена скорняка Прели, жена красильщика Рено с дочерью и «двумя робятками», жена литейщика Соважа с тремя детьми, супруга слесаря Белена с ребенком. Всю эту большую группу французских рабочих и их семей сопровождали проводники-офицеры Шевалье и Жилье, а также католический священник о. Бернарден Кайо, францисканец-кордельер ²⁶.

Таким образом, к осени 1717 г. слобода значительно разрослась, хотя очевидно, что упоминавший о прибывающих из Франции «двухстах семействах» консул Лави несколько завысил цифры. Если вычесть проводников и дам, ехавших в услужение в частные дома, то французская колония должна была пополниться 112 лицами, а без учета несовершеннолетних детей (детей мастеров, упоминаемых как помощников в работе, считаем взрослыми), — 94 новыми членами. Вместе с уже проживавшими в Петербурге выходцами из Франции слобода к концу 1717 г. должна была состоять не менее чем из 130 взрослых человек обоего пола. Конечно, этот состав не был постоянным: мастеров периодически отправляли в Петергоф, Стрельну, другие города (например, Ж. Суалем вскоре после прибытия был отправлен в Ревель, затем с 1718 г. трудился в Петергофе и только в 1721 г. вновь обосновался в Петербурге ²⁷; «кондуктор» Ш. Тапа до августа 1718 г. работал в Стрельне ²⁸); но в течение 1717—1718 гг. слобода продолжала пополняться отдельными специалистами, среди которых были садовый мастер Годо (Гдо), позолотчик Пу, ювелир Ломбар, каменщик Бурбон и другие ²⁹. Многие мастеровые через Леблону только готовились заключить контракты ³⁰, то есть слобода, несмотря на миграции, продолжала расти, превращаясь в населенный район новой столицы. Некоторых, впрочем, увольняли и отправляли на родину — так, в декабре 1717 г. за дурное поведение было отказано в службе 25 мастеровым, однако в январе 1718 г. в общине французских ремесленников ожидалось новое пополнение. Вслед за маститыми мастерами, нанятыми казной, в столицу России потянулись французские рабочие, надеявшиеся получить службу на месте. Как правило, жили они плохо, устроиться на высокооплачиваемую работу не могли, и их настоящее число не знал даже французский консул ³¹.

Первые дома Французской слободы располагались в начале современных 2-й и 3-й линий Васильевского острова ³². Они были построены на казенные средства генерал-губернатором Меншиковым специально для размещения французских мастеров и техников по типовому проекту. Светлейший докладывал царю, что по прибытии

французских «художников», были «даны им квартиры в его (княжеском. — А.А., Ю.А.) доме, а когда поспели строившиеся для них особые дома, тогда в оные переведены»³³. Внешний вид построек запечатлен на известной гравюре Н.Ф. Челнакова «Французская слобода», помещенной в первом издании описания Петербурга А.И. Богданова³⁴. Судя по этому иконографическому источнику, незатейливые одноэтажные дома с двумя печами располагались в две линии. Сохранилось описание первоначального устройства Французской слободы в «Реестре французам-иноземцам, которые имеют квартиры в новопостроенных домах на Васильевском острове и что в тех домах комор и оных людей», составленном во второй половине 1717 года³⁵. Согласно реестру, дома шли в две линии по 16 в каждой, причем первые два дома обеих линий имели по четыре комнаты («каморы»), все остальные — только по две. В первой линии проживали: шпалерный мастер Филипп Бегабль, литейщик Вассу, «решик медной Семанж» (Сен-Манж), красильщик Рено и другие. Во второй линии нашли пристанище самые знаменитые французы Петровской эпохи — «решик Пиноу (Пино) с своею фамилиею» (в четырехкомнатном доме № 2), «решик Симон, которой правления Пиноута» (№ 3), живописец Каравак (в доме № 4), а также шпалерники Каму, живописец Пилеман и ряд других. Далеко не все прибывшие на «гукоре» в Петербург французы были перечислены в этом документе среди жильцов Французской слободы (или, как ее еще именовали, Французской улицы) — без учета детей, слуг и учеников в обеих линиях проживали 75 человек. Очевидно, что реестр не всегда учитывал жен и детей (Рено, Соваж, Каравак и другие жили в Петербурге со своими семьями, но их супруги не отмечены среди жителей «французских» домов). Вероятно, часть ремесленников еще продолжала обитать по соседству, в постройках дворцового хозяйства князя Меншикова. На Васильевском острове в это время имелись и другие жилые здания, в которых также могли селиться французы и иные выходцы из Европы. Наконец, часть специалистов постепенно расселялась по другим районам и покидала слободу. Б.К. Растрелли после приезда в Петербург жены с малолетними детьми в том же 1717 г. переехал во дворец покойной царицы Марфы Матвеевны на 1-ую Береговую (будущую Шпалерную) улицу³⁶. В этом же доме (дворец именовался еще домом Ф.М. Апраксина, поскольку после кончины царицы в нем какое-то время проживал петровский генерал-адмирал) располагались шпалерные мастерские, куда в 1719 г. были переведены некоторые мастера³⁷. Немало ремесленников-французов можно было обнаружить и на Адмиралтейской стороне³⁸.

Сколько при этом французов и других иностранцев постоянно находилось в самой слободе за весь период ее существования, определить трудно, потому что в нашем распоряжении нет источников, которые позволили бы отследить перемещения всех принятых на царскую службу специалистов (не говоря уже о мастерах, нанимавшихся к частным лицам). Сохранившийся перечень жителей «французских» домов и «генеральный реестр персонам» дают основание предположить, что в слободе постоянно проживало порядка 70—100 человек. Исключая учеников (они, как правило, были русскими), переводчиков и некоего шведского арестанта с супругой, можно сделать вывод,

что обитатели слободы были как минимум на 88 % французами. Из представителей других национальностей, представленных в документах поименно, в домах Французской слободы находим только трех человек — комиссара князя Елецкого и «золотого мастера» немца Ефрема Штернфорта с матерью ³⁹.

В слободе французы не только жили, но и работали, создав неподалеку свои мастерские — литейные, кузнечные, слесарные и иные ⁴⁰. Работали они на царя и его двор ⁴¹, имели налоговые льготы ⁴² и должны были получать немалые оклады (подмастерьям по контракту полагалось выплачивать 240 руб. в год, мастерам — от 300 до 2000 рублей ⁴³). Впрочем, жалованье им по российскому обыкновению задерживали, к тому же еще и старались снизить вопреки условиям контрактов ⁴⁴. Тем не менее, вряд ли следует безоговорочно доверять сведениям, поступавшим от консула де Лави, который писал своему правительству, что многие мастера в Петербурге не нашли себе применения и живут в нищете ⁴⁵. Из его депеш следует, что в первую очередь плохо жилось неконтрактным рабочим, самовольно и даже под чужими именами покинувшим Францию, которых в России никто не ждал, а также тем мастерам, кто был уволен за проступки ⁴⁶. Квалифицированные же специалисты, нанятые Лефортом, брошенными себя не чувствовали. Пётр I постоянно интересовался их работой, да и вообще любил посещать «островок Франции» на невских берегах. Так, 23 ноября 1717 г. царь и его приближенные после фейерверка «изволили ездить на линиях по Французской и другим слободам часа з два», 23 сентября 1718 г. царь вместе с Меншиковым «купно отъехали в Французскую слободу, где изволили смотреть работы»; аналогичную поездку царь предпринял со «светлейшим» и 19 ноября 1718 года ⁴⁷.

Рассмотрев персональный и социальный состав слободы в ранний период ее истории, обратим внимание на ее важнейшее качество, до сих пор мало интересовавшее исследователей прошлого. Французская слобода изначально мыслилась не только в качестве своеобразного «технологического парка», сосредоточившего в лице своих обитателей европейские искусства и высокотехнологичные ремесла, но и как конфессиональное объединение католиков преимущественно французской нации. Еще в 1716 г. Пётр I поручил Леблону составить план застройки Петербурга, и архитектор намеревался «сохранить принцип поселения каждой национальности в отведенном для нее месте», причем «основополагающее значение для него имела общность вероисповедания» ⁴⁸. Эти принципы были реализованы во «французском квартале», тем более что сами французы рассчитывали на эффективную организацию своей религиозной жизни, требуя, чтобы тексты заключаемых контрактов отдельными пунктами гарантировали им свободу вероисповедания ⁴⁹.

Французские мастера «первой волны» в большинстве своем были католиками: их имена находим в метрической книге петербургского костела среди прихожан (Никола Пино и его супругу Марианну Гийом-Симон, жену «генерал-архитектора» Леблона Марию, Шарля Тапа и др. мастеров) ⁵⁰. Приплывшие затем на «гукоре» рабочие тоже были католиками — неслучайно в их группе числился францисканец Пьер Кайо и отсутствовал пастор. Среди нескольких десятков известных

нам имен членов реформатских общин Петербурга в первой трети XVIII в. не находим ни одного человека из тех, что отмечены в реестре 1717 года ⁵¹. Зато они массово зафиксированы в метриках костела ⁵². Если среди жителей слободы и были отдельные протестанты, они составляли незначительное меньшинство. В конфессиональном отношении Французская слобода была достаточно однородной, что и позволило ей функционировать в качестве религиозной общины.

Жители Французской слободы, как и французы других районов Петербурга, входили в многонациональный католический приход с церковью на Греческой улице в Греческой слободе. Между тем, французская община сразу же по прибытии мастеров превратилась в автономную структуру в составе прихода. У французов появились свои церковные старосты и попечители — граф Б.К. Растрелли (будучи итальянцем, он считался «своим» среди французов), Н. Пино и Л. Каравак ⁵³. Наибольшим авторитетом обладал Растрелли, взявший на себя заботу об организации религиозной жизни французов. Пребывание итальянца на посту старосты у французов не должно вызывать удивления: Растрелли за годы работы в Париже познакомился со многими мастерами, ощущал себя частью культурного мира Франции, да и был контрактован во многом благодаря тому, что являлся придворным королевским скульптором. Среди безродных французских ремесленников граф Растрелли не мог не занимать исключительного положения. Не мог он так же проявить равнодушие в вопросе религиозного окормления единоверцев, так как своим графским титулом был обязан папскому престолу и должен был служить интересам «священных палат и латеранского двора» ⁵⁴. Именно в квартире Растрелли (в помещениях бывшего дворца царицы Марфы Матвеевны) по своем прибытии поселился францисканец Кайо, фигурирующий под именем «патера Колдимера из Парижа» ⁵⁵. Здесь, вдали от Васильевского острова, независимый от духовенства костела Греческой улицы, Кайо окормлял жителей Французской слободы ⁵⁶ — факт, который еще раз подтверждает, что слобода была не только территориальным, но и конфессиональным образованием. Очевидно, что работники шпалерной мануфактуры оставались тесно связанными со слободой даже в то время, когда они не жили на Васильевском острове.

Таким образом, в квартире Растрелли возникла первая французская католическая капелла (часовня). Консул Лави упоминал, что она располагалась «близ мануфактуры» (в доме, где жил Растрелли, размещалось присутствие мануфактур-коллегии, а рядом находился мануфактурный двор). Вскоре в самой Французской слободе на Васильевском острове появилась еще одна часовня (главная «каплица») для французов, впервые упомянутая в апреле 1720 г. в донесении Лави ⁵⁷. Благодаря этому документу мы знаем, что у петербургских французов в 1720-х гг. функционировали две часовни. В василеостровской капелле службы проводились каждое воскресенье все тем же Кайо, который успевал окормлять католиков в обеих часовнях ⁵⁸. Позднее воскресные мессы на Васильевском острове стал осуществлять францисканский супериор Яков Деолегио (Джакомо Доледжио) ⁵⁹, прибывший в Петербург летом 1720 г. для служения в главной церкви города, но вытесненный из нее братьями-капуцинами ⁶⁰ Часть французов при этом продолжала посещать службы Кайо в доме Рас-

трелли. В 1724 г., после того как Деолегио возглавил церковь Греческой слободы, Пьер Кайо снова занял место постоянного священника в капелле Французской улицы, что следует из прошения французов, писавших императору о «пасторе Петре Каилоте от особой их капеллы или избы, которая, слышно, что есть, и он, Кайлот, в ней уже служит»⁶¹. Где именно располагалась василеостровская капелла, нам неизвестно. Возможно, она находилась во дворе дома Д. Трезини во 2-й линии Васильевского острова, однако существует версия, что часовня располагалась в доме Н. Пино⁶².

Несмотря на наличие собственных помещений культового назначения, жители Французской слободы активно посещали единственную на тот момент в Петербурге католическую церковь на Греческой улице. Они активно участвовали в ее обустройстве и украшении: Ж.-Б. Ноли изготовил штофные ризы и другие алтарные принадлежности, жена Пино, умирая, завещала церкви жемчуг и кружева⁶³. Обряды, совершенные в общине французов на Васильевском острове, находили отражение в общей метрической книге костела Греческой слободы, что говорит о сохранении крепких связей с приходской церковью и ее духовенством — Деолегио и его товарищами. В то же время очевидна и автономия французской общины, так как для обрядов французов (в частности, венчаний), совершенных в костеле Греческой слободы, требовалось обязательное оглашение в василеостровской капелле, «которая одна имеет право делать такие оглашения для французской колонии»⁶⁴.

Французская католическая община, в которую входили, главным образом, обитатели одноименной слободы, в 1717—1718 гг. являлась весьма крупной в составе латинского прихода. На тот момент она по численности уступала только немецкой. По скромным (и, конечно, примерным) подсчетам из 700 католиков, проживавших тогда в Петербурге, 130 были взрослыми французами (это следует из процентного соотношения числа крещений: в первой половине XVIII в. на французов приходилось 18,47 % крещений, а на немцев — 28,22 %⁶⁵). Также французская католическая община имела важную особенность — в отличие от других национальных групп католиков, где преобладали холостяки, она состояла преимущественно из семейных пар с детьми.

Расцвет Французской слободы пришелся на конец 1710-х и начало 1720-х годов. В последние два года царствования Петра I стали появляться признаки ее деградации: по истечении контрактов (чаще всего заключенных на пять лет) французы покидали Россию, показавшуюся им не столь гостеприимной, как они ожидали. Для нормальной работы им часто не хватало материалов и оборудования, жалованье нередко задерживалось. Некоторых увольняли за халатное отношение к труду — как, например, Петра Камуса и его сына, отправленных во Францию в декабре 1723 года⁶⁶. В итоге к началу 1726 г. французская католическая община состояла уже только из 43 лиц мужского пола, среди которых, помимо контрактеров, были бывший консул Лави и царский камер-юнкер граф Лануа⁶⁷. Тем не менее, слобода продолжала выполнять свои основные функции землячества и центра национальной религии: ученый-ботаник П. Дешизо в 1726 г. писал о Васильевском острове, что это «как бы квартал французов по их прибытии в Петербург»⁶⁸. Оставшиеся мастера были необходимы

для работ на шпалерной мануфактуре и особенно в строящемся Петергофе. Понимая это, французы требовали повысить оклады и улучшить бытовые условия⁶⁹. Правительство в ряде случаев было вынуждено идти им навстречу. Например, 18 июля 1722 г. Л. Караваку был отдан в собственность «двор с деревянным строением, что на Васильевском острове во Французской улице, в котором он жил»⁷⁰, а в 1724 г. с ним был заключен новый контракт с повышением оклада в два раза (до 1000 рублей)⁷¹.

Глубокий кризис охватил католическую общину и слободу Васильевского острова в 1726 году. Упадок был связан с высылкой о. Петра Кайо из России, инициированной французским министром Ж. Кампредоном, обвинившим священника в «дебоширствах, драках, богохульствах и дерзких речах»⁷². Кампредон докладывал императрице Екатерине I о дурном поведении монаха и чуть ли не ежедневно устраиваемых им скандалах. Кайо, действительно, был замечен в предосудительных поступках (своими буйствами он запомнился еще Петру I). Дурные стороны характера этого священника очевидны из описания конфликта, произошедшего 24 апреля 1720 г. в василеостровской капелле между Луи Каравакком и Кайо: отец-кордельер в дерзких выражениях обвинял придворного живописца в том, что тот разными работами «отвлекал прихожан от говения и причащения»⁷³. Кайо грозил художнику отлучением от Церкви, не признал его брак с девицей Маргаритой Симон, поскольку венчание производил не он, а другой священник. Еще в июне 1725 г. Екатерина I в ответ на представление посла «его христианнейшего величества» распорядилась выслать Кайо из России. Мастерские французы во главе с бывшим консулом и комиссаром Лави попытались отстоять своего священника, обратившись в Коллегию иностранных дел. В челобитной они писали: «... повторяем сим доношением, что помянутой пастор патер Кайло нам весьма потребен и что мы готовы за него поручиться и его выручить, ежели он в чем виновен, а сие по требованию; но понеже мы весьма обнадежены, что он человек правдивый, ревнительный, любовный и прилежный в своем пасторском чине, мы хотим ево всегда против клеветников ево оправдать»⁷⁴. Впрочем, это не помогло: в 1726 г. Кайо все же был выслан⁷⁵, и указаний на существование французской «каплицы» на Васильевском острове больше не встречается. Какое-то время французы еще посещали богослужения в доме Растрелли на современной Шпалерной улице: в октябре 1727 г. чиновники Канцелярии от строений, в ведомстве которой находились мастерские, докладывали Верховному тайному совету, что Растрелли занимает большую казенную квартиру, «а именно жилых девять камор, в которых не токмо имеет себе и при нем обретающимся довольное пребывание, но и кирка католическая в той его квартире имеется»⁷⁶.

Кризис слободы усугубился со вступлением на престол императора Петра II, при котором резко сократились объемы строительства в Петербурге, и многие французы были уволены. В январе 1728 г. был дан «абшид» Пино и Симону, уехавшим после этого в Париж⁷⁷. Тогда же французская католическая община перестала собираться в отдельном месте, и ее члены наравне с другими католиками стали слушать мессы в костеле Греческой слободы, где и причащались. В мет-

риках конца 1720-х гг. встречается упоминания о парикмахере Приё, ювелирах Дооме и Граверо, живописце Караваке и других «слобожанах»⁷⁸. Луи Каравак до конца своих дней (ум. в 1754 г.) оставался влиятельным членом католического общества, как и гранильщик Бенуа Граверо, видный и богатый прихожанин. Именно Граверо после знаменитого пожара 1737 г., уничтожившего костел Греческой слободы, предоставил приют духовенству в своем доме на Большой Морской улице и даже намеревался продать свой двор для постройки новой католической церкви⁷⁹.

Сложно сказать, когда именно Французская слобода утратила функции землячества, центра ремесла и средоточия религиозной жизни французов. При преемниках Петра I они быстро расселились по другим районам города, а обозначение «Французская слобода» стало лишь топонимом. Судя по личным наблюдениям историка Г.Ф. Миллера, к началу 1770-х гг. этот процесс уже полностью завершился. Ученый в это время так писал о французах на Васильевском острове: «Сии (французы в 1716 г. — А.А., Ю.А.) поселились во второй и третьей линии особливою слободою, пока они по разным местам и командам, где в них обходилась надобность, распределены не были»⁸⁰. Однако в течение всего XVIII столетия район первых линий петербуржцы по старой памяти именовали «французскою слободкою»⁸¹, хотя на плане города 1738 г. среди перечисленных слобод Французская уже не значилась⁸².

Представления о слободе не будут полными, если не попытаться охарактеризовать духовную атмосферу, царившую среди ее обитателей. К сожалению, она не всегда отличалась дружелюбием, взаимной поддержкой, осознанием единства корпоративных и религиозных интересов. Наряду с крепкими родственными и родственно-духовными связями (французы часто выступали в роли крестных для детей друг друга) обнаруживаем серьезные межличностные конфликты, вызванные как конкуренцией в области ремесел, так и бытовыми причинами. Уже в конце 1716 г. у некоторых жителей слободы (Расстрелли, Пино и др.) сложились напряженно-неприятные отношения с их шефом — «генерал-архитектором» Леблоном⁸³. Пино был к тому же на «ножах» со своим подмастерьем Пераром, конфликтовал с Соважем, Вавоком и другими мастерами, которые, по свидетельству прославленного резчика, «непрестанно пребывают в ссоре между собою и рубятца шпагами». В августе 1717 г. Пино жаловался Меншикову на Соважа и Перара, будто бы они его многожды «бесщестили» разными поносительными словами, ругали также его супругу «аки самую нечестную и бездельную жену», нападали на него пьяными, а Перар даже грозил «заколоть ножом мастерским»⁸⁴. В сентябре того же года Генрих Лави писал по этому поводу: «несколько дней тому назад арестовали и заковали одного француза, который в пьяном виде явился в дом другого француза и напал на него со шпагой в руках; но так как наши соотечественники просили меня ходатайствовать о нем перед князем Меншиковым, то, по моей просьбе, его простили и освободили»⁸⁵. В 1723 г. к каторжным работам за убийство был приговорен слесарь Гийом Белен, и только заступничество вельмож спасло его от каторги⁸⁶. Подобные обстоятельства, как и отмеченные выше столкновения между Караваком и о. Кайо, а также «дурное» поведе-

ние ряда французских рабочих, стали дополнительным фактором эрозии французской общины, которая, при всем своем социальном и культурном значении, так и не смогла превратиться в крепко спаянное единое целое. Не только капеллан Кайо, но и его пасомые иногда пускались во все тяжкие. Примером служит образ жизни «кроватьного мастера» Жана Рошебо (Ивана Рожбарта), который издевался над нанятой им же русской мастерицей-золотошвейкой Матреной, не платил ей из жадности денег, бил ее «кулаками и пинками смертно»⁸⁷.

В течение ряда лет (с 1716 и как минимум по 1726 г.) Французская слобода в Петербурге являлась местом компактного проживания выходцев из Франции, средоточием «авантажных» ремесел и, что особенно важно, духовным центром французской колонии. При этом она не была первым и единственным в России социокультурным и территориальным образованием, состоявшим из «служилых иноземцев». Ей предшествовали московские Иноземные слободы, наиболее изученной из которых остается Ново-иноземная (Немецкая) слобода на Яузе. Однако Французская слобода Петербурга качественно отличалась от московской и всех прочих, поскольку имела совершенно иной характер генеза. Она изначально мыслилась и проектировалась русским царем как центр «галантного» ремесла, создавалась специально для перенесения художественных идей и технологий, причем именно из Франции, которая к началу XVIII в. воспринималась в качестве главного культурного центра Европы, источника модных тенденций и новых эстетических веяний. Немецкая слобода Москвы хоть и включала в себя людей разных профессий и национальностей, не имела сугубо художественно-ремесленной спецификации и, уж конечно, не являлась авангардом моды. Ритм ее жизни в период расцвета (вторая половина XVII столетия) задавался в большей степени иноземными служащими полков «нового строя», купцами и придворными медиками. В плане состава жителей московские иноземные слободы формировались в течение многих десятилетий, причем это был в достаточной мере стихийный процесс. Французская же слобода в Петербурге, повинувшись воле Петра, сразу же превратилась в один из стержневых образований российской европеизации. В первое десятилетие XVIII в. основной поток мастеров из стран Западной и Центральной Европы шел в Москву, так что к концу 1720-х гг. ремесленники составляли самую многочисленную категорию жителей Немецкой слободы на Яузе⁸⁸. Однако это были ремесленники, работавшие по частным заказам, то есть на потребу «городового населения». Французская слобода северной столицы, как было показано выше, состояла преимущественно из нанятых на государственную службу специалистов, трудившихся на царя и его двор. Ее обитатели не ощущали отчуждения от остального местного населения. Она была лишена тех черт, которые, по мнению историка Е.В. Анисимова, роднили Немецкие слободы Москвы, Архангельска и иных городов с гетто⁸⁹.

В Петербурге тоже была своя Немецкая слобода, но она тем более не обладала той функциональной спецификой, которая налицо у слободы Французской. Понятие «Немецкая слобода» в Петербурге являлось топонимом, служащим для обозначения места (или даже нескольких мест) проживания иноземцев, причем не только немцев, но и поляков, финнов, шведов, итальянцев, венгров, греков, сербов

и представителей других народов, занятых слишком различными видами труда, чтобы можно было говорить об их сосредоточенности на художествах и технологиях ремесла. В состав Немецкой слободы Адмиралтейского острова включают и Греческую слободу, что свидетельствует о том, что под «немцами» в данном случае продолжали понимать всех иноземцев вообще. Таким образом, ни московская Немецкая слобода, ни Немецкая слобода Петербурга вкуче с Греческой в первой четверти XVIII столетия не являлись тем отточенным и специально подобранным инструментом, с помощью которого Пётр I намеревался ваять из неподатливого материала новую европейскую державу. Эти образования выступали важным, но скорее вспомогательным средством развития России по европейскому пути. Поэтому справедливо рассматривать Французскую слободу в качестве крупного очага Петровской модернизации, а ее формирование интерпретировать как создание площадки для проникновения европейской «современности». Слобода выступала значимым социокультурным образованием новой столицы — в первую очередь конфессиональным объединением католиков-французов, не ограниченным линиями Васильевского острова. Хотя население острова и составляло ядро французской католической общины при Петре I, а также при его ближайших преемниках, со слободой были тесно связаны французы и других районов города. Их имена вместе с именами слобожан навсегда вписаны в историю русского (и не только) искусства. Это и знаменитые Ж.-Б. Леблон, Л. Каравак, Н. Пино, и мастера, не столь известные обывателю, но прекрасно знакомые специалистам, — П. Каму, Ф.-П. Вассу, Ф. Пилеман, Ж. Рошебо. Функциональная специфика Французской слободы, трактуемой не только в качестве городского района, но и в качестве землячества, обеспечила этим мастерам необходимую для работы в России социальную и культурную адаптацию, а значит, выступила фактором культурной и промышленной модернизации нашей страны. Организация вероисповедной жизни французов, которой уделяли большое внимание и российские власти, и сами контрактеры, стала необходимым условием трансляции европейских идей и внедрения новых технологий. Она позволила высококлассным специалистам и художникам дольше оставаться в России, а некоторым из них дала возможность обрести здесь новую родину.

Примечания

Статья выполнена при поддержке Правительства РФ (Постановление № 211 от 16.03.2013 г.), соглашение № 02.А03.21.0011.

1. В частности, метрическая книга упоминает некоего Н. Прошета (N. Prochett), дочь которого была крещена 9 ноября 1712 года. См.: Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.), ф. 347, оп. 1, д. 31, л. 1—3.
2. АЛАКШИН А.Э. Протестантские общины в Петербурге в XVIII в. Челябинск. 2006, с. 152, 160.
3. РЖЕУЦКИЙ В.С. Французская колония в Санкт-Петербурге в XVIII в. В кн.: Французы в Петербурге: каталог выставки. СПб. 2003, с. 70—73; АЛАКШИН А.Э. Ук. соч., с. 150.
4. АНИСИМОВ Е.В. Петербург времен Петра Великого. М. 2010, с. 324.

5. СЕМЁНОВА Л.Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). СПб. 1998, с. 15.
6. ВЕБЕР Ф.-Х. Преображенная Россия. Новые записки о нынешнем состоянии Московии. СПб. 2011, с. 42; ср.: Записки Вебера. — Русский архив. 1872, № 6, стб. 1105.
7. 200-летие Кабинета его императорского величества. 1704—1904. СПб. 1911, с. 33; Сборник русского исторического общества (Сб. РИО). Т. 34. СПб. 1881, с. 105.
8. Копия контракта, заключенного Лефортом с Б.К. Растрелли «о поступлении его с сыном и учениками на три года на службу к Петру I» от 13 ноября 1715 года. См.: Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (НИА СПб. ИИ РАН), колл. 106, оп. 1, д. 138, л. 1—2об.
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 150, оп. 1 (1716 г.), д. 1, л. 19об.—20.
10. Там же, л. 1—2об.
11. ГОЛИКОВ И.И. Дополнения к деяниям Петра Великого к 1716 и 1717 годам. Т. 11. М. 1794, с. 105—106.
12. МАТВЕЕВ А.А. Растрелли. М. 1938, с. 14.
13. СЕМЁНОВА Л.Н. Ук. соч., с. 22.
14. РГАДА, ф. 150, оп. 1 (1716 г.), д. 1, л. 19—19об.; д. 3, л. 1—5.
15. ЖЕРИХИНА Е.И. Французский мир Санкт-Петербурга. СПб. 2015, с. 27, 205.
16. КОРШУНОВА Т.Т. Мастера парижской Королевской мануфактуры гобеленов в Петербурге. В кн.: Французы в Петербурге: каталог выставки. СПб. 2003, с. 43.
17. Сб. РИО. Т. 34. СПб. 1881, с. 226.
18. КАЛЯЗИНА Н.В. Архитектор Леблон в России (1716—1719). В кн.: От Средневековья к Новому времени: материалы и исследования по русскому искусству XVIII — первой половины XIX века. М. 1984, с. 118.
19. АНТОНОВ В.В. Симон — помощник Пино. Там же, с. 124; ЖЕРИХИНА Е.И. Ук. соч., с. 28, 205.
20. ГОЛИКОВ И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. 5. М. 1788, с. 329.
21. Гукарь — двухмачтовое судно с широким носом и круглой кормой.
22. ГОЛИКОВ И.И. Деяния Петра Великого, ч. 5, с. 330.
23. ЕГО ЖЕ. Дополнения к деяниям Петра Великого, т. 11, с. 414.
24. Сб. РИО, т. 34, с. 236.
25. РГАДА, ф. 150, оп. 1 (1717 г.), д. 16, л. 1—11об.
26. Там же, л. 1об.—2, 8об.—9об.
27. ЖЕРИХИНА Е.И. Ук. соч., с. 28; КАЛЯЗИНА Н.В. Ук. соч., с. 118.
28. Петербург в эпоху Петра I. Документы в фондах и коллекциях Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории. Ч. 1. СПб. 2003, с. 385.
29. РГАДА, ф. 150, оп. 1 (1716 г.), д. 3, л. 4—5; ЛУППОВ С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII в. М.-Л. 1957, с. 91; ЖЕРИХИНА Е.И. Ук. соч., с. 28, 205; СЕМЁНОВА Л.Н. Ук. соч., с. 23.
30. РГАДА, ф. 150, оп. 1 (1717 г.), д. 16, л. 13—17об.
31. Сб. РИО, т. 34, с. 273, 298, 334.
32. МИЛЛЕР Г.Ф. Санкт-Петербург. В кн.: Географический лексикон Российского государства, или словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера, моря, горы, города, крепости, знатные монастыри, остроги, ясашные зимовия, рудные заводы и прочие достопамятные места..., собранный Фёдором Полуниным с предисловием Герарда Фридерика Миллера. М. 1773, с. 316.
33. ГОЛИКОВ И.И. Дополнения к деяниям Петра Великого, т. 11, с. 414.
34. БОГДАНОВ А.И. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его с 1703 по 1751 год. СПб. 1779 (без пагинации, фиг. 67).
35. РГАДА, ф. 150, оп. 1 (1716 г.), д. 1, л. 29—31об.
36. АРХИПОВ Н.И., РАСКИН А.Г. Бартоломео Карло Растрелли. 1675—1744. М.-Л. 1964, с. 24, 29.
37. КОРШУНОВА Т.Т. Ук. соч., с. 43—44.
38. БЕСПЯТЫХ Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л. 1991, с. 141.
39. Там же.
40. ЖЕРИХИНА Е.И. Ук. соч., с. 26—27; КАЛЯЗИНА Н.В. Ук. соч., с. 97—98.

41. БЕСПЯТЫХ Ю.Н. Ук. соч., с. 142; СЕМЁНОВА Л.Н. Ук. соч., с. 22.
42. МИХАЙЛОВА А.Ю. Французские художники при русском императорском дворе в первой трети XVIII в. Дис. канд. искусств. М. 2003, с. 34.
43. РГАДА, ф. 150, оп. 1 (1716 г.), д. 1, л. 19—20.
44. Там же, ф. 17, оп. 1, д. 266, л. 1—1об.; Сб. РИО, т. 34, с. 282—283.
45. Сб. РИО, т. 34, с. 282—283.
46. Там же, с. 270, 318.
47. Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова. 1716—1720, 1726—1727 гг. Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Вып. 10. М. 2000, с. 180, 268, 275; ГОЛИКОВ И.И. Дополнения к деяниям Петра Великого, т. 11, с. 474.
48. СЕМЁНОВА Л.Н. Ук. соч., с. 22.
49. См., напр., контракты с Ж. Суалемом и Н. Пино. РГАДА, ф. 150, оп. 1 (1716 г.), д. 3, л. 3.
50. ЦГИА СПб., ф. 347, оп. 1, д. 31, л. 9—10, 22—46.
51. ТАСТЕВИН Ф.И. Французы-кальвинисты в России. — Русский архив. 1910, № 4, с. 640—642.
52. ЦГИА СПб., ф. 347, оп. 1, д. 31, л. 26, 32—48.
53. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. 10, оп. 10/1 (1724 г.), д. 2, л. 1об., боб.
54. См. копию графского диплома, выданного Растрелли папским нунцием в Париже Филиппом Антонио Гуалтерно 22 февраля 1704 г. РГАДА, ф. 17, оп. 1, д. 298, л. 12—16об.
55. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 796, оп. 1, д. 286, л. 13об.
56. В документе Коллегии иностранных дел, датируемом 10 апреля 1721 г., читаем: «Здесь же, в Санкт-Петербурге, города Парижа патер Колдириер, францускан при церковной службе в доме графа Разстрелли, приехал сюда тому года с три, и он, Кордиер, отправляет службу не под их Патриция и Якоба (настоятели костела Греческой слободы. — А.А., Ю.А.) ведением». АВП РИ, ф. 10, оп. 10/1 (1760 г.), д. 1, л. 31.
57. РГИА, ф. 796, оп. 1, д. 286, л. 10—13об.
58. Сб. РИО. Т. 40. СПб. 1884, с. 91.
59. «Из Италии патер Якуб Францускан реформат отправляет службу на Васильевском острове в Француской улице по воскресным дням». АВП РИ, ф. 10, оп. 10/1 (1760 г.), д. 1, л. 31; РГИА, ф. 796, оп. 1, д. 286, л. 12.
60. КУЗНЕЦОВ Н.Д. Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии. В кн.: Временник Демидовского юридического лицея. Кн. 75. Ярославль. 1898, с. 68—76.
61. РГИА, ф. 796, оп. 4, д. 540, л. 71.
62. ЖЕРИХИНА Е.И. Ук. соч., с. 27.
63. АВП РИ, ф. 10, оп. 10/1 (1724 г.), д. 2, л. 8.
64. Сб. РИО, т. 40, с. 92.
65. САМЫЛОВСКАЯ Е.А. К вопросу о численности и национальном составе римско-католической общины Санкт-Петербурга в первой половине XVIII в. — Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2016, т. 26, вып. 1, с. 80.
66. КОРШУНОВА Т.Т. Ук. соч., с. 44.
67. АВП РИ, ф. 10, оп. 10/1 (1726 г.), д. 1, л. 1об.
68. Цит. по: СЕМЁНОВА Л.Н. Ук. соч., с. 22.
69. Петербург в эпоху Петра I. Документы в фондах и коллекциях Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории. Ч. 1. СПб. 2003, с. 614.
70. Сб. РИО. Т. 11. СПб. 1873, с. 493.
71. РГАДА, ф. 17, оп. 1, д. 266, л. 15.
72. АВП РИ, ф. 10, оп. 10/1 (1725 г.), д. 1, л. 3; Записка французского посла де-Кампредона с просьбой о высылке из России француза монаха францисканского ордена Калио. ТОЛСТОЙ Д.А. Римский католицизм в России. Т. 1. СПб. 1876, с. 411 (Прилож. 10).
73. Сб. РИО, т. 40, с. 91.
74. АВП РИ, ф. 10, оп. 10/1 (1725 г.), д. 1, л. 8—8об.; оп. 10/1 (1726 г.), д. 1, л. 1.

75. Там же, оп. 10/1 (1725 г.), д. 1, л. 10.
76. Сб. РИО. Т. 69. СПб. 1889, с. 753; АРХИПОВ Н.И., РАСКИН А.Г. Ук. соч., с. 60.
77. АНТОНОВ В.В. Ук. соч., с. 126.
78. ЦГИА СПб., ф. 347, оп. 1, д. 31, л. 26, 32.
79. РГИА, ф. 821, оп. 125, д. 1032, л. 31об.; О Граверо см.: Записки придворного брильянтика Позье о пребывании его в России с 1729 по 1764 г. — Русская старина. 1870, т. 1, № 1, с. 52—55.
80. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., с. 316.
81. МАТВЕЕВ А.А. Ук. соч., с. 14.
82. Слобода обозначена на плане 1725 г. См.: Планы С. Петербурга в 1700, 1705, 1725, 1738, 1756, 1777, 1799, 1840 и 1849 гг., с приложением планов 13 частей столицы 1853 года, составлены Н. Цыловым. СПб. 1853 (без пагинации).
83. КАЛЯЗИНА Н.В. Ук. соч., с. 99.
84. РГАДА, ф. 150, оп. 1 (1716 г.), д. 3, л. 96—96об.
85. Сб. РИО, т. 34, с. 244.
86. Там же, т. 11, с. 528.
87. КОШЕЛЕВА О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М. 2004, с. 344.
88. КОВРИГИНА В.А. Немецкая слобода Москвы. В кн.: Немцы в России: люди и судьбы: сб. ст. СПб. 1998, с. 9.
89. АНИСИМОВ Е.В. Ук. соч., с. 263.

Объявление массового красного террора 2 сентября 1918 г. — инициатива масс или единоличный акт Я.М. Свердлова?

С.С. Войтиков

Аннотация. 2 сентября, на заседании Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) был объявлен «массовый красный террор против буржуазии и ее наймитов». В связи с этим важно ответить на вопрос, являлся ли он инициативой председателя ВЦИК, руководителя Секретариата ЦК и члена ЦК РКП(б) Я.М. Свердлова или стал оформлением «инициативы масс». В работе использованы как опубликованные источники, так и неопубликованные документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного военного архива (РГВА), Центрального архива общественно-политической истории Москвы (ЦАОПИ М) и Центрального государственного архива Московской области (ЦГА МО).

Ключевые слова: массовый красный террор, 1918 г., Я.М. Свердлов, В.И. Ленин, Ф.Э. Дзержинский.

Abstract. On September 2, at the meeting of the All-Russian Central Executive Committee (VTsIK), declared «a massive red terror against the bourgeoisie and its hirelings». In this case, it is important to understand whether the mass red terror was the initiative of the chairman of the All-Russian Central Executive Committee, the head of the Secretariat of the Central Committee and the member of the Central Committee of the RCP(b) Ya.M. Sverdlov or he became the design of the «initiative of the masses». The article uses both published sources and unpublished documents of the Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI), the Russian State Military Archive (RGVA), the Central Archives of the Public Political History of Moscow (TSAOPIM) and the Central State Archives of the Moscow Region (TSGAMO).

Key words: Mass Red Terror, 1918, Ya.M. Sverdlov, V.I. Lenin, F.E. Dzerzhinsky.

30 августа 1918 г. был ранен председатель Совета народных комиссаров, основатель и член ЦК большевиков В.И. Ленин. Уже на третий день после этого события, 2 сентября, на заседании Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) под председательством главы Советского государства Я.М. Свердлова и по его предложению был объявлен «массовый красный террор против буржуазии и ее наймитов».

Войтиков Сергей Сергеевич — кандидат исторических наук, главный специалист Центрального государственного архива города Москвы. E-mail: svoyt@mail.ru.

Voytikov Sergey S. — candidate of historical sciences, senior specialist at the Moscow Central State Archive. E-mail: svoyt@mail.ru.

Единственной постсоветской научной монографией о массовом красном терроре как официальной государственной политике в 1918 г. является книга петербургского историка И.С. Ратьковского, в которой на основе комплексного анализа периодической печати периода Гражданской войны предпринята попытка изучить массовый красный террор и выделить в нем основные этапы в контексте истории создания и становления ВЧК как карательно-репрессивного аппарата¹. Ратьковский сделал важный вывод о том, что по итогам красного террора осенью 1918 г. ценой тысяч жертв были значительно ослаблены контрреволюционное подполье и антисоветское движение; «вместе с тем платой за политику террора оказались не только тысячи расстрелянных и пострадавших, но и утверждение негативных тенденций в развитии Советского государства»². Проведя источниковедческий анализ большевистской печати, Ратьковский сделал парадоксальный вывод: в меньшей степени террор коснулся того слоя, против которого он вводился — буржуазию преимущественно ждали серьезные выкупы и концлагеря, а расстрелы в основном касались офицеров, жандармов, интеллигенции, крестьянства, а также преступников, расстрелянных для стабилизации внутреннего положения и оправдания террора в глазах населения³. Историк доказал, что массовый красный террор как официальная политика советского руководства хронологически ограничен двумя месяцами — с сентября по ноябрь 1918 года.

В настоящей работе предпринята попытка ответить на следующий вопрос: являлся ли массовый красный террор инициативой председателя ВЦИК, руководителя Секретариата ЦК и члена ЦК РКП(б) Свердлова или он стал оформлением «инициативы масс». Дать ответ особенно важно потому, что даже в учебной литературе, обобщившей достижения современных исследователей, закрепился следующий тезис: «Все изменения [в РСФСР] происходили “на ходу”, более того, в обострившейся не только военной, но и внутрипартийной обстановке. В Советской России осень 1918 г. — это период красного террора, введенного согласно постановлению о красном терроре 5 сентября (постановление Совнаркома, принятое в рамках проведения постановления ВЦИК от 2 сентября 1918 г. — С.В.). Покушение Ф. Каплан на В.И. Ленина и убийство 30 августа руководителя Петроградской губернской ЧК М.С. Урицкого подтолкнули правительство к этой мере»⁴.

В исследовании использованы как опубликованные источники, так и неопубликованные документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного военного архива (РГВА), Центрального архива общественно-политической истории Москвы (ЦАОПИ М) и Центрального государственного архива Московской области (ЦГА МО).

Лето 1918 г. характеризовалось для Советской России ситуацией системного кризиса. В июне Ленин на объединенном заседании ВЦИК, Московского совета и профсоюзов отметил: «Перед нами теперь, летом 1918 г., может быть, один из самых трудных, самых тяжелых и самых критических переходов нашей революции...»⁵ В августе член ЦК РКП(б), глава военного ведомства Л.Д. Троцкий, по свидетельству сотрудника германского посольства, вроде бы даже при-

знался германскому послу В. фон Мирбаху, что советская власть уже мертва, но еще не найден могильщик ⁶. Ряд лидеров партии рассматривали в качестве выхода из создавшегося положения массовый красный террор. Инициатива последовала из Петрограда, где обстановка накалилась до предела в результате успешного теракта от 20 июня 1918 г. против видного петроградского большевика Владимира Володарского, однако партийное и советское руководство Петрограда (Г.Е. Зиновьев, Е.Д. Стасова и, главным образом, Урицкий) сознательно упустило полученную возможность. Ленин в ярости телеграфировал 26 июня Зиновьеву, а также М.М. Лашевичу и другим членам ЦК: «Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты и пекисты) удержали. Протестую решительно! Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда [дело доходит] до дела, тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную. Это не-воз-мож-но! Террористы будут считать нас тряпками. Время архивоеенное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает» ⁷. Не зря еще 8 ноября 1917 г. Ленин, выступая на собрании комиссаров Военно-революционного комитета, высказался в том духе, что пролетариату чуждо классовое представление о терроре как способе наведения ужаса на его врагов, однако, если враги революции прибегнут к террору для восстановления старых порядков, ответный революционный террор сотрет их с лица земли ⁸. Здесь следует заметить, что Зиновьев, как и Ленин, в начале лета проявлял известную осторожность в вопросе о введении террора, а вето в Совете комиссаров Северной области и Петроградской ЧК (ПЧК) долгое время налагал Урицкий — председатель Петроградской ЧК. Зиновьев чуть позднее признался: сам он стал сторонником красного террора после убийства Володарского, но от реализации этой идеи его удерживала позиция Урицкого, а также, по-видимому, П.П. Прошьяна и Н.Н. Крестинского ⁹ (в случае с последним — явная ошибка памяти: Крестинский в этот период занимал пост наркома финансов и находился в Москве).

То обстоятельство, что пламенным сторонником массового красного террора Зиновьев не был, подтверждает и его более позднее (1924 г.) свидетельство, сделанное на XIII съезде РКП(б): «Мы с начала революции знали и говорили, что “надо додушить буржуазию”, или, — наиболее теоретическая формула, — надо, чтобы рабочее государство “преододело сопротивление буржуазии”... Физически ее не уничтожили и не собирались уничтожать» ¹⁰. Очевидно, Зиновьев, формально находившийся в 1923—1924 гг. на самой вершине партийной иерархии, говорил товарищам правду: сам он действительно не стремился к физическому уничтожению буржуазии. Так или иначе, убийство Володарского действительно едва ли не привело к введению красного террора «снизу», чего жаждал Ленин, которому для оправдания собственных догматов требовалась инициатива масс. Видимо, не случайно на похороны Володарского ездил его старый соратник по революционной работе Свердлов ¹¹.

Не позднее 28 июня 1918 г. Секретариат ЦК РКП(б) получил резолюцию Усть-Ижорского штаба Красной армии с «громким заяв-

лением всем прислужникам контрреволюции и врагам советской власти: «... Помните, все враги беднейших крестьян и рабочих: кто сеет ветер, тот пожинает бурю. На убийство из-за угла личностей мы ответим классовым террором»¹².

Петроградское руководство мужественно держалось, несмотря на то, что местные партийные организации де-факто начали террор сами, безо всякой санкции сверху, присвоив себе право на аресты: 13 августа Президиум Северного областного комитета направил всем местным комитетам РКП(б) Северной области циркулярное письмо, в котором признал «... совершенно недопустимым, чтобы аресты на местах контрреволюционеров, спекулянтов и так далее производились помимо чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией — комитетами Коммунистической партии»¹³. Президиум вменил в обязанность руководству партийных организаций сообщать обо всех случаях контрреволюции местным ЧК, информируя обо всех фактах замедления в проведении решений Северный обком РКП(б), который, по его обещаниям, «примет все необходимые и решительные меры в согласии с требованиями революционного момента»¹⁴.

Обстановка тем временем становилась все более и более угрожающей. Справляться с трудностями стало значительно сложнее после ликвидации так называемого левоэсеровского выступления. Ленин, как и другие руководители большевистской партии, был настроен решительно. Еще при Сталине публиковался обмен телеграммами генсека с Лениным по поводу левых эсеров от 7 июля 1918 года. Председатель Совнаркома телеграфировал в Царицын: «У нас заложниками сотни левых эсеров. Повсюду необходимо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов, ставших оружием в руках контрреволюционеров». И получил в ответ: «Что касается истеричных — будьте уверены, у нас рука не дрогнет. С врагами будем действовать по-вражески»¹⁵.

В середине июля 1918 г. стало «исправляться» сознание большевиков в колыбели революции. 23 июля Петербургский комитет РКП(б) настойчиво заявил о необходимости расширения политических репрессий. Основанием послужил пугающий доклад о размахе контрреволюционной активности в Василеостровском районе, представленный председателем исполкома Василеостровского районного совета и главой судебно-следственного отдела этого Совета. По данным райсовета, в контрреволюционной организации принимало участие 17 тыс. бывших офицеров¹⁶. ПК отнесся к докладу очень серьезно и принял резолюцию с протестом против вялости действий правительства по обеспечению безопасности и указанием на необходимость применения «красного террора против попыток контрреволюционеров к мятежам на деле»¹⁷. И это притом, что озвученная в докладе цифра — 17 тыс. офицеров — была откровенной нелепицей. Для сравнения: в период «Большого террора» при Сталине репрессировали 30—40 тыс. генералов и офицеров, что буквально обезглавило руководство Красной армии перед Великой Отечественной войной. Наличие 17 тыс. офицеров в контрреволюционной организации летом 1918 г. неминуемо привело бы к вооруженному захвату власти в северной столице, который, между прочим, весной 1918 г. под флагом шведского Красного Креста готовили военнопленные числом около 600 человек.

1 августа открылся 2-й съезд Советов Северной области, в котором приняли участие члены ЦК Зиновьев, Свердлов и Троцкий. Первый сделал доклад как ленинский наместник в колыбели революции, второй — как глава государства, выступивший с приветственным словом, третий, будучи председателем Высшего военного совета, произнес речь о военном положении, в которой заявил: «Мы должны до последнего штыка двинуть все в бой. Каждую малосознательную часть мы должны пропитать беззаветной готовностью сражаться и умирать за Советскую Россию. Эту работу агитаторов и организаторов обязаны выполнить лучшие бойцы революции, и мы сказали себе: “Этих бойцов даст нам красный Петроград!” ... Я приехал в Петроград не для того, чтобы бросить несколько красивых фраз, [а] чтобы ударить в набат, чтобы крикнуть громкий клич о необходимости спасения нашего дорогого нам отечества рабочих, крестьян, красноармейцев и матросов. Мы должны дать аннибалову клятву до последней капли крови защищать наше отечество и, в итоге, или победить, или умереть. Дружно и смело пойдем навстречу опасности во имя торжества идеалов социализма»¹⁸. Троцкий не слукавил: он действительно приехал не для «красивых фраз»: 1—2 августа съезд принял резолюцию «О текущем моменте», подготовившую почву для осуществления программы массового террора: «Советская власть должна обеспечить свой тыл, взяв под надзор буржуазию, проводя на практике массовый террор против нее»¹⁹.

На практике массовый красный террор в Петрограде начался 19 августа — до этого вето на него из последних сил удерживал Моисей Урицкий. По высокоавторитетному замечанию А.Л. Литвина, назначенный в марте 1918 г. председателем Петроградской ЧК Урицкий «с самого начала выступал за сдержанность в проведении репрессий»²⁰. Директор Гатчинского музея В.П. Зубов характеризовал его как «недюжинного человека». Краткость встречи не помешала Зубову сделать вывод о том, что Урицкий был «человек глубоко честный, до фанатизма преданный своим идеям», «обладавший где-то в глубине души долей доброты» и «во всяком случае» далекий «от того типа садистов, что управляли Чекой после него»²¹. Пытаясь как-то объяснить красный террор в Петрограде, Зубов сделал предположение, что «фанатизм так выковал его волю, что он умел быть жестоким»²². Это не так. Просто в действительности Урицкий ничего не решал. Как справедливо заметил писатель-эмигрант Марк Алданов, «настоящий убийца Урицкого — Зиновьев, он подписывал все то, за что был убит Урицкий»²³. 30 августа Урицкий был убит Леонидом Канегиссером, который на вопрос Дзержинского о партийной принадлежности «из принципиальных соображений»²⁴ дать ответ отказался. Петроградские большевики сразу же нашли, на кого следует «списать» всю вину еще до проведения расследования. Н.К. Антипов выбрал в качестве ритуальной жертвы партию народных социалистов²⁵, притом что сам вряд ли верил в то, что Канегиссер был исполнителем чужой воли, а Литвин, проанализировав 11 томов архивно-следственного дела, находящегося на хранении в ЦА ФСБ России, согласился с выдвинутой Алдановым версией о выстрелах 22-летнего убийцы Урицкого «из личных побуждений»²⁶. В принципе это убийство и стало тем самым прецедентом, которого жаждал Ленин.

30 августа 1918 г. было совершено покушение на самого Ленина. На месте преступления задержали подозреваемую — эсерку Фанни Каплан. Ее поместили в полуподвальное помещение на Детской половине Большого Кремлевского дворца, под квартирой Свердлова. Ф.Х. Каплан допрашивали в течение нескольких дней, а затем комендант Кремля П.Д. Мальков расстрелял ее по личному приказу председателя ВЦИК ²⁷.

Дискуссия об организаторах и, главное, заказчиках началась сразу после покушения. Ограничимся лишь одним интересным письмом неустановленного автора, выявленном нами в личном фонде К.Б. Радека — от 20 сентября 1918 года.

«Дорогой Рензон!

Я не имею никаких известий, получили ли Вы мое [послание] и весь посылаемый Вам материал, издали ли Вы брошюру Прейса на скандинавских языках. О Вашем настроении знаю только из телеграмм “Дейли Ньюз” и имею впечатление, что копенгагенский воздух на Вас хуже влияет, чем московский.

Замечание, например, Ваше, что утверждение Свердлова об английской подкладке покушения на Ленина не выдерживает критики, удивило меня очень. Понятно, что мистер Линдлей ²⁸ не давал г-же Каплан собственноручно револьвера, но Вы лучше меня знаете, каковы отношения правых с.-р. к Вашему правительству и что одного слова Ваших людей по адресу с.-р. было бы достаточно для прекращения террористических актов с их стороны. Отклик, который нашло покушение в нордскейфской печати, не говоря о парижских собаках, доказывает, что если бы Савинков ²⁹ по собственному почину таких актов не предпринял бы, то Ваш Форель Офис наверно бы ему это поручил.

На Ваш вопрос о документах, касающихся авантюры Локкарта ³⁰, могу ответить следующее: Локкарт признал определенным образом, что он вел переговоры о заговоре с латышским командиром и что он после предварительных переговоров отдал дело английскому военному командиру, о котором идет речь, я лично знаю [как] человека, абсолютно заслуживающего доверие. Вы хватаетесь за голову, каким образом Локкарт мог пойти на эту авантюру. Меня это сначала удивило, но разговор, который мы имели с Локкартом после его ареста, делает картину совершенно ясной.

Вы знаете, что Локкарт был противником интервенции и что в том же направлении он работал в Англии. Вы помните, может быть, частное письмо, которое Локкарт посылал мне и Карахану ³¹, в котором один из его друзей из Министерства иностранных дел сообщал ему, что Долнингстриит не одобряет его политики, что он всем надоел защитой советского правительства. Локкарт был тогда маленький карьерист и, когда увидел, что не может сделать карьеры на политике сделки с большевиками, бросился головой в воду, идущую в ином направлении.

Что касается вообще атмосферы, в которой он был, то мы на днях публикуем очень интересные документы. Перехвачено письмо одного из членов французской миссии, состоящего в близких отношениях с Пуанкаре ³². Письмо адресовано на имя Пуанкаре. В этом письме автор предостерегает Пуанкаре от авантюризма Нуланса ³³. Он сообщает, что восстание в Ярославле ³⁴ было прямо организовано Нулансом. Он обращает внимание Пуанкаре на факт, что после Брестского мира, когда Троцкий обратился к [французскому] генералу Лаверну с просьбой о помощи при организации русской армии, Лаверн получил головомойку от Нуланса за то, что принимал участие в совещании по этому поводу с Троцким и нашими военными.

Что касается внутреннего положения, то оно после моего последнего письма изменилось к лучшему. Победа у Казани и в Симбирске не была случайностью. Она представляет собой результат того, что московские и петроградские рабочие, стоящие теперь на фронте, представляют прекрасный корсет для армии, пока он не будет связан одним духом. Благодаря питерцам и москвичам мы первый раз имеем фактически действительно дисциплинированную армию. [В] прифронтовой полосе нет грабежей, что создает благоприятную почву для мобилизации крестьянств[а] и делает возможным кормление Красной армии силами приволжских губерний. Возможно, что мы будем иметь тяжелые моменты, но наши военные глубоко убеждены, что до января [1919 г.] Западная Сибирь будет в наших руках. [Главкомандующий всеми вооруженными силами Республики И.И.] Вацетис оправдывает все возложенные на него надежды. Вы понимаете, что для нас значит Западная Сибирь в смысле продовольствия. С [атаманом П.Н.] Красновым, по всей вероятности, тоже скоро уладим ввиду абсолютного развала в рядах казачества. Дабы не растрачивать сил на севере против Ваших соотечественников будем держаться пока что пассивно. Они своими силами пока что ничего не могут нам сделать.

В наших кругах одно мнение о положении. Зима будет тяжелая, но мы продержимся, а за это время Ваши сумеют совместно с германцами справиться друг с другом. Что будет весной, что будет сильнее: мы или империализм — не знаю, но во всяком случае время работает на нас. То, что Вы писали о красном терроре — вздор интеллигентов. Вы хотите английских буржуа успокоить, что большевики так же, как и Мария Стюарт ³⁵, — лучше, чем то, что о них говорят. Успокойтесь, милый, с террором дело будет совсем серьезное: не в смысле снятия голов (это вещь второстепенная), а в смысле беспощадного использования всех ресурсов страны для того, чтобы прокормить рабочую бедноту и продержаться еще зиму.

Во всяком случае, если Ваши ослы думали, что нас скоро съедят, то далека дорога к Типперари ³⁶. Дорогой Рензон, как мне важно, чтобы Вы были в Стокгольме и осведомляли Англию, но лично мне было бы приятнее, если бы Вы бросили Стокгольм и вернулись. Маленький Прейс вступил в партию. Редигируют ³⁷ наш фронт английскими газетами, которые Вам посылаю, обрабатывают английские вещи для нашей печати, вообще производят прекрасное впечатление своей живостью и преданностью делу. Откуда в хорошей английской семье взялся такой большевик — Бог знает. Ваша мать сказала наверное, что в этом виновата какая-то красивая большевичка, но Вы знаете, что с Филиппом дело так не обстоит. Ваша брошюра появится на днях по-английски и по-русски. Я пишу к ней вступление. Владимир Ильич уже начал регулярную работу, председательствует в заседаниях Совнаркома, имея еще под кожей две пули. Было бы очень хорошо, если бы Вы позаботились о переводах скандинавской печати о международном положении. Для меня более важно знать, что пишет «Свенска Тагенблатт» ³⁸, и вообще консервативная печать, чем либеральная, ибо интересно знать, нет ли сомнений насчет германской победы у шведских германофилов. Давите на Воровского ³⁹, чтобы он посылал курьеров регулярно — раз в неделю. Кланяйтесь Вашей жене Анжелике и пишите чаще. Жму Вашу руку» ⁴⁰.

Новость о ранении Ленина 30 августа 1918 г. распространялась со скоростью молнии, сея панику среди и без того подавленных ощущением ближайшего краха большевиков. По воспоминаниям российского социал-демократа Г.А. Соломона, лицо подошедшего к нему

секретаря консульства, только что получившего первую, очень краткую, телеграмму с сообщением о ранении Ленина, искажил «самый неподдельный животный страх»: «губы и руки его дрожали и всего его подергивало... Едва выговорил он: “Теперь нам конец... всех нас перебьют...” Все сразу... не просто заволновались, а заметались в каком-то бессмысленном ужасе. С некоторыми сотрудницами сделалась истерика... Невзирая на явное искажение полученных известий, все стали говорить не о ранении, а об убийстве. Все... попытки уговорить и урезонить мечущихся в страхе сотрудников были тщетны. Они сбивались в беспорядочные кучки, жестикулировали, быстро и нервно перебрасывались словами, убегали, снова возвращались и уже, не сдерживаемые ничем, говорили: “Что с нами будет... всех нас перебьют... конец всему...”», причем «особенно волновались и приходили в отчаяние» красноармейцы-латыши, уверенные, что за них «первых примутся»⁴¹.

По воспоминаниям супруги Свердлова К.Т. Новгородцевой, глава Советского государства, сам явившийся во ВЦИК с митинга, получил известие о ранении Ленина по телефону, и вроде бы «впервые и единственный раз» за все время знакомства с мужем Новгородцева заметила в голосе у него «волнение» и «дрожь»⁴². Более никто из мемуаристов о волнении Свердлова в тот день впоследствии не вспомнил. Все они утверждали то же, что и самая Новгородцева в следующем абзаце: Свердлов «ни на минуту» не поддался «панике и рассеянности», а напротив, напряг «все свои силы, всю энергию» для противостояния «страшной беде, обрушившейся на партию и страну»⁴³. По воспоминаниям Н.К. Крупской, в ленинской квартире в Кремле среди большого числа столпившихся людей стоял Свердлов с «серьезным и решительным видом». На вопрос «Как же теперь будет?» председатель ВЦИК ответил: «У нас с Ильичём все сговорено»⁴⁴.

Свердлов в качестве председателя ВЦИК подписал сообщение о покушении на председателя Совнаркома: «Всем Советам рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов, всем армиям, всем, всем, всем!» уже в 22 часа 40 минут⁴⁵. Б. Сопельняк, придерживающийся версии об организации покушения на вождя самим Свердловым, указал о трех покушениях на Ленина в книге, к сожалению, начисто лишенной научно-справочного аппарата: «По словам [шофера Ленина] Гиля, речь Ленина на заводе продолжалась около часа, и, когда он вышел во двор, заметно стемнело. В конце августа солнце в Москве заходит в 20.30, а темнеет не раньше 22 часов. Из всего этого следует элементарный вывод: на завод Ленин приехал в 22 часа, около 23 часов закончил выступление, потом выход во двор и попал под обстрел. А когда Свердлов подписал небезызвестное воззвание? В 22 часа 40 минут. А его еще надо было довести до редакции, набрать и опубликовать. И что из этого следует? А то, что воззвание было написано заранее»⁴⁶. Той же версии придерживается и Ю.Г. Фельштинский, научно-справочный аппарат работы которого никаких вопросов не вызывает: «Ленин прибыл на завод приблизительно в 10 часов по старому и в 9 часов по новому времени и выступал примерно час, закончив выступление между 10 и 11 часами вечера по новому времени. К величайшему сожалению для историков, более точно установить время покушения на Ленина невозможно. Между

тем, именно здесь находится разгадка еще одного ребуса об организаторах покушения. Понятно, что между выстрелами в Ленина и сообщением об этих выстрелах Свердлову должно было пройти какое-то время. А обращение Свердлова [было] подписано... в 22 часа 40 минут. Это могло произойти только в том случае, если [оно] было написано заранее, если Свердлов был осведомлен о планируемом покушении, если он умышленно допустил теракт, а может быть, через ВЧК и Дзержинского, являлся его непосредственным организатором»⁴⁷.

Предположение относительно роли Дзержинского Фельштинский не подкрепил ни одним сколько-нибудь серьезным фактом из тщательно им проработанных опубликованных источников. И до сих пор не вышло ни одного исследования, в котором бы содержались архивные подтверждения гипотезы историка. Напротив, факты свидетельствуют о неизменной личной лояльности председателя ВЧК к председателю Совнаркома. Да и тезис о том, что «между выстрелами в Ленина и сообщением об этих выстрелах Свердлову» обязательно «должно было пройти какое-то время», на наш взгляд, бездоказателен. Во-первых, председателю ВЦИК вполне могли позвонить по телефону возмущенные товарищи по партии. Во-вторых, указание времени в газетной публикации выглядит нарочито. Сложно предположить, что, будучи организатором покушения (тем более неудавшегося), Свердлов выдал бы расписку в собственном преступлении. Объяснение может быть простым: предвидя, какой эффект произведет на и без того неуверенных в завтрашнем дне революции партийцев ранение вождя, председатель ВЦИК и руководитель Секретариата ЦК РКП(б) решил нарочно проставить более раннее время: это было бы демонстрацией нахождения партии под пристальным контролем ее вождей. Текст воззвания свидетельствует, что его задачами были пресечение упадничества и организация сплочения партийных рядов в условиях ранения вождя.

Начиналось воззвание с характеристики исторического значения Ленина как вождя мировой революции и констатации факта — вождь ранен: «Несколько часов тому назад совершено злодейское покушение на т. Ленина. Роль т. Ленина, его значение для рабочего движения России, рабочего движения всего мира известны самым широким кругам рабочих всех стран... По выходе с митинга т. Ленин был ранен. Задержано несколько человек. Их личность выясняется»⁴⁸. Еще не получив, если действительно Свердлов составил воззвание в 22 час. 40 мин., первых результатов расследования (допрос задержанной Фанни Каплан начался только в 23 час. 30 мин.⁴⁹), Свердлов выразил уверенность, что за покушением стоят Антанта и правые эсеры: «Мы не сомневаемся в том, что и здесь будут найдены следы правых эсеров, следы наймитов англичан и французов»⁵⁰. Ничего странного, вопреки заявлениям Фельштинского, тут не было: еще летом 1918 г. от двух латышей из охраны Ленина, которых пытались завербовать шпионы Антанты, стало известно о готовящемся нашими бывшими союзниками по первой мировой войне перевороте. Тот факт, что аресты по делу Локкарта развернулись несколькими днями позднее, не означает, что в конце августа 1918 г. никто из высшего партийно-политического руководства страны не был поставлен ВЧК в известность о происходившем. А вплоть до появления А.В. Колчака

как военного диктатора, контрреволюцию возглавляли, как известно, правые эсеры. Не указать организаторов покушения в официальном сообщении с четкими инструкциями большевикам, что следует делать в условиях ранения вождя, Свердлов не мог. Он указал тех предполагаемых организаторов, которые напрашивались сами собой. Еще раз повторим: в случае с Антантой основания были более чем веские.

Зная, какая паника может начаться среди членов РКП(б), значительная часть которых после прихода большевиков к власти оказалась в их рядах из чисто прагматических соображений, Свердлов от лица руководства партии призвал «всех товарищей к полнейшему спокойствию»⁵¹ (в условиях крайней возбужденности партийцев это было самой важной тактической задачей), а также (и это был плавный переход к стратегии) «к усилению своей работы по борьбе с контрреволюционными элементами». «На покушения, направленные против его вождей, — говорилось в воззвании, — рабочий класс ответит еще большим сплочением своих сил, ответит беспощадным массовым террором против всех врагов Революции.

Товарищи! Помните, что охрана ваших вождей в ваших собственных руках. Теснее смыкайте свои ряды, и господству буржуазии вы нанесете решительный, смертельный удар. Победа над буржуазией — лучшая гарантия, лучшее укрепление всех завоеваний Октябрьской революции, лучшая гарантия безопасности вождей рабочего класса»⁵².

В заключение Свердлов еще раз подчеркнул основные моменты, которые должны были запомнить члены РКП(б): «Спокойствие и организация! Все должны стойко оставаться на своих постах. Теснее ряды!»⁵³

Уже на следующее утро воззвание о ранении Ленина вышло в двух основных газетах — партийной («Правда») и советской («Известия ВЦИК») ⁵⁴. Свердлов, подписавший документ в качестве председателя ВЦИК, говорил от лица всей партии. Для ее членов не было никаких сомнений, кто фактически возглавит РКП(б) в условиях отсутствия ее лидера. Воззвание ВЦИК, по воспоминаниям Л.А. Фотиевой, «... ночью было передано по радио всему миру»⁵⁵.

Вопрос о хронологии покушения, поставленный Фельштинским, вполне логичен. Еще одну загадку ставят перед исследователем воспоминания Троцкого. В отличие от Сталина, Троцкий узнал о происходящем непосредственно от Свердлова, который счел нужным вызвать главу военного ведомства в столицу. Из Москвы Свердлов направил наркому по военным делам шифрованную телеграмму: «Немедленно приезжайте. Ильич ранен, известно, насколько опасно. Полное спокойствие. 31/VIII—1918 г.»⁵⁶. Троцкий, по его словам, получил шифровку председателя ВЦИК и «выехал немедленно» только на следующий день: 1 сентября 1918 года⁵⁷. Все выглядит вполне правдоподобно. Однако сопоставление воспоминаний Троцкого с его неопубликованными документами, как и в случае с воззванием Свердлова, ставит вопрос о хронологии распространения дурных известий в большевистских верхах. Совершенно очевидно, Троцкий то ли случайно, то ли специально ошибся: уже 31 августа он издал приказ Красной армии и Красному флоту № 32 с тем же призывом, что издали в этот же день Сталин с Ворошиловым в Царицыне, — к уничтожению врагов революции: «Солдаты и матросы! Вы призваны вместе с рабочим классом дать беспощадный бой буржуазным заговорщикам и их

наемным убийцам. Пусть кровавый удар, нанесенный первому гражданину Советской республики, огнем мести зажжет Ваши сердца. Они совершили свое подлое дело в Москве. Мы дадим им ответ не только в Москве, но и в Казани, Екатеринбурге, Симбирске, Самаре... Беспощадная, истребительная месть всем врагам рабочего народа. Смерть белогвардейцам, заговорщикам, наемным убийцам! Солдаты, матросы, рабочие, крестьяне — в наступление по всей линии! Смелые, честные — вперед!»⁵⁸ Таким образом, либо Троцкий сделал ошибку, то есть Свердлов телеграфировал ему днем раньше, либо, помимо телеграммы Свердлова с вызовом в Москву, он получил информацию из другого источника. В обоих случаях должен был быть иным и текст сообщения, полученный председателем Высшего военного совета: та телеграмма Свердлова, которую цитирует Троцкий, содержала информацию только о самом факте ранения Ленина, а Троцкий в приказе от 31 августа описывает характер ранений: «Результатом покушения явились два слепых (несквозных) поранения. Одна пуля, войдя под левой лопаткой, проникла в грудную полость, повредила верхнюю долю легкого; другая пуля проникла в левое плечо, раздробила кость и застряла под кожей левой плечевой области. Положение раненного было признано серьезным»⁵⁹.

30—31 августа ряд событий предопределил дальнейшие шаги Свердлова, поскольку незамедлительно последовала реакция на покушение других большевистских вождей.

Еще до ранения Ленина, в два часа, в гостинице «Астория» собрался весь актив Петербургского комитета РКП(б). О сути заседания полстолетия спустя не без возмущения вспоминала Е.Д. Стасова: «Г. Зиновьев выступил с речью. Отметив, что контрреволюция подняла голову, что вот уже второе [после В.В. Володарского] убийство ответственного работника партии..., он заявил, что необходимо принять “соответствующие меры”. В числе таких мер он предложил разрешить всем рабочим расправляться с интеллигенцией по-своему прямо на улице. Товарищи в смущении молчали (настолько их потряс столь простой взгляд на вещи. — С.В.). Тогда я взяла слово и сказала, что, по-моему, предложение Зиновьева вызвано паникой. Слова мои возмутили Зиновьева, он выбежал из комнаты с криком, что всякой грубости есть предел. Я обратилась к председательствующему [Б.П.] Позерну и сказала, что если Зиновьев считает, что не может оставаться на собрании вместе со мной, то лучше я уйду. Позерн заметил, что, если Зиновьев нервничает, то нечего нервничать мне, и предложил мне продолжать. Я сказала, что считаю предложение Зиновьева неправильным, т.к. оно обернется против нас в первую голову. Черносотенцы начнут действовать под видом рабочих и перебьют всю нашу верхушку (вот в связи с чем Стасова опасалась принятия предложения Зиновьева. — С.В.). В это время Зиновьев, уже в пальто, вернулся и предложил М.И. Лисовскому немедленно ехать с ним на Путиловский завод поднимать рабочих. Тогда Позерн сказал, что просит Зиновьева присесть и остаться, пока не будет принято решение, ибо не он один решает, а решает ПК с активом. Мои слова, очевидно, развязали языки, т.к. выступавшие затем товарищи указывали, что я права, и в конце концов было принято решение о создании специальных троек по районам для выявления контрреволюционных элементов»⁶⁰.

Зиновьев и Стасова, в отличие от Ленина, Сталина и Свердлова, убежденными сторонниками массового красного террора не являлись, причем, если Зиновьев, выслуживаясь перед Лениным, едва не спровоцировал Варфоломеевскую ночь против интеллигенции, то Стасова, войдя в Президиум Петроградской ЧК, как смогла «упорядочила» террор. Более того, Стасова была категорическим противником бездумных репрессий, лично принимая участие в освобождении ряда невиновных.

Как справедливо заметила в своих воспоминаниях Новгородцева, ответственность, которая легла на плечи Свердлова, была тем «тяжелее», что многие члены ЦК отсутствовали в Москве: «Дзержинский уехал в Петроград, Сталин был в Царицыне, не было в Москве Артёма (Сергеева), Стасовой, ряда других»⁶¹. Под рядом других подразумевались репрессированные (прежде всего Зиновьев) и Троцкий, ликвидированный в эмиграции в 1940 году. Особенно удивительным в действиях Свердлова стало то обстоятельство, что в Москву он вызвал наименее стойкого ленинца из всех членов ЦК РКП(б) — Троцкого.

31 августа состоялись события, по итогам которых массовый красный террор не мог не быть объявлен.

Если ЦК правых эсеров заявил о своей непричастности к покушению, то ЦК левых эсеров 31 августа и вовсе призвал в ответ на выстрелы в Ленина перейти к террору против «цитадели отечественного и мирового капитала»⁶². Из Царицына была отправлена в Москву телеграмма Военного совета Северокавказского военного округа (СКВО) за подписями члена ЦК РКП(б) Сталина и старого большевика К.Е. Ворошилова, в которой в ответ на «злодейское покушение наймитов буржуазии на жизнь величайшего революционера в мире, испытанного вождя и учителя пролетариата, товарища Ленина» объявлялась «организация открытого, массового систематического террора против буржуазии и ее агентов»⁶³. Примечательно, что телеграмма была направлена Совету народных комиссаров в целом и отдельно «председателю ЦИК Свердлову»⁶⁴. Сталин точно знал, кто на время ранения Ленина встал у руля большевистской партии, причем никакой негативной оценки в связи с этим в телеграмме не выразил.

В Вологде, в «Типографии Совета», отпечатали и распространили воззвание руководства Северо-Восточного фронта с объявлением массового красного террора в Вологде и на Северо-Восточном фронте. В нем содержались призыв к максимальному сплочению советских рядов в ответ на убийство Урицкого и ранение Ленина и недвусмысленный намек Москве на необходимость введения террора на всей территории государства Советов:

«Москва, Центральный комитет партии, ЦИК

Копия: Петроград, Совет раб[очих], кр[естьянских] и красноармейских депутатов.

Копию председателю Коммуны Зиновьеву

Мерзавцы белоэсеры, социал-предатели и белогвардейцы, потеряв надежду победить Рабоче-Крестьянскую Революцию иноземными штыками, видя, что их каиново дело неминуемо обречено на гибель, принялись за последнюю работу разбойников — убийство из-за угла (М.С. Кедров и А.В. Эйдук, очевидно, отдавали распоряжения о расстреле, глядя жертвам своего произвола в лицо. — С.В.). Они осмелились поднять руку на вождей Рабоче-Крестьянского Пролетариата.

Вчера двое преступников в Москве тяжело ранили нашего товарища-Вождя Владимира Ильича Ленина, в Петрограде открыт заговор против т. Зиновьева и убит от предательской руки т. Урицкий.

Тов. Ленин — вождь трудового народа, которому нет равных в мире, один из тех, которые рождаются раз в столетие. Он вождь Рабочих и Крестьян не только России, но и всего мира (абзац слева выделен синей ручкой. — С.В.).

Его знаниями питаются все коммунистические партии всех народов мира, и за ним идут десятки миллионов Рабочих и Крестьян всех национальностей.

Тов. Зиновьев — вождь Красного Петрограда, являющий миру удивительный пример революционности.

Тов. Урицкий — неутомимый борец с контрреволюцией, преданнейший работник Российской Коммунистической Партии и [человек] разогнавший контрреволюционное Учредительное собрание, чем спас завоевание Трудового Народа.

Презренные дерзнули поднять руку на наших вождей, и мы сумеем отсечь ее. За каждого нашего убитого и раненного товарища пусть погибают их тысячи. За каждую каплю крови бойцов за интересы Трудового Народа, пролитую ими, они ответят рекой своей крови. И полные горя, мы тверды, не дрогнут наши ряды, и еще крепче и сильнее сожжем мы винтовки, и беспощадно будем расправляться со своими врагами.

Товарищи Рабочие и Крестьяне!

Мы должны защищать жизнь своих вождей.

Истые революционеры — они всегда на своих постах.

Жизнь их слишком драгоценна.

Вы должны это знать, Вы должны это помнить!

Оберегайте и охраняйте их, не дайте, чтобы преступная рука могла подняться на них. Закаленные в бою, как зеницу ока Вы должны беречь своих вождей.

Да здравствует великие вожди Всемирного Рабочего движения!

За здравствуют товарищи Ленин и Зиновьев!

Вечная память т. Урицкому!

Подписали: Командующий Северо-Восточным фронтом Революционной Рабоче-Крестьянской Красной армии М. Кедров

Члены Президиума Фракции Коммунистов Штаба Командующего С[еверо]-В[осточным] ф[ронтом] А. Эйдук, И. Бык и Я. Аболин

Представитель ВЦИК Иванов»⁶⁵.

31 августа 1918 г. совместное заседание отдела районов` Моссовета с представителями столичных районов единогласно утвердило «постановление коллегии отдела районов о принятии [ответных] мер на выступление контрреволюции» и приняло следующую резолюцию: «Отдел районов на экстренном заседании отдела районов с представителями от районов 31/VIII, обсудив вопрос о выступлении с предательским убийством и покушением на вождей пролетарской революции и приняв ряд конкретных решений по проведению в ответ на белый террор массового пролетарского террора, постановил: 1) довести до сведения Президиума [Моссовета] о единодушном, стойком и спокойном решении районов Москвы отбросить твердой рукой все подлые посягательства на революцию; 2) просить Президиум [Моссовета] передать т. Ленину, что “мы, представители районов г. Москвы, возмущены предательским ударам врагов рабочего класса в голову и сердце революционного пролетариата, с нетерпением ждем воз-

врата дорогого вождя в наши ряды”; 3) призвать к немедленному осуществлению через президиум[ы] районных [советов], к[омите]тов РКП(большевиков), ЧК мер, принятых к проведению террора. Выражается пожелание разослать постановление и резолюцию в срочном порядке по всем районам и в Президиум [Моссовета]»⁶⁶.

«31 августа на заседании Центрального правления [проф]союза металлистов было утверждено обращение к Ленину, принято решение, по предложению Г.И. Благодрава, составить текст обращения во ВЦИК и в ЦК РКП(б), в котором: 1) разоблачить позицию предательской партии СР и всех течений, которые явно или замаскировано ведут борьбу против рабоче-крестьянской власти; 2) предложить массам призвать к ответу партию, именующую себя рабочей — партию меньшевиков — “С пролетариатом она или с рабочими?”; 3) указать массам на их долг защищать и ограждать вождей [от покушений и терактов]; 4) разъяснить массам, что давно настал момент для последовательного и неуклонного проведения беспощадного террора в отношении врагов революции [и] рабочего класса; в частности указать на необходимость принятия следующих мер: а) партия СР — правое крыло и центр — должна быть поставлена вне закона, б) революционные центры должны быть почищены от нетрудовых элементов, в) контрреволюционное офицерство армии Романова (так в тексте. — С.В.) и Керенского должно быть заключено в концентрационные лагеря, г) советские учреждения и организации должны быть очищены от контрреволюционеров и саботажников...»⁶⁷ В качестве примера для верхов, заслушав вопрос «Об исключении из Союза сотрудников, принадлежащих к партии СР правого крыла и центра», заседание постановило «приступить к немедленному выяснению состава сотрудников и лиц, разделяющих позиции правого крыла и центра, удалить от работы в Союзе»⁶⁸. В письме в ЦК РКП(б) Центральное правление Всероссийского союза металлистов призвало к «беспощадному террору» против «всей контрреволюционной белогвардейской и правоэсеровской сволочи»⁶⁹.

1 сентября общее собрание профсоюза работников по электротехнике г. Москвы и окрестностей, заслушав сообщение о «положении революции во всем мире»⁷⁰, покушении на Ленина и убийстве Урицкого, приняло резолюцию: «Сплотить свои ряды еще плотнее вокруг Советской власти и ни шага назад. Мы заявляем всем врагам революции, явным и тайным, всем убийцам из-за угла наганом вождей, что мы на каждый выстрел, направленный в вождей рабочего класса, ответим массовым террором и беспощадной борьбой против контрреволюции. Да здравствует вождь международного пролетариата т. Ленин! Смерть без пощады, смерть всем врагам революции!»⁷¹

1 сентября ЦК РКП(б) получил и обращение коммунистической фракции Московского губернского военного комиссариата, в котором заявлялось: «Каждая капля крови, потерянная нашим вождем и учителем — это море крови борющегося пролетариата, и мы, ученики и последователи нашего великого учителя-борца, клянемся, что за каждую истекающую каплю крови товарища Ленина мы прольем ручьи буржуазной, белогвардейской крови. На белогвардейский единственный террор мы ответим красным пролетарским массовым террором...»⁷²

1 сентября к массовому красному террору призвали еще два члена ЦК. Орган ЦК, Северного областного и Петроградского губернских комитетов РКП(б) «Петроградская правда» опубликовала телеграмму членов ЦК и членов Военного совета 3-й армии И.Т. Смильги и М.М. Лашевича, главного политического комиссара 3-й армии Ф.И. Голошюкина, комиссара особого отряда 3-й армии Бела Куна к члену ЦК и Петроградского бюро ЦК и председателю Петросовета Зиновьеву: «Убийство Урицкого не может остаться безнаказанным. Кровь его вопиет о мести. Трудно воевать с сознанием, что в тылу гибнут лучшие товарищи от руки буржуазных наемников. Мы взываем к рабочим Петрограда: товарищи, бейте правых эсеров беспощадно, без жалости. Не нужно ни судов, ни трибуналов! Пусть бушует месть рабочих, пусть льется кровь правых эсеров и белогвардейцев, уничтожайте врагов физически»⁷³.

Постановление ВЦИК о массовом красном терроре, принятое 2 сентября, было с готовностью встречено центральными и местными партийными и государственными органами, в том числе теми из них, от кого непосредственно зависело проведение постановления ВЦИК. Так, 2 сентября 1918 г. нарком внутренних дел Г.И. Петровский отправил всем столичным Советам телеграмму: «Убийство Володарского, убийство Урицкого, покушение на убийство и ранение... Владимира Ильича Ленина, массовые (десятками тысяч) расстрелы наших товарищей в Финляндии, на Украине и, наконец, на Дону и в Чехословакии, постоянно открываемые заговоры в тылу у наших армий, открытое признание правых эсеров и прочей контрреволюционной сволочи в этих заговорах (см. «Правду № 185 от 31 августа, статья под названием «Ценные признания») и в то же время чрезвычайно ничтожное количество серьезных репрессий и массовых расстрелов белогвардейцев и буржуазии со стороны местных советов — показывают, что, несмотря на постоянные слова о массовом терроре против эсеров, белогвардейцев и буржуазии, этого террора на самом деле нет. С таким положением должно быть решительно покончено. Расхлябанности и миндальничанию должен быть немедленно положен конец. Все известные местным советам правые эсеры должны быть немедленно арестованы. Из буржуазии и офицерства должно быть изъято значительное количество заложников. При малейших попытках сопротивления или малейшем движении в белогвардейской среде должен применяться безоговорочно массовый расстрел. Местные губисполкомы должны проявлять в этом направлении особую инициативу. Отдел управления через милицию и чрезвычайные комиссии должны принять все меры к выяснению и аресту всех скрывающихся под чужими именами и фамилиями лиц с безусловным расстрелом всех замешанных [в] белогвардейской работе. Все означенные меры должны быть проведены немедленно же. О[бо] всех нерешительных в этих направлениях действиях тех или иных местных советов зав[едующие] от[делами и] управ[лениями] обязаны немедленно донести народному комиссару внутренних дел. Тыл наших армий должен быть, наконец, окончательно очищен от[о] всякой белогвардейщины и всех подлых заговорщиков против власти рабочего класса и беднейшего крестьянства. Ни малейших колебаний, ни малейшей нерешительности в применении массового террора. Получение означенной телеграммы подтвердите. 10159/2121. Передать уездным советам. Нарком внутренних дел. Завотместуп Тихомир»⁷⁴.

2 сентября 1918 г. на заседании коммунистической фракции сотрудников ВЧК собравшиеся почтили вставанием память Урицкого и после этого единогласно утвердили следующий текст приветствия Ленину: «В настоящее время, когда власть в руках рабочих и крестьян, незаменимые [лица] борьбы за социализм подвергаются опасности — [стали нормой] убийства из-за угла. Фракция РКП сотрудников ВЧК, выражая Вам, дорогой Владимир Ильич, свое глубокое соболезнование и вместе с тем сознавая, что на нас выпала хоть доля на деле доказать, как мстят сознательные рабочие, если жалкие авантюристы осмеливаются посягнуть на жизнь вождей пролетариата, обещает стойко провести в жизнь заветы пролетариата, принести суровое возмездие жалким бандам контрреволюционеров и, если требуется, принести себя в жертву в борьбе с международным империализмом»⁷⁵.

3 сентября Карачевский уездный комитет Орловской губернии и Каширский уездный совет Тульской губернии, не сговариваясь, направили в более высокие инстанции (первый во ВЦИК и в копии в большевистский ЦК, второй в Московский областной комитет и в копии Бюро печати) заявления о «массовом терроре [против] буржуазии»⁷⁶, проведении в жизнь «беспощадного массового террора против всех врагов социалистической революции», и в их числе «эсеров и меньшевиков»⁷⁷.

Таким образом, у Свердлова 2 сентября были все возможности для обобщения инициативы масс и объявления массового красного террора, а также для проведения решения советского «парламента». Не случайно впоследствии Управляющий делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевич констатировал в своих воспоминаниях: «Кто помнит то время, кто имел счастье стоять тогда на передовых позициях борьбы за свободу народов, населявших наше обширнейшее государство, тот отлично знает, что провозглашение “революционной расправы” — красного террора Октябрьской революции — не явилось чем-то преждевременным, а наоборот, явно запоздавшим»⁷⁸.

Примечания

1. РАТЬКОВСКИЙ И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб. 2006.
2. Там же, с. 2.
3. Подробнее см.: Там же, с. 174 и др.
4. Новейшая история России. 1914—2011: Учебное пособие для бакалавров. М. 2013, с. 111.
5. ЛЕНИН В.И. Полное собрание сочинений. Т. 36. М. 1969, с. 398.
6. Цит. по: ЛИТВИН А.Л. Фейга Хаимовна Каплан. В кн.: Фанни Каплан, или кто стрелял в Ленина. Казань. 1995, с. 26.
7. ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. М. 1975, с. 106.
8. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. М. 1974, с. 42.
9. РАБИНОВИЧ А. Большевики у власти. М. 2007, с. 476.
10. Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стеногр. отчет. М. 1963, с. 100.
11. СВЕРДЛОВА К.Т. Яков Михайлович Свердлов. М. 1957, с. 475.
12. Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (март-июль 1918 г.). Т. 3. М. 1967, с. 408.
13. Там же (август-октябрь 1918 г.). Т. 4. М. 1969, с. 125.
14. Там же, с. 126—127.
15. Документы о героической обороне Царицына в 1918 году. М. 1942, с. 81.

16. Цит. по: РАБИНОВИЧ А. Ук. соч., с. 476.
17. Там же, с. 474.
18. Известия ЦК КПСС. 1989, № 5, с. 151.
19. РАБИНОВИЧ А. Ук. соч., с. 475—476.
20. ЛИТВИН А.Л. Как погиб Моисей Урицкий. В кн.: На фронте истории Гражданской войны. Памяти В.Д. Поликарпова. М. 2009, с. 323.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же, с. 322.
24. Там же, с. 327.
25. Там же, с. 328.
26. Там же, с. 330.
27. ЛИТВИН А.Л. Предисловие. В кн.: Фанни Каплан, или кто стрелял в Ленина, с. 3 и след.; КАЙКОВА О. «Непрерывная борьба из-за квартир...» — Родина. 2011, № 8, с. 36.
28. Линдлей Ф.О. (1872—1950) — поверенный в делах Великобритании в России (1918—1919).
29. Савинков Б.В. (1879—1925) — один из лидеров партии эсеров, активный борец с большевиками в годы Гражданской войны.
30. Локкарт Р.Г.Б. (1887—1970) — руководитель английской дипломатической миссии в РСФСР, летом 1918 г. организатор раскрытого ВЧК «заговора послов», направленного на свержение Совнаркома и его председателя.
31. Карахан Л.М. (1889—1937) — заместитель наркома по иностранным делам РСФСР (1918—1921).
32. Пуанкаре Р. (1860—1934) — французский государственный деятель.
33. Нуланс Ж. (1864—1939) — французский посол России (1917—1918), один из организаторов и вдохновителей антибольшевистских заговоров.
34. Ярославское восстание (в советской историографии — Ярославский мятеж) — антибольшевистское выступление 6—21 июля 1918 г., подавлено силами РККА.
35. Мария Стюарт (1942—1587) — королева Шотландии, приговорена к казни за поддержку идеи заговора против Елизаветы I Тюдор.
36. «Путь далекий до Типперери» — маршевая песня британской армии.
37. Редигировать — редактировать, излагать содержание статей.
38. «Шведская ежедневная газета», позиционирующая себя как «независимая умеренная», выходит с 1884 года.
39. Воровский Вацлав Вацлавич (1871—1923), в 1918 г. — полпред Советской России в Скандинавии.
40. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 326, оп. 2, д. 49, л. 14—15об. Дата — фиолетовые чернила.
41. Подр. см.: СОЛОМОН Г.А. Среди красных вождей. М. 1995, с. 58—59.
42. СВЕРДЛОВА К.Т. Ук. соч., с. 533.
43. Там же, с. 533.
44. Цит. по: Там же, с. 534.
45. Декреты советской власти (ДСВ). Т. 3. М. 1964, с. 266.
46. СОПЕЛЬНЯК Б. Три покушения на Ленина. М. 2005, с. 214.
47. ФЕЛЬТИНСКИЙ Ю.Г. Вожди в законе. М. 2008, с. 196.
48. ДСВ, т. 3, с. 266.
49. ФЕЛЬШТИНСКИЙ Ю.Г. Ук. соч., с. 196.
50. ДСВ, т. 3, с. 266.
51. Там же.
52. Там же.
53. Там же.
54. Там же.
55. ФОТИЕВА Л.А. Из жизни Ленина. М. 1959, с. 95.
56. ТРОЦКИЙ Л.Д. Моя жизнь. М. 2001, с. 398—399.
57. Там же.
58. Цитируется приказ по Красной армии и Красному флоту № 32 от 31 августа 1918 года. РГВА, ф. 4, оп. 3, д. 200, л. 59.

59. Там же.
60. СТАСОВА Е.Д. Воспоминания. М. 1969, с. 161.
61. СВЕРДЛОВА К.Т. Ук. соч., с. 533—534.
62. ЛИТВИН А.Л. Красный и белый террор в России 1918—1922. Казань. 1995, с. 188.
63. СТАЛИН И.В. Соч. Т. 4. М. 1947, с. 128.
64. Документы о героической обороне Царицына в 1918 году, с. 144.
65. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-9550, оп. 5, д. 544, л. 1.
66. Центральный государственный архив Московской области (ЦГА МО), ф. 66, оп. 1, д. 183, л. 119—120; Центральный архив общественно-политической истории Москвы (ЦАОПИ М), ф. 5196, оп. 11, д. 191, л. 246—247.
67. Там же, л. 191—193.
68. Там же, л. 193.
69. Там же, л. 252.
70. Там же, л. 274.
71. Там же, л. 275.
72. Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (август-октябрь 1918 г.), т. 4, с. 432.
73. Известия ЦК КПСС. 1989, № 5, с. 156.
74. ЦАОПИ М, ф. 5196, оп. 11, д. 191, л. 282—283.
75. ЦГА МО, ф. 64, оп. 2, д. 716, л. 67.
76. Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (август-октябрь 1918 г.), т. 4, с. 215.
77. Там же, с. 216.
78. БОНЧ-БРУЕВИЧ В.Д. Воспоминания о Ленине. М. 1969, с. 153.

ББК 46(571.651)63.3(2Р-6Чук)/УДК 636.294(571.651)(091)94(571.651).084.6

Первоначальная коллективизация в оленеводстве на Чукотке (1931—1933 гг.)

Л.Н. Хаховская

Аннотация. В работе дан анализ первоначального этапа коллективизации оленеводческих хозяйств Чукотки в 1931—1933 годах. Первое активное наступление на кочевников повлекло за собой рост социальной напряженности, при этом линии размежевания проходили между зажиточными и малооленными оленеводами, тундровыми и береговыми жителями, коренным и пришлым населением. Созданные в этот период оленеводческие колхозы состояли из малообеспеченных кочевников («батраков» и «бедняков»), были экономически неэффективными и неустойчивыми. Автор делает вывод об институциональной и инфраструктурной слабости аппарата управления, проводившего модернизацию традиционного природопользования.

Ключевые слова: коллективизация, оленеводство, Чукотка, колхозы, коренные народы Севера, кочевники, аборигены, модернизация, традиционное природопользование.

Abstract. The work analyzes the initial phase of collectivization reindeer household in Chukotka in 1931—1933 years. The first active attack on the nomads led to a rise in social tension. The demarcation line passed between the rich and the poor reindeer herders, between the residents of tundra and coast, between indigenous and migrant population. The reindeer collective farms created in this period consisted of poor nomads («the laborers» and «the poor»). It was economically inefficient and unsustainable. The author concludes that staff of management who carried out the modernization of the traditional economy, was weak in the institutional and infrastructural position.

Key words: collectivization, reindeer breeding, Chukotka, collective farms, indigenous peoples of the North, nomads, aborigines, modernization, traditional economy.

В советское время органы власти взяли в свои руки инициативу по определению направлений развития традиционного природопользования на северных окраинах государства. Соответственно коренное население лишилось возможности самостоятельно принимать решения относительно форм и способов ведения той или иной отрасли хозяйства. Оленеводческая отрасль с государственной точки зрения рассматривалась как одна из основополагающих в обеспече-

Хаховская Людмила Николаевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило ДВО РАН. Магадан. E-mail: hahovskaya@gmail.com.

Khakhovskaya Lyudmila N. — candidate of historical sciences, leading researcher of the North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute named after N.A. Shilo. Far East Branch of the Russian Academy of Sciences. Magadan. E-mail: hahovskaya@gmail.com.

нии и жизненном укладе северных народов, ее реформированию уделялось большое внимание. При этом олени, принадлежавшие сколько-нибудь зажиточным хозяевам, рассматривались как потенциальное общественное достояние, подлежащее обобществлению.

В данной работе на основе архивных источников освещается первоначальный период коллективизации оленеводческих хозяйств Чукотки. Опора на архивные сведения обусловлена, в том числе, крайней скудостью историографии: труды по истории советской Чукотки освещают тему коллективизации оленеводов, как правило, в общих чертах, без анализа конкретной локальной обстановки в определенный хронологический период¹. В центре внимания автора находятся процессы, протекавшие на местах в ходе проводимой сверху модернизации жизненного уклада кочевников и их адаптация к новым условиям.

Первое десятилетие советского реформирования аборигенной экономики характеризовалось противоречивостью, в особенности в отношении кочевников. Официальная линия преобразований не была строго выдержанной: она отмечена вехами наступления и отступления, отражавшими как общие процессы в стране, так и столкновение местных реформаторов с конкретным положением в различных местностях Чукотки. Сама установка высших органов власти на быструю коллективизацию оленеводства имела политическую природу, поэтому слабо учитывала реальную экономическую и социальную обстановку в регионе. В ходе проводимых реформ этот жесткий курс приходилось постоянно корректировать, что сопровождалось дискуссиями в среде самих партийных работников. Первое активное наступление на кочевников продолжалось всего несколько лет, но оно отмечено высокой степенью социальной напряженности как внутри аборигенного сообщества, так и между коренным и пришлым населением — теми, кто нес в тундру совершенно новую идеологию и практику.

К началу 1930-х гг. обобществленным поголовьем оленей обладали лишь единицы из вновь созданных колхозов (товариществ) в приморских районах Чукотки. Эти коллективные хозяйства имели комплексную экономику, преимущественное внимание уделяли морскому зверобойному промыслу. Основная масса охотников не намеревалась отказываться от привычного занятия и переквалифицироваться в оленеводов, тем более, что наличный размер стада не позволял этим колхозам выделить оленеводство в приоритетную или хотя бы экономически значимую отрасль. А в тундре советская работа только началась, и там оленеводы продолжали вести традиционное хозяйство.

В 1930 г. Дальневосточный краевой исполнительный комитет и Дальневосточный краевой интегральный союз установили крайне сжатые сроки проведения коллективизации оленеводческих хозяйств. Согласно их указанию, Чукотский окружной исполнительный комитет и Чукотский интегральный союз (ЧИС) должны были в течение трех с половиной лет организовать 38 колхозов с поголовьем 114 тыс. животных. В русле этой политики Дальневосточный краевой комитет ВКП(б) решением от 2 марта 1931 г. постановил ликвидировать в Чукотском национальном округе крупные оленеводческие хозяйства, конфисковать их стада и передать их колхозам. Таким образом, ликвидация крупных хозяйств признавалась основой сплошной коллективизации, а не ее результатом. 18 марта 1931 г. Дальневосточное оргбюро ВКП(б) по Чукотскому округу дало установку на экспроприацию крупных оленеводческих хозяйств и передачу их имущества товариществам со стандартной формулировкой: «В ближайшие два-три года провести сплошную коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса в Чукотском округе»². Кроме того, зажиточным оленеводам выдавались так называемые твердые задания по сдаче определенного количества животных в пользу организуемых колхозов.

Идеологической подоплекой происходившего являлась интерпретация большевиками социального уклада чукотских оленеводов с позиций классовой борьбы: реально существовавшее имущественное расслоение трактовалось в терминах марксистской политэкономии как жестокая эксплуатация и присвоение прибавочного продукта. По их мнению, «положение батраков и малооленных бедняков, нанимающихся в качестве пастухов к крупным кулакам оленеводам, определяется лишь только волей и характером хозяина и больше ничем»³. Этим подходом оправдывался курс на кардинальные реформы. В качестве опорных ориентиров социальной инженерии для краевых органов власти служили результаты хозяйственной переписи 1926—1927 гг., при этом за основу бралось количество оленей в хозяйстве без учета других факторов общественного и этнического плана — родственных, товарищеских связей, традиций взаимопомощи и взаимозависимости, архаичных обычаев и убеждений.

Согласно данным переписи, оленеводы делились на три социальные группы: бедняки, середняки и кулаки. Доля бедняков в общей численности кочевников составляла 79%, при этом они владели только 10% общего количества чукотских оленей (в среднем 28 оленей на 1 хозяйство). Доля середняков по численности равнялась 14%, по владению оленями — 18% (294 оленя на 1 хозяйство), а кулаки, составляя всего 7% тундрового населения, владели 72% оленей — на каждое домохозяйство приходилось 2057 животных⁴.

Руководство Чукотского округа придерживалось более радикального мнения, считая, что оленеводы подразделяются на пять социально-имущественных групп: батраки (пастухи без оленей или с 15—20 оленями); бедняки; середняки; зажиточные (кулаки) и крупные феодалы (численность которых составляла 20—25 хозяйств). Считалось, что основная масса чукотских оленеводов — это бедняки, которые в силу маргинального экономического положения будут поддерживать проводимые реформы. Основной удар планировалось направить против «феодалов», в руках которых сосредоточена «основная масса оленей» и «самые лучшие пастбища». Действительность же оказалась более сложной, чем выстроенные социологические схемы.

На практике отделить «феодалов» от «кулаков», а иногда и от середняков было затруднительно, поэтому репрессии затронули значительный круг кочевников. Исследователи считают, что «фактически... на местах были изъяты олени... у 192 хозяйств крупных и даже средних оленеводов»⁵, то есть коллективизации подверглось каждое десятое оленеводческое хозяйство. Давление на зажиточные семьи вызывало протестные действия со стороны оленеводов — они откочевывали в труднодоступные места, производили забой животных, прежде всего важенок (самок), оказывали вооруженное сопротивление. Тундра наполнилась слухами о том, что русские отбирают оленей и выгоняют чукчей с их земли.

В массовом сознании аборигенов имевший политическую подоплеку советский модернизационный процесс принимал этническую окраску и вызывал к жизни явление, которое советские работники называли американофильством. Исторически сложилось так, что чукотские аборигены в течение длительного времени (вторая половина XVIII — первая четверть XX в.) постоянно контактировали с американцами, и эти взаимодействия (в форме торгового обмена, работы на американских промысловых судах, других связей) существенным образом трансформировали этнокультурный облик аборигенов. Произошли изменения в способах ведения хозяйства, продукция традиционных отраслей стала предметом рыночного обмена, обозначились социальные сдвиги — формирование зажиточной прослойки и имущественной иерархии.

Интенсивный торговый обмен с американцами на фоне хронического недоснабжения первых советских лет получил положительную ретроспективную оценку: «Когда были американцы, то снабжение было лучше, придут амери-

канцы и опять будет лучше»⁶. Товарное изобилие и невмешательство в общественную жизнь и внутренние взаимоотношения послужили причиной того, что «эпоха американцев» в глазах чукотских аборигенов выглядела привлекательной. Атмосфера противопоставления была характерна, прежде всего, для берегового населения, имевшего гораздо больший опыт общения с подданными соседнего государства, но она проникала и в тундру.

Весной 1932 г. старший ветеринарный фельдшер ветеринарного пункта Чукотской культбазы И.Л. Тихоненко посетил оленеводов Чукотского района. По его словам, обитатели некоторых стойбищ требовали, «...чтобы он как русский человек немедленно уезжал с их земли». Протест объясняли этническими предпочтениями: «Свою землю... мы никому, кроме американцев, топтать не позволим»⁷. Более глубокий подтекст ментального плана заключался в том, что с американским присутствием связывалось представление о богатстве и благополучии, а с советским — напротив, о трудностях и обнищании: «Это моя земля, и пусть русские тут не ходят и не ездят. Пусть они отсюда уезжают, а то мы станем бедные. Пусть к нам придут наши американцы и тогда мы все станем жить хорошо и богато». В связи с этим чукчи-олeneводы запретили фельдшеру производить экстерьерный обмер оленей, заявив следующее: «... считать и смотреть оленей мы русского пустим тогда, когда с ним будут американцы»⁸.

У определенной части оленеводов любое иноэтничное влияние связывалось с опасностью потерять «оленье счастье», эту неуловимую, но могущественную субстанцию, в которую верили чукчи: «На вопрос, почему не нужен [нацсовет], отвечали: “Коо” (не знаю), “чамам” (невозможно). Наконец, один из участников собрания заявил, что когда-то давно в Уэлене чукча Тынеткат был выбран американцами в начальники, после этого все его большое стадо пропало»⁹. Необходимость противостоять пришельцам ради сохранения привычного уклада жизни приводила к появлению этнической солидарности, формы выражения которой подчас были шокирующими для советских сотрудников.

Действительно, функционирование традиционной экономики было возможно только при условии существования социальных полюсов — зажиточных оленеводов, обладавших крупным поголовьем животных, и малоимущих или даже безоленных пастухов, вынужденных подражаться на окарауливание стад многооленных хозяев. Данная социальная структура была настолько укоренена в традиционном обществе, что действия по ее разрушению, выраженные и в организации колхозов, и в курсе на изоляцию «кулаков и шаманов», вызывали болезненную реакцию внутри этнического сообщества. Так, из состава участников второго съезда Советов Анадырского района (1932 г.) единодушно, согласно архивному источнику, был изгнан шаман, и, к удовлетворению партийных руководителей, «ни один делегат не покинул съезд»¹⁰. Однако эта акция, инспирированная внешними по отношению к аборигенному сообществу силами, не прошла бесследно:

«На другой день районному съезду Советов пришлось вторично пережить большое испытание. Во время работы съезда один из делегатов без одного выкрика колет себя чукотским ножом прямо в сердце. Факт самоубийства налицо. Такого трюка никто не ожидал. Это событие мы поставили в политическую плоскость, как провокация кулаков и шаманов, направленная против батрацко-бедняцкой и середняцкой части. Самоубийца оказался бедняк, член тузсовета. Мы объяснили делегатам съезда, что это кулаки и шаманы заставили его пойти на самоубийство, застрашали его... для того чтобы сорвать работу. Послали за семьей самоубийцы и на другой день съездом похоронили жертву классовой борьбы»¹¹.

Этническая и социальная солидарность, основанная на экономических, родственных и товарищеских связях, сплачивала аборигенное сообщество множе-

ством незримых нитей, поэтому ставка на классовое сознание и коллективистское поведение пастухов срабатывала далеко не так часто, как на это надеялись советские реформаторы. Так, в материалах I окружной партийной конференции (апрель 1932 г.) указывалось: «На [Усть-] Белой... некоторые бедняки и батраки заявляли “хозяин нас кормит, незачем у него покупать оленей”. На местах организованы группы бедноты, но после выезда оттуда уполномоченных эта работа встанет и они распадутся»¹². Оторвать «батрака» от «кулака», разорвать эту веками складывавшуюся связь стало насущной задачей советских реформаторов.

Для достижения этой цели, помимо насильственных методов, применялись экономические и финансовые рычаги — первоочередное снабжение товарами малообеспеченной прослойки оленеводов, предоставление кредитов той их части, которая объединялась в товарищества по совместному выпасу оленей. Эти меры приносили определенный результат среди бедных кочевников, перемещавшихся в весенне-летний сезон к берегу ради морской охоты и сбережения таким путем своих скудных стад: «Правильная политика снабжения, кредитования в [Чукотском] районе способствовала усилению колхозного строительства. “Кольхоз” стал известным не только среди берегового населения, о “кольхозе” говорят и в тундре»¹³.

На первых порах в организуемые артели вступали главным образом экономически маломощные хозяйства, так как их привлекала возможность получить помощь государства. Такие хозяйства, созданные ради потребления, а не ради производства, существовали формально и легко распадались. Например, в Анадырском районе в 1929 г. семь оленеводческих домохозяйств объединились в единственное в районе оленеводческое товарищество «Тундровик», но обобществили они всего 120 животных, а большую часть оставили в личной собственности. Получив для приобретения дополнительного поголовья ссуду в размере 3,5 тыс. руб., артельщики закупили 50 быков и одну важенку, имея в виду не преумножение стада, а текущее потребление. Как значится в архивных документах, «олений купили, всех съели. Получили сахар, чай, табак и т.д., съели и покурили».

В Чукотском районе по инициативе малооленных пастухов Ильмоча и Тнеуги, делегатов окружного съезда Советов, весной 1931 г. был организован Мечигменский оленеводческо-промысловый колхоз, в который вошли 16 хозяйств (12 бедняцких и 4 середняцких), владевшие 1 тыс. оленей. Колхоз объединил «50 членов, 88 едоков» и несомненно был создан в расчете на государственную помощь, так как от тысячного стада могла прокормиться семья в составе не более 8—10 чел., и то при условии вспомогательных источников питания (от рыболовства, охоты) или доходов (от пушной охоты). Вступившие в него пастухи увидели реальную возможность избежать необходимости постоянно наниматься в работники к крупным оленеводам.

Подобные коллективы имели прежде всего социально-политическое значение как пример вовлечения оленеводов в советский аграрный сектор, но экономический эффект от их деятельности отсутствовал. Между тем, советизация береговых жителей и малоимущей прослойки тяготевших к берегу пастухов способствовала определенному размежеванию между берегом и тундрой, между зажиточными оленеводами и теми из малооленных хозяев, кто пошел за новой властью. Крупные оленеводы, оказывавшие сопротивление советской власти, видели в них своего рода отступников, перешедших на сторону русских. Например, в январе 1932 г. группа советских работников прибыла в стойбище зажиточного оленевода Лелеле с целью избрать орган самоуправления (нацсовет). Собрание длилось четыре часа, на все призывы агитаторов собравшиеся отвечали категорическим отказом. Мотивация этого упорного нежелания договариваться заключалась в противопоставлении интересов тундры

и берега: «Нам при стаде совет не нужен, береговым нужен, пусть они и выби-
рают»¹⁴.

Взаимоотношения между береговым населением и кочевниками всегда были непростыми, а начавшаяся коллективизация лишь усугубила диссонанс между крупными хозяевами оленьих стад и морскими зверобоями, так как последние зачастую выступали в роли просителей, а первые считали себя благодетелями и диктовали свои условия при натуральном обмене. О таких аспектах взаимоотношений оленеводов и приморцев свидетельствует описание эпизода обмена между ними, сделанное И.С. Вдовиным 8—10 сентября 1932 г. в стойбище зажиточного хозяина Паполо. Дело происходило во время массового осеннего забоя оленей, большая часть животных предназначалась для обмена на необходимые семье Паполо товары.

«[Паполо] носился по табуну как метеор, и то и дело его чаат, свистая в воздухе, падал на рога очередной жертвы. Сыновья и работники не успевали отводить пойманных оленей в сторону к целой армии береговых покупателей... Около 2 часов убой приостановился... Паполо... начал допрос, кто каких оленей ободрал, сколько и какого товара привез на обмен, причем все внимание его было сосредоточено на жире, лахтаках, ремнях, обуви — слушая перечисление привезенного товара, он кончал допрос как только дело доходило до чая, табаку, сахару... После опроса он начал принимать товар. Спрашивал имя, откуда, и если это оказывался хозяин вельбота — зажиточный береговой, то ему добавлялись еще олень или два...

Паполо является вершителем этой торговли, он диктует и цены и количество убиваемых оленей, причем стоимость оленя в переводе на деньги не превышает 20 руб. Самым распространенным эквивалентом у него является “пыпа жира¹⁵ — олень”. При оценке товаров ни один из береговых не осмелился просить еще оленя или сказать, что его товар расценивается дешево. От такого рода обмена выигрывает определенная часть наиболее зажиточных береговых — хозяев вельботов, которым он убивает и лучших и более крупных оленей. Более же бедные получают 2—3 оленя, тогда как первые 7—8 и даже больше»¹⁶.

Успехи первой волны коллективизации были скромными, а социальный и экономический урон оказался весьма значительным. На 1 апреля 1932 г. на Чукотке существовало 41 коллективное хозяйство, из них 9 оленеводческих. В личной собственности членов этих хозяйств (145 семей) было 15 тыс. голов, а в общественном стаде лишь 615 животных¹⁷. По организационной форме это были преимущественно товарищества, несколько сельскохозяйственных артелей (то есть собственно колхозов) и один совхоз («Снежное»), который должен был стать образцово-показательным оленеводческим хозяйством. Основой формирования общественного стада хозяйств стали закупки у зажиточных оленеводов, экспроприация у них же и обобществление части личных животных колхозников.

Оленеводческие товарищества состояли, как правило, из малооленных хозяев, которых было легче склонить к совместному кочеванию и выпасу, поскольку такая форма объединения существовала и в традиционном обществе, хотя и не была широко распространена. Советские реформаторы в создании товариществ и колхозов делали ставку именно на таких пастухов, считая их стихийными коллективистами и уповая на прочность таких объединений. При этом не учитывались два основных момента. Во-первых, на самом деле каждый малооленный хозяин изо всех сил стремился стать самодостаточным. Во-вторых, устойчивость и эффективность крупностадного чукотского оленеводства поддерживалась существованием экономического расслоения и социального неравенства среди оленеводов. Объединения же малооленных хозяев были нестойкими и быстро распались. Поэтому в практической деятельности рефор-

маторов порой случались казусы: надевая малооленных пастухов животными (например, в качестве платы за работу у «кулака»), из них надеялись сделать коллективистов, но происходило обратное — пастухи становились самостоятельными хозяевами и откочевывали.

Вызванное коллективизацией нарушение привычного уклада жизни оленеводов в сочетании с неблагоприятными климатическими условиями зимы 1931—1932 гг. привели к значительному сокращению численности чукотских оленей. Некоторые авторы полагают, что потери составляли почти пятую часть поголовья, от 104,3 до 130 тыс. голов¹⁸. Дальнейший ход событий вызвал у ряда партийных работников понимание ошибочности взятого курса. Эти люди на собственном практическом опыте убедились в неэффективности экспроприации большого количества животных у крупных ставладельцев (так называемых кулаков). Изымаемых оленей просто некому было отдавать, и они погибали, пропадали, проедались. Так, на IV окружной партийной конференции (май 1938 г.) начальник Чукотского треста ГУСМП Михайлов заявил: «Я свидетель перегибов 1932—33 года в округе, когда почти все взятые у кулачества олени погибли или были снова забраны кулаками. Необходимо [было] подготовить бедноту к освоению стад кулачества»¹⁹.

Далее, в результате практической деятельности была признана ошибочность прежних представлений о социальной структуре оленеводов: «Фактически положение кочевников такое — бедняки 33%, середняки 56%, кулаки 11%»²⁰. Таким образом, оказалось, что основную массу оленеводов составляли хозяйства среднего достатка, а не бедняки, как полагали прежде. Напряженная социальная обстановка на всем Северо-Востоке привела к тому, что постановлением от 2 марта 1932 г. Далькрайком ВКП(б) отменил наступление на крупных собственников. И хотя инерция курса на ускоренную коллективизацию еще владели чукотскими руководителями, к началу 1934 г. она существенно ослабела.

Некоторые большевики причину неудачи кампании 1931—1933 гг. видели в организационном и личностном факторах: «Раньше колхозами руководил Интегралсоюз, который вводил очень много разных смешанных уставов, которые не давали правильного направления в укреплении колхозов... Бывший секретарь окружкома... давала установки ликвидировать кулаков, применяя силы милиции и органов НКВД и создания на этой основе колхозов... В этом основной корень ошибок окружкома»²¹. Действительно, для кооперативных организаций (к 1930 г. преобразованных в структуры Интегрального союза), в ведении которых до 1934 г. находились создаваемые оленеводческие коллективные хозяйства, основной являлась торговая деятельность, а организация и поддержка колхозов были второстепенной задачей.

В сфере же торговли с кооперативами соперничали фактории Акционерного Камчатского общества (АКО), причем последние были более успешными в закупке пушнины и другого сырья (так как обладали более разветвленной сетью и большим количеством товаров) и тем самым мешали кооперировать местное население: «Кооперация была слаба, а основная заготовляющая и снабжающая наш округ организация — это АКО, фактории которого, раскинутые на территории нашего округа, торговали так: принесет туземец пушнину, пыжик, жир, шкуру, — принимали, давали в обмен ситец, патроны, чай, табак и т.д., не принесет — тоже ладно. Но, поскольку туземец нуждался в этих товарах, он шел в факторию»²².

Таким образом, для первоначального периода коллективизации чукотского оленеводства характерна институциональная и инфраструктурная слабость аппарата управления, в задачи которого входила модернизация традиционной экономики. Чукотский интегральный союз и его структуры на местах не были заинтересованы в организации и поддержке оленеводческих колхозов, а роль

партийных органов в тундре сводилась к отдельным кампаниям, связанным прежде всего с формированием местных органов власти (нацсоветов). Руководители Чукотского округа к концу первого этапа коллективизации констатировали: «Нужно прямо сказать, что среди кочевников колхозов в настоящем смысле нет. Ни у одного из колхозов нет ни устава, ни разделения труда, о распределении доходов смутное понятие... Хозяином в тундре до сих пор остается кулак, который по-прежнему сильнейшим образом эксплуатирует бедняков»²³.

Примечания

Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ 14-01-00061а «Культурно-историческое развитие коренных народов Чукотки в советский и постсоветский период».

1. СЕРГЕЕВ М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.-Л. 1955; ГАРУСОВ И.С. Социалистическое переустройство сельского и промышленного хозяйства Чукотки (1917—1952 гг.). Магадан. 1981; БАЦАЕВ И.Д. Сельское и промышленное хозяйство Северо-Востока России 1929—1953 гг. Магадан. 1997; Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск. 1974; История и культура чукчей: историко-этнографические очерки. Л. 1987; История Чукотки. М. 1989.
2. ГАРУСОВ И.С. Ук. соч., с. 80.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-3977, оп. 1, д. 1112, л. 364.
4. Составлено по: Государственный архив Магаданской области (ГА МО), ф. П-22, оп. 1, д. 54, л. 57.
5. ГАРУСОВ И.С. Ук. соч., с. 80.
6. ГА МО, ф. П-12, оп. 1, д. 24, л. 69.
7. ГА РФ, ф. Р-3977, оп. 1, д. 1126, л. 7, 112.
8. Там же.
9. Там же, л. 14.
10. ГА МО, ф. П-22, оп. 1, д. 2, л. 35.
11. Там же.
12. Там же, л. 59.
13. Там же, ф. П-12, оп. 1, д. 8, л. 47.
14. ГА РФ, ф. Р-3977, оп. 1, д. 1126, л. 14.
15. Пыпа жира — тюлений или моржовый жир, помещенный в пыг-пыг — снятую чулком шкуру мелкого ластоногого (тюленя).
16. Научный архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ РАН), ф. 36, оп. 1, д. 23, л. 2—5.
17. ГА МО, ф. П-22, оп. 1, д. 2, л. 12.
18. ГАРУСОВ И.С. Ук. соч., с. 81, 92.
19. ГА МО, ф. П-22, оп. 1, д. 38, л. 34.
20. Там же, д. 3, л. 32об.
21. Там же, д. 54, л. 3.
22. Там же, д. 2, л. 93.
23. Там же, ф. П-12, оп. 1, д. 14, л. 29.

Деструктивное поведение сибирских партизан и повстанцев в годы Гражданской войны

И.В. Курышев

Аннотация. В работе рассматривается деструктивная поведенческая деятельность сибирских партизан и повстанцев в период Гражданской войны, а также ее основные формы и мотивы. Автор сосредоточил внимание на описании внешнедеструктивного, антисоциального поведения, репрессивно-террористической деятельности партизан и повстанцев в 1919—1921 годы. Он приходит к выводу о том, что мировосприятие, порожденное гражданской войной, закономерно обуславливало различные проявления деструктивного поведения и после ее окончания.

Ключевые слова: деструктивное поведение, коллективная ответственность, террор, ненависть, месть, партизаны, повстанцы, уголовники, священнослужители, коммунисты.

Abstract. The article deals with destructive behavior of Siberian guerrillas and insurgents at the height of the Civil War and motives of this behaviour. The author gives attention to the description of external destructive, antisocial conduct, repressive and terrorist activity of guerrillas and insurgents in the years 1919 to 1921. He comes to the conclusion that the attitude generated by the Civil War naturally caused various manifestations of destructive behavior after the war was over.

Key words: destructive behavior, collective responsibility, terror, hatred, revenge, guerrillas, insurgents, criminals, priests, communists.

Пароксизмы крестьянско-партизанского сопротивления в период гражданской войны в Сибири, нашедшие выражение в различных формах деструктивного поведения, начали изучаться только в постсоветский период. Однако и в современных исследованиях целостный анализ природы этого явления пока не воссоздан. По мнению Эриха Фромма, спонтанные взрывы агрессии стимулируют такие исторические обстоятельства, как, например, «войны, религиозные или политические конфликты, нужда и чувство обездоленности»¹. События гражданской войны неизбежно провоцировали вспышку стихийных проявлений деструктивной энергии, агрессивности.

Курьшев Игорь Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Ишимского педагогического института, филиала Тюменского государственного университета. Ишим. E-mail: igor.kuryshhev.69@mail.ru.

Kuryshhev Igor V. — candidate of historical sciences, associate professor at the Ishim Teacher Training Institute, branch of the Tyumen State University. Ishim. E-mail: igor.kuryshhev.69@mail.ru.

Первые историки партизанского движения в регионе справедливо указывали, что первоначально организация партизанских частей была очень примитивна — они представляли собой группы людей, объединенных общей ненавистью к Колчаку и старым царским порядкам ².

При этом в начальный период их деятельность нередко носила чисто уголовный характер и сводилась к экспроприациям и убийствам богатых крестьян, спекулянтов, попов, колчаковских осведомителей, милиционеров. По мере развития повстанческого движения различные партизанские группировки объединялись на почве ненависти к колчаковщине.

Среди сибирских повстанцев-партизан выделялся мощный слой маргиналов, со всеми характерными для них личностно-психологическими чертами. Разрушение прежней системы ценностей, неудовлетворительные социально-бытовые условия — все эти факторы вызывают состояние социальной отверженности личности, что формирует готовность к преступному поведению.

Нельзя не учитывать и чрезмерную жестокость, эмоциональность, масштабность белого террора, направленного не только против участников антиколчаковского повстанческо-партизанского движения, но также против пленных и мирного населения. В качестве примера сошлемся, например, на такой типичный и в то же время выразительный факт. По свидетельству партизанского мемуариста И.Я. Третьяка, командовавшего «Первой горно-конной партизанской дивизией» в Горном Алтае, «... повстанцы от наших разведчиков, а также от знакомых и родных получили сведения о судьбе тех повстанцев, которые, поверив обещаниям карателей, спустились с гор и вернулись домой. Их немедленно арестовали и доставили в штаб, где после допроса драли плетью и пороли шомполами до потери сознания. Когда же избитые и иссеченные приходили в чувство, их угоняли за деревню, а там шашками отрубали головы. Добровольно же сдававшихся очень часто, после изрядной порки, отправляли под конвоем в Чарышскую станицу, где обычно порка повторялась, а затем пленных выводили за станицу на лужайку, заставляли их рыть для себя могилу, после чего пленных ставили на колени возле ямы и взмахом шашки отрубали головы, а обезглавленные трупы стаскивали в яму. Нередко пленные в течение нескольких дней применялись как рабочая сила в казачьих хозяйствах, а затем их убивали» ³.

Основными мотивами поведенческой деятельности наиболее активной части повстанцев и партизан на всем протяжении Гражданской войны (1918—1921 гг.) являлись ненависть, чувство мести по отношению к существующей власти и ее представителям на местах, а также ко всем, кто так или иначе ассоциировался с враждебными элементами, и стремление отстоять свое право на существование. Эти чувства являлись мощным фактором сплочения, способствуя смелым и решительным налетам партизан на вражеские объекты. Так, в воспоминаниях одного из них подчеркивалось: «Единственным желанием каждого партизана было иметь огнестрельное оружие, чтобы отомстить негодьям за зверства, чинимые над беззащитным населением деревень» ⁴.

В одном из воззваний прослеживается довольно характерная апелляция к пробуждению негативных социальных эмоций и чувств в партизанской среде: «Товарищи! Неужели вы забыли тяжелые подати и поборы, [которые] собирались с вас не столько на содержание ваших работников, сколько на пополнение промотавшихся главарей белой банды, которые сорили вашим потом и кровью добытые из земли гроши и копейки по разным увеселительным заведениям и вертепам разврата, которыми обольщали и обманывали наших дочерей, сестер и даже жен-матерей. Братья! Неужели мы забудем этот позор? Никогда!...» ⁵

Чувство непримиримой ненависти, культивирование образа врага в лице колчаковских карательных отрядов были характерны для мировосприятия партизан. Так, восставшие крестьяне Канского уезда Енисейской губернии в своем

воззвании давали резко отрицательную характеристику врагу, обосновывая кровавый террор против белых: «Товарищам борцам за свободу... Что может быть позорнее бегства врага от Тасеевой!.. Эти мерзавцы, имея артиллерию, пулеметы, бомбы и прочее, будучи вооружены с ног до головы, бежали от Вас; от какой-нибудь горсти храбрецов, бежали как воры, как стервы, прятались в подполье, в солому. Разве это воины!.. Это толпа подлецов, трусов и воров. Так пусть же им будет смерть воровская — за каждую жертву с нашей стороны они заплатят десятками жертв...»⁶

Особенно много о зверствах партизан, «большевистских банд» в колчаковском тылу писали кадетские газеты. Так, в одной из корреспонденций под названием «Два месяца в плену у бандитов» акцентировалось внимание на репрессивных, террористических акциях со стороны партизанских отрядов в Каменском уезде Алтайской губернии: «... После отступления красных из села Платавы, вошли белые. Войдя в село, они стали расспрашивать крестьян о большевиках и комиссарах. Крестьянка Матрёна указала, где жил комиссар, а 16-летний Платон Кадочников сказал, кто в селе большевики. Через некоторое время белые ушли, вошли красные, и первым делом покончили с несчастными... Убито было за эти дни 11 человек “буржуев”. Кроме этих жертв, у парадного подъезда были убиты торгующий крестьянин села Баевского Стахнеев и какой-то неизвестный священник или дьякон. Этим лиц обезглавили, всю одежду с них сняли»⁷.

В целом для Гражданской войны была характерна коллективная ответственность, когда от рук повстанцев нередко страдали неповинные люди, которых огульно причисляли к врагам, — жены и дети белых офицеров, учителя, врачи, становившиеся случайными жертвами ненависти, озлобления, мести или же просто рокового стечения обстоятельств.

Один из колчаковских корреспондентов З. Лин описывал злодеяния «красных» партизан в серии публикаций под зловещим названием «Красные ужасы»⁸. В частности, по сообщению автора, 11 августа 1919 г. в селе Большая Речка был убит шестнадцатилетний сын объездчика Филатова Иван, а в период между 15 и 20 августа в деревне Усть-Алейской — вся его семья. Она состояла из жены и четырех малолетних детей, из которых младшему было всего полтора года⁹. Подобные факты подтверждаются и архивными данными, например, из докладов управляющих губерний Сибири министру внутренних дел правительства А.В. Колчака¹⁰.

Немалый интерес в качестве исторического источника представляют мемуары бывших партизан, еще слабо изученные, либо вообще не введенные в научный оборот.

Анализируя воспоминания, написанные в 1920-х — середине 1930-х гг., можно обнаружить достаточно глубокие изменения в человеческом сознании, которые произошли под влиянием ожесточенной, кровавой борьбы, расколовшей общество.

Непосредственный участник событий И.В. Громов (Мамонов), ставший впоследствии командиром партизанского корпуса, так объяснял социальные мотивы и причины партизанского террора: «Мы решили в противовес белому террору, чинимому карательными отрядами, объявить красный террор и... расстреляли две кулацкие семьи вместе с их детьми.

Наверно, кто будет читать мои воспоминания, назовет нас зверями за нашу расправу, но должен сказать, что мы шли на это вполне сознательно, чтобы этим красным террором приостановить белый террор и этим самым спасти сотни и тысячи невинных человеческих жизней, которых выдавало кулачество как большевиков»¹¹.

В годы революционных потрясений царская и духовная власть из предмета высшего почитания и священного поклонения превратились в символ безнрав-

ственности. По данным В.В. Галина, количество погибших от террора священников во время Гражданской войны составило примерно 30 тыс. человек ¹².

К тому же некоторые из священнослужителей активно сотрудничали с белогвардейскими карательными отрядами, являлись организаторами отрядов Святого Креста, Зеленого Знамени, воевавших с партизанами. Так, на основании показаний ряда допрошенных свидетелей, сотрудники ОГПУ предъявили обвинение бывшему священнику села Евгацино Тарского уезда Василию Богинскому в участии в карательных операциях против местных крестьян, сопротивлявшихся белым ¹³. На допросе 28 апреля 1926 г. В.И. Богинский, отрицая предъявленные ему обвинения в контрреволюции, показал: «... По моему распоряжению, инициативе и доносу никто не арестовывался. Я пользовался огромным авторитетом среди крестьян» ¹⁴. Однако омская судебная коллегия приговорила его к расстрелу ¹⁵.

Попытки представителей православной церкви примирить мятежников с суровой действительностью встречали с их стороны чувства неприязни, последствия которой сохранялись в сознании крестьянства еще длительное время и после восстановления Советской власти в Сибири.

Нередко прихожане безучастно или даже с одобрением встречали акты жестоких партизанских расправ над священнослужителями. После взятия 12 декабря 1919 г. села Тогул на границе Бийского и Кузнецкого уездов его жители сдались партизанскому батальону М.З. Белокобыльского, воевавшему на стороне Г. Рогова. При большом скоплении народа партизаны заживо сожгли 16 священнослужителей. Всего у с. Тогул после восемнадцатидневного штурма, сопровождавшегося огромными потерями, этим отрядом было зарублено около 350 пленных ¹⁶.

Объясняя причины ненависти населения к священнослужителям в Гражданскую войну, один из старообрядческих деятелей Шалаев отмечал: «... Священство и полиция так взаимно смешались... Вполне понятна и проявляемая ныне ужасающая ненависть народа, по крайней мере, в лице большевиков, к духовенству, к храмам, к святыням: ведь все это отождествляется со старым ненавистным режимом, со всеми его насилиями, неправдами, гнусностями» ¹⁷.

Однако немало партизан без православной церкви обойтись не могло, о чем свидетельствуют, например, проходившие в Западной Сибири в конце 1919 — начале 1920-х гг. антиколчаковские манифестации сельских жителей, сопровождавшиеся церковными молебнами ¹⁸.

Крестьянин села Краснореченско-Заводского Енисейской губернии А.М. Лисавенко, сетуя на расправы в отношении служителей церкви, отмечал в письме от 2 февраля 1919 г. на имя П.В. Вологодского, председателя Совета министров Российского правительства: «В доброе старое время сельские священники в церквях говорили проповеди, в которых уличали пороки местных жителей, а теперь священники почти не говорят проповедей из-за боязни быть убитым; такие были случаи: ночью придут и просят напутствовать больного, и в результате убьют. В данное время проповеди нужны как никогда. Отделение церкви от государства преждевременно» ¹⁹.

Деструктивное поведение партизан, вызванное чувством мести, жадной грабежа и насилия, ярко проявилось в погромах сибирских городов в конце 1919 — первой половине 1920-х годов. Как вспоминал председатель партизанского ревкома в Бийском уезде И.Я. Огородников, «многие партизаны выехали только для наживы, а не для защиты кого бы то ни было...» ²⁰

Деструктивное поведение сибирских партизан, а также повстанческих формирований, отступавших под натиском регулярной Красной армии, наиболее отчетливо выразилось в опустошительных погромах городов Кузнецка, Николаевска-на-Амуре, а также Каркаралинска.

9 декабря 1919 г. в г. Кузнецк Томской губернии вошли отряды Рогова и Новосёлова. В общей сложности в городе за одну неделю побывали от четырех до шести «партизанских» отрядов; кроме того, уголовники, выпущенные из тюрьмы, приняли самое деятельное участие в кровавой вакханалии грабежей и убийств в Кузнецке. Мужики окрестных деревень бросились грабить город. По утверждению Н.И. Кузнецова, воспоминания горожан пестрят утверждениями, что во многих случаях убивали или пытались убить людей их собственные соседи, и назывались многие известные в то время в Кузнецке фамилии ²¹.

Партизан Н.И. Баталов свидетельствовал о том, что сам Григорий Рогов не поощрял грабежей и насилий со стороны партизан и пытался бороться с актами деструктивного поведения со стороны своих подчиненных: «Перед Кузнецком отряд был остановлен, и Рогов предупредил партизан, что за грабеж, за насилие виновные, будут расстреливаться на месте преступления без суда» ²².

В докладе члена Сибревкома В.М. Косарева в ЦК РКП (б) в феврале 1920 г. о партизанском отряде Рогова говорилось следующее: «Отряд Рогова был самый ненадежный. Сам Рогов — крестьянин, но его правая рука — Новосёлов — анархист. Ядро этого отряда — “анархисты”, бежавшие из тюрем уголовные и разная авантюристская публика. В Кузнецке были ею сожжены все церкви, убито до 400 человек. Город подвергся разграблению, за что отряд был разрушен. Рогов, Новосёлов и те с ними были арестованы и преданы суду. Но заслуга Рогова все-таки немалая. Он начал организовывать отряды. Теперь многие села выносят приговоры с просьбой о помиловании Рогова» ²³.

Впоследствии непосредственные участники партизанского движения на стороне Григория Рогова отрицали приписываемые их отряду жестокость и убийства ²⁴. Подчеркнем, что, действительно, партизанское командование в целях улучшения боеспособности и воинской дисциплины партизанских частей неоднократно предпринимало решительные попытки в борьбе с различными проявлениями моральной деградации, насилия и т.п. ²⁵. Правда, далеко не все из них и не всегда приводили к желаемому результату.

Террор партизанского отряда А. Тряпицына, захватившего Николаевск-на-Амуре Сахалинской области, по жестокости и масштабам не имеет аналогов в истории всего партизанского движения на востоке России. Оказавшийся позже в эмиграции журналист А. Ган объединил множество свидетельских показаний о преступлениях партизан Тряпицына. Эмигрантские круги положительно оценили этот труд журналиста, собравшего десятки достоверных свидетельских показаний о николаевской трагедии ²⁶.

По свидетельству Я.Г. Добисова, в захваченном партизанскими отрядами в феврале 1920 г. Николаевске-на-Амуре с первых же дней начались аресты: «Арестовывали без всякой видимой причины: по оговорам как пришлых партизан, так и местных обывателей... Арестовывали не только буржуазию, интеллигенцию или крупное чиновничество, но всех без разбора, арестовывали и мелких служащих почтово-телеграфных, и таможенных и других, мелких приказчиков, рабочих... До 10 числа мы о казнях не слышали, но 10 числа я узнал от партизан, что в ночь с 9 на 10-е февраля было расстреляно 33 человека офицеров» ²⁷.

Преимущественно расправы организовывались особым экспедиционным отрядом, состоявшим из пришлых людей, бывших уголовников, а также китайцев. Ближайшее окружение Тряпицына составляли лица с уголовным прошлым — Биценко, Будрин, Лапта, Оцевилли-Павлуцкий, Сасов. Характерно, что вожди коммуны были первоначально признаны руководством страны как советские руководители Сахалинской области.

Только за 4 дня, с 12 по 16 марта 1920 г., тряпицынскими партизанами под командованием Леодорского было убито 1500 человек — русских и японцев ²⁸. По свидетельству очевидцев, однажды трупы убитых жителей Николаев-

ска везли сразу на 15 подводах; причем, среди них были такие, у которых имелось по двадцать ран ²⁹.

В ходе массового ультрареволюционного террора отряды Тряпицына только по минимальным оценкам уничтожили около 7 тыс. мирных жителей г. Николаевска-на-Амуре.

Во время антикоммунистических крестьянских восстаний 1920—1921 гг. в Сибири и Казахстане с новой силой развернулся широкомасштабный, во многом стихийный повстанческий террор, теперь уже направленный против представителей советской власти, коммунистов и членов их семей. Командир 85-й стрелковой бригады Н.Н. Рахманов, характеризуя идеологию повстанческого движения, подчеркивал: «Кулачество, попы, кооператоры, лесничество, разные отбросы старого режима, колчаковцы, спрятавшиеся по глухим деревням, сумели разъяснить и убедить крестьян, что главным врагом, причиняющим лишения крестьянам, является коммуна, коммунистическая партия. В результате этой агитации вся ненависть восставших крестьян пала на коммунистов...» ³⁰

Жестокому разгрому подвергли маленький уездный город Каркаралинск Семипалатинской губернии деморализованные повстанцы 1-й Сибирской казачьей (народной) дивизии, отступавшие вглубь казахских степей и далее в Синьцзян. Эта дивизия состояла из участников Ишимско-Петропавловского антикоммунистического крестьянского восстания 1921 г., сибирских казаков, дезертиров Красной армии, численностью в 2,5—3 тыс. человек ³¹.

По данным военного командования РККА, жертвами каркаралинской трагедии стали 83 советских служащих ³². С повстанцами ушли 5 коммунистов — Н. Цеслинская, В. Хаумов, А. Калганов, Дьяконова, Быков ³³.

Как вспоминал один из современников погрома, «вся подлость человеческая в эти дни показала свое лицо. Сводили все мелочные счета, вспомнили взаимные обиды» ³⁴. В организации арестов комиссии активно оказывали помощь жители города, позже бежавшие от возмездия с «народной армией» в Китай и Монголию.

Подобных фактов кровавых расправ зафиксировано множество. В подобных исторических воплощениях, возможно, ощущалось нечто «вроде упоения на краю мрачной бездны».

По сведениям организатора Советской власти в Ишиме, краеведа Т.Д. Корушина, только Ишимская парторганизация РКП (б) потеряла во время восстания около 500 человек, которые были зверски замучены, убиты повстанцами, либо без вести пропали ³⁵. Член Челябинского губисполкома Д. Солдаткин, описывая состояние Курганского уезда после подавления крестьянского восстания, сообщал 15 октября 1921 г. о том, что «положение слишком серьезное: в глубоком тылу неизвестно кем вырезаются коммунисты и совработники и рядом вырезаются буржуазные семьи; население терроризовано до последней степени и оцепенело от ужаса. Кровавый кошмар давит беспощадно, и выхода из этого дикого положения не предвидится» ³⁶.

Мировосприятие, порожденное Гражданской войной, еще длительное время обуславливало поведение многих людей, порождая проявления насилий, преступных акций, в том числе и «красного бандитизма». А.И. Куприн, написавший в 1926 г. небольшую заметку о книге А. Гутмана, выразил чувство горького разочарования образованных слоев эмиграции в методах осуществления революционных преобразований в России: «Страшная и правдивая книга эта написана А.Я. Гутманом (Анатолий Ган). Я прочитал ее с волнением и ужасом и вот до сих пор нахожусь в недоумении: почему она сразу не обратила на себя самого пристально, самого страстного, самого негодующего внимания русского общества...

Так это вот и есть завоевания революции? Это и есть священный гнев народа? И наконец, разве такие же бредовые картины не могут повториться с буквальной точностью при новом грозном ветре?» ³⁷

Примечания

1. ФРОММ Э. Анатомия человеческой деструктивности. М. 2015, с. 356.
2. ЖИГАЛИН Я. Партизанское движение в Западной Сибири. — Пролетарская революция. 1930, № 11(106), с. 106.
3. ТРЕТЬЯК И.Я. Партизанское движение в Горном Алтае в 1919 г. Новосибирск. 1933, с. 55.
4. А-ЗОВ М. Горные партизаны (Воспоминания). — Алтайская деревня (Барнаул). 1924, №1 (октябрь), с. 132.
5. Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.). Документы и материалы. Новосибирск. 1959, с. 563.
6. Партизанское движение в Сибири. Т. 1. Приенисейский край. М.-Л. 1925, с. 94.
7. Два месяца в плену у бандитов. — Сибирская жизнь. Издание сибирских областников. Томск. 30.X.1919.
8. ЛИН З. Красные ужасы. — Алтайский вестник. 5. IX.1919.
9. Там же. 7.IX.1919.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 147, оп. 10, д. 51, л. 34, 35об.; оп. 11, д. 43, л. 27, 31, 37об.
11. Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии. 1917—1922. Хрестоматия. Барнаул. 2001, с. 175.
12. ГАЛИН В.В. Интервенция и гражданская война. М. 2004, с. 218.
13. ШАНГИН М. «Террор против совести». Омск. 1994, с. 134.
14. Там же, с. 136, 139.
15. Там же, с. 142.
16. ТЕПЛЯКОВ А. «Непроницаемые недра»: ВЧК — ОГПУ в Сибири. 1918—1929 гг. М. 2007, с. 23.
17. ШАЛАЕВ. Церковная жизнь и революция. — Сибирский старообрядец. 15(28).III.1919, № 6, с. 2—3.
18. НАБЛЮДАТЕЛЬ. Манифестация. — Известия Каменского уездного революционного комитета (Камень-на-Оби). 7.I.1920.
19. Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 — май 1921 г.). Сб. документов. Новосибирск. 2015, с. 170.
20. Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии. 1917—1922, с. 284.
21. КУЗНЕЦОВ Н. «Этих дней не смолкнет слава...» — Губернские ведомости. Новокузнецк. 19.XII.2002.
22. ШИШКИН В.И. Сибирская Вандея: вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году. Новосибирск. 1997, с. 265—267.
23. Там же, с. 65.
24. Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 — май 1921 г.), с. 282.
25. Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.), с. 223—224; 284—285; 329—330; 347; 511; 514; 566; ТРЕТЬЯК И.Я. Ук. соч, с. 68—69.
26. КУПРИН А. Голос оттуда: 1919—1934. М. 1999, с. 382; ЕГО ЖЕ. Гибель Николаевска-на-Амуре. — Русское Время (Париж). 21.II. 1926.
27. ГУТМАН А.Я. (Анатолий Ган). Гибель Николаевска на Амуре. Страницы из истории войны на Дальнем Востоке. Берлин. 1924, с. 199.
28. Там же, с. 52.
29. Там же, с. 53.
30. Сибирская Вандея. 1920—1921. Т. 2. 2001, с. 643.
31. Там же, с. 643.
32. Там же, с. 481.
33. Архив президента Республики Казахстан (АП РК), ф. 140, оп. 1, д. 120, л. 2.
34. АЛФЁРОВ В. Пир стервятников. В кн.: Октябрь в Казахстане. Очерки и рассказы участников гражданской войны. Алма-Ата. 1930, с. 206.
35. КОРУШИН Т.Д. Дни революции и советского строительства в Ишимском округе (1917—1926 г.). Ишим. 1926, с. 36.
36. Сибирская Вандея. 1920—1921, т. 2, с. 585.
37. КУПРИН А. Голос оттуда..., с. 384.

Сдача крепости Порт-Артур 20 декабря 1904 г.

А.С. Божич

Аннотация. Работа посвящена роли генерала А.М. Стесселя в сдаче крепости Порт-Артур в декабре 1904 года. Автор прослеживает этапы «порт-артуровской эпопеи», дает оценку действиям Стесселя на каждом из этих этапов.

Ключевые слова: война, армия, крепость, Порт-Артур, Россия, Япония, генерал А.М. Стессель.

Abstract. The work is devoted to the role of General A.M. Stoessel in surrender of fortress Port-Arthur in December 1904. The author traces all stages of «epopee of Port-Arthur» and estimates all actions by General Stoessel on each stage.

Key words: war, army, fortress, Port-Arthur, Russia, Japan, General A.M. Stoessel.

Хотя с момента капитуляции Порт-Артура прошло уже более 100 лет, событие это продолжает волновать умы людей, в той или иной степени интересующихся российской историей. К 100-летию со дня начала русско-японской войны появились публикации с самыми разными оценками этого события, что говорит о том, что у исторического сообщества до сих пор нет четкого и объективного ответа на вопрос о причинах произошедшей тогда трагедии. Более того, на страницах некоторых изданий делаются попытки, если не реабилитировать, то, по крайней мере, хотя бы частично оправдать действия генерала А.М. Стесселя ссылкой на то, что он не единственный несет ответственность за позор капитуляции. В частности, подобные взгляды прослеживаются в книге В.И. Богданова и Ю.А. Мазанова «Оборона Порт-Артура. Записка лейтенанта Лепко генералу Стесселю». (СПб. 2014). Не возражая в принципе против обвинений в адрес руководителей флота, содержащихся в данной книге, хочется все же дать более развернутую характеристику действиям генерала Стесселя и его ближайшего окружения на протяжении всего 1904 года.

Генерал Стессель занимал пост коменданта Порт-Артура с 12 августа 1903 г. по 30 января 1904 г., став затем начальником Артур-Цзиньчжоуского укрепленного района (более известного как Квантунский укрепленный район). Это достаточное время для того, чтобы ознакомиться с особенностями и слабыми

Божич Анатолий Станиславович — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана. E-mail: logvin-10@mail.ru.

Bozhich Anatoly S. — PhD in History, associate professor of the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman. E-mail: logvin-10@mail.ru.

местами в системе обороны и сделать для себя кое-какие выводы. Конфликт с Японией в этот период принимал все более явственные формы, поэтому вполне естественным было устранение уже имеющихся недостатков и создание новых укрепленных линий хотя бы из предположений о возможности военного конфликта. Источники свидетельствуют, что ничего подобного сделано не было.

Стессель не имел высшего специального образования, окончив только Павловское военное училище и имея подготовку на уровне полкового пехотного командира. Его стремительный карьерный рост был связан с участием в подавлении так называемого Боксерского восстания в 1901 г. и взятием г. Тяньцзинь. С другими родами оружия (артиллерией и кавалерией) и их взаимодействием в боевых условиях он абсолютно не был знаком, его познания в тактике и стратегии были, по свидетельству хорошо знавших его людей, крайне скудны. Назначение такого человека на пост начальника укрепленного района было непродуманным шагом и состоялось, по мнению сослуживцев генерала, только благодаря высокому покровительству генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина, бывшего военного министра, с 7 февраля 1904 г. занявшего пост командующего Маньчжурской армией. При этом надо отметить, что генерал Куропаткин находился в очень непростых отношениях с заместителем Его Императорского Величества на Дальнем Востоке (впоследствии — командующим вооруженными силами, действовавшими против Японии) адмиралом Е.И. Алексеевым, что привело к серьезным разногласиям между ними и, как следствие, к несогласованным действиям уже в военный период.

Знакомясь с ситуацией в Маньчжурии и непосредственно на Квантунском полуострове накануне русско-японской войны, нельзя не поразиться тому благодушию и состоянию умиротворенности, в котором пребывали высшие должностные лица русской администрации и вооруженных сил. П. Ларенко в своей книге «Страдные дни Порт-Артура» свидетельствует о том, что буквально накануне войны он лично наблюдал эшелоны с русскими частями, покидавшими Маньчжурию. Он же приводит данные о том, что многие русские инженеры, занимавшиеся строительством железнодорожных и фортификационных сооружений во Владивостоке и Порт-Артуре, в погоне за дешевизной нанимали японских фотографов. И это в то время, когда существовал правительственный циркуляр, запрещающий фотографировать подобные сооружения. В качестве рабочих в Порт-Артуре использовали в основном китайцев, как более дешевую рабочую силу. Ларенко свидетельствовал: «Когда из Уссурийского края прибыли сюда русские переселенцы, нуждавшиеся в заработках, и предложили свои услуги в качестве рабочих в порту и мастерских, то им отказали по той простой причине, что китайцы-де работают много дешевле...»¹ Между тем, сразу же после начала боевых действий основная часть китайского населения покинула город, так как японцы пригрозили им смертью за помощь русским.

Более того, уже впоследствии выяснилось, что большинство японских парикмахеров и торговцев в Порт-Артуре являлись офицерами японского Генерального штаба. Они уехали из Порт-Артура незадолго до начала боевых действий. Ассенизационным обозом в Порт-Артуре заведовал тоже японец Казаками, который накануне объявления войны скрылся, а рабочие-китайцы разбежались². Это создало вполне понятные серьезные проблемы для жизни населения.

В вышедшем в Нью-Йорке в 1955 г. сборнике «Порт-Артур: воспоминания участников» были опубликованы записки морского врача Я.И. Кефели, который, ссылаясь на полученные им лично сведения от старшего лейтенанта Р.П. Зотова, сообщал о попытке некоего англичанина предупредить русских о том, что японцы вступят в войну с Россией без объявления таковой, и эта война начнется с минной атаки на русскую эскадру. Данные сведения были сообщены командиру крейсера «Забияка» капитану 2-го ранга А.В. Лебедеву во время стоянки крейсера в китайском порту Чифу в конце декабря 1903 года. Не позднее чем через десять дней после этого Лебедев доложил полученные им

сведения наместнику Его Императорского Величества адмиралу Алексееву, но нарвался на публичный разнос и приказ «не разводить панику»³. Благодушные высших должностных лиц не знало границ, что создавало идеальные условия для японского шпионажа и, выражаясь современными терминами, подрывной работы.

Сама крепость не соответствовала своему назначению, так как вся ее территория (включая центр) простреливалась вражеской артиллерией. О ее крайне неудачной планировке свидетельствовали как сами участники обороны, так и военные специалисты, анализировавшие порт-артуровскую эпопею *post factum*. Первоначальный план строительства, составленный профессором Величко, не был принят в свое время межведомственной комиссией из-за его дороговизны. Генерал-лейтенант Смирнов, назначенный комендантом Порт-Артура в марте 1904 г., сразу же после прибытия осмотрел крепость и сделал такой вывод: «Это не только не твердыня, но даже не укрепленный лагерь; это просто помойная яма»⁴. Кроме того, при строительстве фортификаций крепости главное внимание было обращено на защиту с моря. Угроза со стороны суши при строительстве укреплений и батарей полностью игнорировалась. Однако и береговые батареи насчитывали не более 25 дальнобойных орудий Кане, остальные орудия имели дальность стрельбы не более 15 верст, но стрелять по бронированным судам противника на предельной дистанции было равносильно напрасной трате снарядов. Поэтому береговые батареи молчали, когда с японских судов, стоявших на расстоянии примерно 10—15 верст от берега, велся прицельный артиллерийский огонь по городу и порту. Генерал Стессель за все время пребывания в Порт-Артуре в качестве коменданта, а затем начальника укрепрайона не сделал ничего, чтобы поправить это положение. Впоследствии в своей знаменитой «Отповеди» он оправдывался тем, что инженерные службы не были ему подчинены⁵. Однако не было и никаких попыток апеллировать к вышестоящему начальству.

К этому следует добавить крайне двусмысленную ситуацию, возникшую в марте 1904 г. с назначением генерала Стесселя начальником Квантунского укрепрайона без разграничения его полномочий и полномочий вновь назначенного коменданта крепости генерал-лейтенанта К.Н. Смирнова. Вследствие этого наместником Его Императорского Величества адмиралом Алексеевым был издан приказ № 339 от 14 апреля 1904 г., определявший пределы полномочий и ответственности коменданта крепости. Согласно этому приказу, вся полнота власти в пределах крепости принадлежала именно коменданту. Однако после отъезда наместника из Порт-Артура в конце апреля 1904 г. генерал Стессель стал рассматривать коменданта крепости как своего подчиненного, находя возможным вмешиваться в управление крепостью. Это привело к крайне сложным и натянутым отношениям между начальником укрепрайона генерал-лейтенантом Стесселем, комендантом крепости генерал-лейтенантом Смирновым и гражданским комиссаром Квантунской области подполковником Вершининым⁶. К этому следует добавить и крайне непростые взаимоотношения между генералом Стесселем и командующим Тихоокеанской эскадрой, стоявшей в Порт-Артуре, контр-адмиралом В.К. Витгефтом. В результате сложилась просто нетерпимая ситуация — все центры власти в крепости находились в конфликтных отношениях друг с другом. Эти отношения обострились во многом в силу мелочно-самолюбивого и мстительного характера Стесселя, о чем пишет в своих воспоминаниях «Осада и сдача крепости П.-Артур» генерал-майор М.И. Костенко.

Следует добавить, что под стать самому Стесселю было и его ближайшее окружение, в котором выделялась фигура генерала Фока — плохо говорившего по-русски немца. Вот что пишет о нем Костенко: «Этот генерал чрезвычайно ревниво относился к славе других высшего ранга русских офицеров, стараясь подорвать в глазах высшего начальства доверие к ним, их авторитет и значение. Средством для этого служили главным образом подаваемые им высшему начальнику (ген. Стесселю) «записки» или «заметки», названные впоследствии «подпольной литературой». Эти записки перепечатывались им в нескольких экзмп-

лярах на пишущей машине и распространялись в гарнизоне. Содержание их большей частью исчерпывалось инсинуациями по адресу главных деятелей обороны — генералов Кондратенко, Белого, Горбатовского, полк. Григоренко, которые изображались неумелыми и бездарными в смысле обороны крепости»⁷.

Впоследствии, в 1906 г., эти «заметки» стали одним из пунктов обвинительного акта Верховного военно-уголовного суда по делу о сдаче Порт-Артура, в котором прямо было указано на превышение полномочий и недопустимое для чести русского офицера поведение генерала Фока.

В то же время, по оценке участников описываемых событий, сам генерал Фок уже во время первого и во многом решающего сражения при Кинчжоу (Цзинь-жоу) проявил свою вопиющую бездарность, нераспорядительность и трусость. Собственно говоря, все действия генерал-лейтенанта Фока после высадки японцев у Бицзыво 22 апреля сводились к пассивной обороне. Многие участники событий указывали на то, что вовремя не был введен в дело резерв, после чего ситуация резко ухудшилась. Уже 4 мая по приказанию Фока русские части отошли за кинчжоускую позицию, на которой остался только 5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк под командованием полковника Третьякова.

Генерал Костенко в своих мемуарах отмечал, что при участии флота эта позиция была «положительно неприступной и могла быть защищаема даже одним полком против армии в 40—50 тысяч»⁸, однако почти никакой поддержки от флота участники обороны этого участка не получили. Без прикрытия эта позиция была крайне уязвимой, так как обстреливалась вражескими судами не только с флангов, но и с тыла. Более того, эта важнейшая со всех точек зрения позиция не была укреплена, не имела блиндажей и укрытий, представляя собою целую кучу батарей без всякого прикрытия. Генерал Фок не имел никакого детального плана защиты Кинчжоуской позиции, а потому его действия были лишь реакцией на все время меняющуюся ситуацию. Следствием его абсолютно не продуманных приказов стали несколько тысяч погибших солдат и офицеров. Кроме того, после оставления позиций близ Кинчжоу генерал Фок вместо чрезвычайно удобной для обороны Нангалинской позиции, прикрывавшей г. Дальний и южную часть Квантунского полуострова, выбрал позицию в горах Юпилазы-Куинсан — в самом широком месте полуострова, на удержание которой не было людских ресурсов⁹.

Что касается генерал-лейтенанта Стесселя, то он вообще не считал нужным даже появиться в районе боевых действий, предпочитая руководить обороной из Порт-Артура. Однако в своих донесениях генералу Куропаткину он создавал иллюзию своего личного участия в боевых действиях, на что было обращено внимание впоследствии во время судебного процесса в 1906 году¹⁰.

Собственно говоря, именно с проигранного сражения при Кинчжоу можно вести отсчет трагедии Порт-Артура, ибо с потерей этой позиции у русских войск не было возможности удерживать под своим контролем Квантунский полуостров, и Порт-Артур был обречен на затяжную блокаду. Это понимали все участники обороны Порт-Артура, понимал это и сам генерал Стессель.

В конце мая 1904 г. по поручению генерала Смирнова подполковник Гурко и капитан Одинцов направили командующему Маньчжурской армии генералу Куропаткину свои доклады, в которых предельно четко охарактеризовали поведение генерала Стесселя в период Кинчжоуского сражения. Эти доклады породили у командующего сомнения в соответствии Стесселя занимаемой им должности. Поэтому генерал Куропаткин, с согласия заместителя, отправил телеграмму от 5 июня 1904 г., в которой Стесселю было предложено сдать командование генерал-лейтенанту Смирнову, а самому прибыть в Маньчжурскую армию. Это предложение было продублировано телеграммой от 17 июня и письмом от 19 июня, из чего можно сделать вывод, что Стессель просто проигнорировал первую телеграмму. 21 июня он отправил генералу Куропаткину письмо, в котором не только ходатайствовал об оставлении в прежней должно-

сти, но и выставлял себя едва ли не человеком, на котором держится вся оборона Порт-Артура.

Возникает вполне законный вопрос: почему в столь сложной ситуации генерал Стессель, отнюдь не проявлявший энтузиазма в деле защиты Порт-Артура, а затем преспокойно сдавший крепость японцам, не воспользовался удобным случаем, чтобы эту крепость покинуть? Ответ, на наш взгляд, более лежит в области личностной психологии. Генерал был самым невероятным образом уверен, что Маньчжурская армия рано или поздно сделает все возможное для снятия блокады. В его знаменитом приказе № 157 от 23 апреля 1904 г. можно прочесть следующие строки: «Артур есть оплот России на Дальнем Востоке. Вы отстоите его до подхода войск, которые придут вам на выручку»¹¹. Судя по всему, именно эта уверенность и заставила его остаться в осажденном Порт-Артуре в надежде на будущие лавры «спасителя русской твердыни».

Однако Маньчжурская армия, по мнению Стесселя, свой долг перед осажденной крепостью так и не исполнила. Генерал не скрывал своей обиды в «Отповеди»: «Крепость держалась, пока собиралась армия, — гарнизон ждал выручки, но выручка пятилась и пятилась назад на полях Ляояна и Мукдена, флот стал зимовать в Мадагаскаре»¹².

Ради объективности следует заметить, что флотское начальство Порт-Артура в лице адмиралов Витгефта, Григоровича, Лощинского, не проявляло ни малейшей инициативы в деле помощи осажденной крепости, а отдельные эпизоды удачного взаимодействия армии и флота были проявлением личной инициативы отдельных командиров, либо следствием безвыходной ситуации. Адмирал В.К. Витгефт погиб 28 июля 1904 г. во время попытки прорыва русской эскадры в Желтом море у мыса Шантунг, находясь на мостике броненосца «Цесаревич». Но эта смерть стала аргументом для оправдания бездеятельности эскадры в дальнейшем. Флотское начальство охотно снимало орудия с кораблей и передавало их сухопутным батареям, но о выходе в море и речи быть не могло. Впоследствии адмиралы станут главными свидетелями обвинения (наряду с генералом Смирновым) на процессе по делу о сдаче Порт-Артура. Но их личное поведение было далеко от поведения, предписанного долгом чести офицера.

Уже в 1906 г., готовясь к выступлению в суде, генерал Стессель составил от руки записку о поведении флотских начальников во время сдачи Порт-Артура: «Затопление судов 1-й эскадры на рейде Порт-Артура не есть ли та же сдача? Ведь суда были затоплены на таком мелком месте, что даже их верхние палубы не были покрыты водой и японцы подняли их без всякого труда, причем некоторые из этих судов пошли в Японию даже под своими же машинами. Почему, спрашивается, все эти суда не были выведены на наружный рейд и не утоплены там, на большой глубине, как это сделал Эссен с «Севастополем», и подвиг сей объявлен в приказе по Квантунскому Укрепленному району Стесселем. На это возможность была полная. Японцами суда отряда Небогатова причислены к судам 3-го ранга, старого образца, береговой обороны, а суда Порт-Артурской эскадры к линейным судам 1-го ранга. Небогатова и его командиров судили, а о судах Порт-Артурской эскадры не приказано даже поднимать и вопроса»¹³.

Если вынести за скобки чувство личной обиды, присутствующее во всех составленных Стесселем документах, то можно констатировать, что генерал Стессель упорно стоит на своем — он не единственный, кто несет ответственность за сдачу Порт-Артура. И в данном случае с ним нельзя не согласиться. Но главный наш посыл заключается в следующем: именно генерал Стессель и его ближайшее окружение (генерал Фок и полковник Рейс) в течение нескольких месяцев, начиная с августа 1904 г., последовательно и целенаправленно создавали ситуацию, в которой сдача Порт-Артура японцам выглядела бы вынужденной необходимостью.

Первое предложение о капитуляции было сделано японцами именно в августе, причем речь шла о «почетной капитуляции» — гарнизону разрешалось

покинуть крепость с оружием. Предложение, разумеется, было отклонено, но, думается, оно подсказало генералу Стесселю удобный вариант для разрешения всех проблем в случае, если ситуация станет критической.

Затем последовало поражение Маньчжурской армии под Ляояном в августе и неудачная попытка контрнаступления на реке Шахэ в сентябре. Необходимым основанием для упорной обороны крепости была уверенность в подходе основных сил Маньчжурской армии и снятии осады. Теперь эта надежда угасла. Было еще одно основание — защита Тихоокеанской эскадры, стоявшей в бассейнах Порт-Артурской гавани. Но в середине сентября японцы подтянули к крепости 11-дюймовые гаубицы, стрелявшие снарядами весом 221 и 250 кг (так называемые «чемоданы») на расстояние от 9,6 до 12,4 км. Огонь этих гаубиц был губителен не только для фортов крепости, он достигал и район гавани, хотя сами бассейны пока находились вне зоны досягаемости. Кстати, именно при разрыве такого «чемодана» в форте № 2 2 декабря 1904 г. погиб начальник обороны сухопутного фронта генерал-лейтенант Р.И. Кондратенко. Тогда же, в середине сентября, японцами была предпринята первая и едва не увенчавшаяся успехом попытка овладеть Высокой горой (высота 203). Это было ключевое звено всей системы обороны Порт-Артура, и, осознав это, японцы сосредоточили все свои усилия именно на этом участке. В середине ноября японская пехота в течение девяти дней непрерывно штурмовала высоту 203. 23 ноября Высокая гора была оставлена русскими частями. С нее полностью просматривались и простреливались город и бухта, где находилась Тихоокеанская эскадра, участь которой была решена.

Таким образом, целесообразность защиты крепости легко могла быть поставлена под сомнение. Оставался лишь вопрос чести. Генерал Стессель прилагал все усилия, чтобы заставить флотских начальников вывести эскадру в море для очередной попытки прорыва, но наткнулся на упорное сопротивление. Можно предположить, что им двигали отнюдь не благородные мотивы — в случае прорыва эскадры с него снималась ответственность за ее сохранность, а потому сдача Порт-Артура выглядела бы менее болезненной. Но общее собрание флотских флагманов и командиров кораблей, состоявшееся еще 6 августа, приняло решение отказаться окончательно не только от попытки прорыва во Владивосток, но и от каких бы то ни было выходов в море с боевыми целями. Характерно, что это решение не было доведено до сведения Стесселя, продолжавшего настаивать на выходе судов в море. Как пишет в своей книге «Порт-Артур. Осада и капитуляция» Эллис Бартелетт, «трудно подыскать в морской истории более печальный пример: пять броненосцев и два крейсера, стоявшие в гавани на якоре, могли, но не имели духа выйти в море, чтобы встретить там врага, и предпочли быть расстреливаемыми осадной артиллерией, продолжая стоять на якоре»¹⁴. Стоит уточнить: не имело духа командование эскадры, а не экипажи судов.

Следует особо указать на то обстоятельство, что ближайшее окружение генерала Стесселя было настроено весьма пессимистично в отношении возможностей дальнейшей обороны и всячески старалось направить ход мыслей своего начальника в нужное русло. Ключевую роль здесь играл генерал Фок. П.Н. Ларенко не без основания считает, что первым шагом в этом направлении была записка Фока, составленная 21 октября 1904 г. и переданная генералу Стесселю. В этой записке проводилась идея о постепенной сдаче крепости («укрепление за укреплением»). Фок сравнивал осажденную крепость с организмом, пораженным гангреней. «Как организм, рано или поздно, должен погибнуть, так равно и крепость должна пасть», — безапелляционно писал Фок¹⁵. Подобная постановка вопроса должна была заставить Стесселя задуматься о профессиональной ущербности своего генерала. Но он, вопреки здравому смыслу, ставит Фока на место погибшего Кондратенко — начальником сухопутного фронта обороны. Это прямое свидетельство того, что доводы указанной записки нашли у Стесселя полное понимание.

Можно привести и другие факты, свидетельствующие о том, что с ноября месяца генерал Стессель и его окружение действовали, исходя не из логики обороны до конца, а из логики создания ситуации, рационально оправдывавшей сдачу крепости противнику. В начале ноября комендант крепости генерал Смирнов получил от Стесселя предписание, запрещающее производить укрепление 2-й и 3-й линий обороны. Вместо этого Смирнову предлагалось сосредоточиться на укреплении 1-й линии обороны.

2 декабря 1904 г. погиб генерал И.Р. Кондратенко. Судя по сохранившимся свидетельствам, он был вполне лоялен по отношению к Стесселю, понимал всю трагичность положения, но вряд ли допускал мысль о добровольной сдаче крепости. Характерно, что уже 3 декабря по Порт-Артуру разнеслась весть о том, что Стессель заказал ящики для упаковки своих вещей. Об этом сообщает в своих записках генерал Костенко¹⁶. Многие восприняли это как первый признак подготовки к сдаче крепости.

Уже 5 декабря, всего лишь через 3 дня после гибели генерала Кондратенко, по приказанию генерала Фока и с согласия Стесселя русские войска покинули форт II. Обстоятельства этого события подробно описаны в мемуарах генерала Костенко: «В 11 ч. утра на бруствере форта японцы произвели три взрыва, причем одним из них была образована воронка... Вечером, с заходом солнца, около воронки появился японский флаг, и японцы начали укладывать мешки, а в 11 ч. вечера форт был уже сдан и казематы взорваны. Форт сдал новый комендант его шт.-кап. Кватц по распоряжению нач. участка подполк. Глаголева, получившего на это приказание ген. Фока, не выждав даже прибытия на место нач. отдела обороны ген. Горбатовского. Все орудия и даже пулеметы были оставлены на форту. На вопрос Коменданта (генерал-лейтенанта Смирнова. — А.Б.) ген. Фоку, на каком основании сдан форт и кто разрешил это сделать, Фок ответил, что на это он получил приказание ген. Стесселя; когда же ген. Смирнов заметил ему, что пока еще Царским велением Комендантом крепости состоит он, которому подчинен и он, ген. Фок, и что он не должен был этого делать без разрешения Коменданта, то Фок ответил, что он искал квартиру его, ген. Смирнова, по соседству с новой квартирой ген. Стесселя, но там не мог найти, почему своевременно и не доложил. Впоследствии, приказом от 14 декабря за № 961, ген. Стессель, изменив редакцию донесений Глаголева и Кватца о сдаче форта, обратил все это дело в подвиг»¹⁷. Все вышеописанное не оставляет никаких сомнений в том, что сдача форта была преднамеренным актом и никаких попыток его отстоять даже не предпринималось.

В ночь на 16 декабря, после продолжительного японского артобстрела, русские войска вынуждены были оставить форт III. Вслед за этим, вечером 16 декабря, генерал Стессель собрал Совет, на котором предложил каждому совершенно откровенно высказать свое мнение о положении крепости. При этом он объявил, что в конце заседания ознакомит членов Совета с запиской, которую держал в руках. Только три человека — подполковники Гандурин, Дмитриевский и полковник Рейс — высказались за сдачу крепости, мотивируя это предотвращением возможной резни. Характерно, что генерал Фок уклонился от ответа. Все остальные члены Совета высказались за дальнейшую защиту крепости. Генерал Смирнов в своей речи заявил, что крепость может еще продержаться не менее трех недель. Стессель слабо ему возразил, затем спрятал в карман записку, которую обещал прочесть в конце заседания. Заседание было закрыто. Впоследствии выяснилось, что еще до созыва Совета Стессель послал императору телеграмму, в которой, в частности, было сказано: «Продержимся только несколько дней; приму меры против резни на улицах»¹⁸. Таким образом, очевидно, что Стессель принял решение сдать крепость еще до созыва Совета. Возможно, он хотел ознакомить его членов с содержанием телеграммы, но, увидев, что большинство его не поддержит, переменил решение.

Последовавшие за эти события — взрыв укрепления № 3 (18 декабря 1904 г.), взятие японцами Китайской стенки и, наконец, падение после шести штурмов Большого Орлиного Гнезда (важнейшей стратегической позиции) 19 декабря в 3 часа 40 минут пополудни сделало дальнейшую оборону действительно бессмысленной. Генерал Стессель получил достаточные основания для начала переговоров о сдаче. Но обращает на себя внимание та скорость, с которой он ухватился за эту возможность. Уже через час после потери Большого Орлиного Гнезда к японцам с письмом, адресованным генералу Ноги, был отправлен парламентар — прапорщик Малченко. Учитывая, что для составления текста письма и его перевода на английский язык (японского никто не знал), требовалось определенное время, можно сделать вывод, что письмо было заготовлено заранее. А это еще раз подтверждает тот факт, что генерал Стессель был настроен не на оборону, а на сдачу крепости при первом же удобном случае. О посылке парламентаря не были извещены ни комендант крепости, ни другие военачальники. Узнав об этом на следующий день, генерал Смирнов послал телеграмму на имя Главнокомандующего: «Генерал-адъютант Стессель вступил в переговоры о сдаче крепости без предупреждения и вопреки моему и большинства начальников заключению. 20 ноября. № 1300»¹⁹.

Впоследствии, уже в ходе заседаний Верховного военно-уголовного суда генерал Смирнов заявил, что Стессель всех обманул. Предпринимать какие-либо действия в отношении самого Стесселя — арестовать его самого и его ближайшее окружение — Смирнов не мог в условиях непрерывных атак японской стороны и отсутствия времени. Кроме того, в русских частях могло возникнуть непонимание такого рода шагов. Тем не менее, генерал Смирнов был в ходе заседаний суда обвинен в том, что «заподозрив после сдачи 5 декабря 1904 г. японцам форта II о существовании между генералами Стесселем и Фоком соглашения привести крепость в такое состояние, в котором можно было бы оправдать ее сдачу, он вопреки лежавшей на нем в силу статьи 57 Положения об управлении крепостями (приказ по военному ведомству 1901 г. № 358) обязанности, не устранил тотчас же генерал-лейтенанта Фока от командования и вообще не принял энергичных мер к воспрепятствованию им в исполнении их плана...»²⁰

Это обвинение находится за рамками здравого смысла, так как в случае подобных действий со стороны генерала Смирнова в той конкретной ситуации он легко мог быть обвинен в бунте и отдан под арест. В этом случае сдача крепости, которая в ближайшей перспективе была неизбежной (что понимали все участники обороны и о чем не говорилось на суде), была бы списана на безответственные действия генерала Смирнова.

В качестве аргументов в пользу того, что оборона крепости была возможна и после 20 декабря, в материалах суда приводятся данные о количестве снарядов, патронов и продовольствия, которых должно было хватить на полтора — два месяца. Но после взятия Большого Орлиного Гнезда, по мнению большинства активных участников обороны, Порт-Артур мог продержаться не более нескольких дней. И именно осознание этого факта помешало военачальникам воспрепятствовать генералам Стесселю и Фоку в их действиях.

Вообще следует обратить внимание на то, что высшее армейское руководство, а возможно и сам император, были более озабочены формальными моментами, менее всего обращая внимание на трагизм той ситуации, в которой оказались защитники Порт-Артура. Следствие по делу генерала Стесселя началось с большим опозданием. Сам генерал в одной из записок, составленных уже в 1906 г., пишет: «Начиная с марта и до половины августа (1905 г. — А.Б.) меня не вызывали и не спрашивали, затем я сильно был болен до января и первый раз был спрошен 17 февраля уже 1906 года, когда клевета Смирнова пустила прочные ростки и когда ген. Рооп, имея в руках

донос Смирнова, принял его как за обвинительный против меня акт»²¹. Далее в своей записке Стессель сообщал, что 14 сентября он приехал из Москвы в С.-Петербург, и как только вошел в дом, зазвонил телефон. Его спросили, может ли он в 11 часов принять генерал-адъютанта кн. Долгорукова. В четверть двенадцатого Долгоруков приехал, и сразу же стал советовать Стесселю подать в отставку, так как «...так поступил и Рождественский, и это было очень приятно государю»²². Далее Стессель пишет: «Я сказал, что согласен, он передал в походную канцелярию, что я прошу написать отставку по болезни. Затем он говорил, что так лучше, чтобы не быть на суде в форме генерал-адъютанта. Я сказал, что с этим согласен. Но через день, сначала американец, корреспондент, а затем и наши газеты начали трубить, что раз г. Стессель подал в отставку, то с его отставкой все и кончится, это меня ужасно взорвало, я написал письмо Долгорукову, прося доложить Государю, что я в отставку то подал только потому, что будет суд. Но из этого я уже заключил, что суда не хотят и думали на мне все оборвать»²³. Комментарии в этом случае излишни.

Резюмируя все вышесказанное, можно прийти только к одному выводу: главную роль в сдаче Порт-Артура сыграл именно генерал Стессель, но он вряд ли смог бы это сделать так легко, если бы вся система руководства войсками и Тихоокеанской эскадрой не была пронизана атмосферой взаимной нетерпимости, непрофессионализма и защиты корпоративных интересов. Кроме того, изрядный вред принесла традиция чиновничества и подавления любой инициативы снизу. Геройское поведение отдельных военачальников и всего гарнизона в целом вряд ли могло что-либо изменить в этой ситуации.

Примечания

1. ЛАРЕНКО П. Страдные дни Порт-Артура. СПб. 1906, с. 13—16.
2. Там же, с. 69—70.
3. Порт-Артур: воспоминания участников. Н.-Й. 1955, с. 37—41.
4. КОСТЕНКО М.И. Осада и сдача крепости П.-Артур. Киев. 1907, с. 75.
5. Русско-японская война: Взгляд побежденных. М. 2005, с. 739.
6. Там же, с. 645.
7. КОСТЕНКО М.И. Ук. соч., с. 99.
8. Там же, с. 149.
9. Там же, с. 99.
10. Русско-японская война: Взгляд побежденных, с. 659.
11. КОСТЕНКО М.И. Ук. соч., с. 71.
12. Русско-японская война: Взгляд побежденных, с. 743.
13. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), ф. 289, картон I, ед. хр. 10/4, л. 2об.
14. БАРТЕЛЕТТ Э. Порт-Артур: Осада и капитуляция. СПб. 1908, с. 381.
15. Русско-японская война: Взгляд побежденных, с. 370—371.
16. КОСТЕНКО М.И. Ук. соч., с. 305.
17. Там же, с. 305—306.
18. Русско-японская война: Взгляд побежденных, с. 686.
19. КОСТЕНКО М.И. Ук. соч., с. 310.
20. Русско-японская война: Взгляд побежденных, с. 736.
21. НИОР РГБ, ф. 289, картон I, ед. хр. 10/6, л. 2.
22. Там же.
23. Там же.

Причины и ход Кавказской войны в XIX в.

Сечжин Чжун

Аннотация. Важной причиной Кавказской войны следует признать политику поддержки горской феодальной знати царскими властями. Создавая себе социальную опору, правительство привлекало местных феодалов, охраняло их привилегии, защищало их интересы, оказывало им всяческую помощь, способствуя тем самым еще большему укреплению феодальных отношений. Главные причины последующих массовых выступлений, истоки Кавказской войны следует искать не во внешних факторах, а в колониальной политике и феодальной эксплуатации. Борьба горцев проходила под знаменем мюридизма, оформившегося в качестве идеологии освободительного движения, однако не мюридизм стал причиной войны.

Ключевые слова: Кавказская война, Северный Кавказ, имам Шамиль, Дагестан, Чечня, мюридизм.

Abstract. An important reason for the Caucasian war should be recognized as a policy support from highland feudal nobility by the tsarist authorities. By creating a social support, the tsarist government supported the local feudal lords, guarded their privileges, defending their interests, to provide every assistance, thus contributing to the further strengthening of feudal relations. The main reasons for the subsequent mass protests, the origins of the Caucasian war, not to be found in external factors, but in colonial politics and feudal exploitation in the North Caucasus. Highlanders struggle under the banner of muridism, took shape as an ideology of the liberation movement, but not muridism caused the war.

Key words: Caucasian War, North Caucasus, Imam Shamil, Dagestan, Chechnia, Muridism.

Борьба горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля против политики Российской империи является крупнейшим событием в истории народов Кавказа. Среди множества вопросов, возникающих в связи с этой темой, особое место занимает вопрос о причинах Кавказской войны. Существуют две основные концепции, в рамках которых принято рассматривать причины локализации военных действий царской армии в 20—50-х гг. XIX в. на территории Дагестана и Чечни. В 1937 г. Н.И. Покровский пришел к следующему выводу: «Русские дворянские историки причины, вызвавшие Кавказские войны, пытаются изобразить, как самооборону царизма от “диких” и воинственных гор-

Сечжин Чжун — профессор Университета Ханъянг. Республика Корея. E-mail: jsjstar2@hanmail.net.

Sejin Jung — professor at the University Khangyang. Republic Korea. E-mail: jsjstar2@hanmail.net.

ных “хищников”, которые своими набегами, якобы, терроризировали мирное население у подножья гор»¹.

Другой версией является концепция советских историков, выдвигающая в качестве главной причины Кавказской войны колониальную политику царизма и усиление феодального гнета². Эту теорию поддерживали Н.А. Смирнов³ и Х.О. Хашаев⁴. Кроме того, в исторической литературе до сих пор распространена версия, объясняющая зарождение Кавказской войны чуть ли не прямым следствием деяний трех имамов: Гази-Мухаммеда, Гамзат-Бека и Шамиля. По мнению В.Г. Гаджиева, авторы, которые придерживаются подобных взглядов, персонифицируют исторические явления, в то время, как для определения роли имамов, выяснения исторической сути личности самого Шамиля и определения истинного характера возглавляемого им движения, необходимо учитывать глубокое социально-политическое разделение местного общества⁵. «Нет надобности здесь разворачивать аргументацию того, что движение, о котором идет речь, не было следствием деяний трех имамов, а явилось логическим следствием социально-экономических условий, сложившихся в крае», — пишет он. Столь грандиозное по масштабам и продолжительности событие не может зависеть от одной личности⁶.

Р.М. Магомедов в своей работе рассмотрел разные политические причины, приведшие к Кавказской войне. Первая из них — внешняя политика Российской империи. Если до Гюлистанского мира в имперской политике преобладала тактика компромисса, то после него — жесткое администрирование.

Вторая причина — политика дагестанских феодальных верхов, преследовавших свои интересы, и третья — новая государственность и общественное самосознание. Стремление к свободе и независимости среди горцев не могло угаснуть от того, что они в своей борьбе терпели неудачи⁷. Все земли Северного Кавказа вошли в состав Российской империи к 1813 году. Вооруженное сопротивление горцев началось не раньше, чем стала чувствоваться тяжесть двойного гнета — местных феодалов и царской администрации.

По мнению Я. Гордина, Кавказская война отчетливо делится на три этапа. Первый — от Цицианова (1802 г.) до отставки Ермолова (1827 г.), затем следует смутный период с часто менявшимися командующими и бессистемными действиями — с 1829 г., после окончания Персидской и Турецкой войн, до 1845 г., когда был назначен наместником граф Михаил Семёнович Воронцов, и, наконец, с этого момента до окончания войны — еще 20 лет⁸.

На Кавказ был направлен герой Отечественной войны 1812 г. генерал А.П. Ермолов в должности главноуправляющего и командующего Кавказским корпусом. При вступлении в Париж в 1814 г. он командовал русской и прусской гвардиями, а после смерти Кутузова и Багратиона стал самым ярким и знаменитым военачальником Российской империи⁹. Личность генерала была во многом противоречива, что до сих пор дает повод различным, а нередко взаимо-исключающим оценкам¹⁰. Он был человеком с независимым нравом и острым языком, близким к декабристам и в то же время приверженцем «власти и порядка»¹¹. Исследователи, за некоторым исключением, представляют его как «грозу» горцев.

После приезда генерала на Кавказ обстановка сильно изменилась. Он приступил к решительным действиям, прибегая зачастую к насилию. Ермолов полагал необходимым создать военный кордон против Чечни на реке Сунжа и против Дагестана — путем переноса Кавказской линии в его равнинные и прибрежные районы, вытесняя население далеко в горы, с тем чтобы покончить с широко распространенной системой набегов. Одновременно Ермолов стремился расширить и укрепить связи с теми народами и властителями на Северном Кавказе, которые поддерживали Россию. Таким образом, он проводил своеобразную политику «кнута и пряника».

12 мая 1818 г. Ермолов отдал войскам приказ перейти Терек и оттеснить чеченцев от реки. Это вторжение стало началом Кавказской войны, обернувшейся беспримерной трагедией для народов Кавказа и России. 10 июня на реке Сунже близ Ханкальского ущелья, открывавшего дорогу вглубь Чечни, была заложена крепость Грозная¹². Фирменный «ермоловский» стиль ведения войны заключался в том, чтобы медленно и неуклонно двигаться вперед, методично оттесняя чеченцев в горы, осваивая кавказские земли и систематически наказывая горцев за каждое разбойное нападение. Он пытался переместить чеченские аулы из междуречья Терека и Сунжи в горы. Обосновывалось это тем, что даже мирные селения чеченцев представляли угрозу для казацких станц и русских укреплений на Кавказской оборонительной линии¹³.

При Ермолове русские впервые попытались организовать полный политический и военный контроль Российской империи над всей территорией Северного Кавказа. В 1822 г. были распущены действовавшие в Кабарде с 1806 г. шариатские суды. Вместо них в Нальчике учреждался временный суд по гражданским делам с участием и под полным контролем российских чиновников. Кабарда лишилась последних остатков независимости. Вслед за этим были присоединены к России балкарцы и карачаевцы, зависимые в прошлом от кабардинских князей. На Северо-Восточном Кавказе были завоеваны кумыкские земли в междуречье Сулака и Терека¹⁴. Ермолов, осознавший невозможность подавления сопротивления горцев с помощью одной или нескольких крупных операций, поставил перед собой более реальную задачу — усмирять Северный Кавказ шаг за шагом¹⁵.

Кавказская война начиналась с принуждения в отношении «вольных обществ». Как следствие, усилилась антирусская пропаганда. А. Руновский писал: «Мы способствовали угнетению горцев со стороны их владетелей... После покорности дагестанских племен мы не изменили существенно господствовавшую вредную систему управления. Установленные там порядки не только не прекратили тиранию владетелей, но представили им власть управлять народом на прежних основаниях, еще укрепили эту власть»¹⁶. Кроме того, практиковались необдуманные меры правительства, такие, как принуждение горцев работать на прокладке дорог, выставлять по требованию властей лошадей и подвод для перевозки различных грузов, нести почтовую службу и др.

Царские власти наложили на жителей ряда владений и союзов сельских общин Северного Кавказа обременительные налоги, что также вызывало недовольство горского крестьянства политикой царской администрации. Горцы были возмущены и тем, что при взимании налогов местные власти часто, как это признавала сама кавказская администрация, производили сбор «двойных податей». Положение жителей осложняло и то, что кавказское командование без особых причин, чаще всего за вину отдельных лиц, применяло блокаду целых районов, запрещало свободный проезд по торговым и другим экономическим, хозяйственным делам по равнинной части Дагестана, Закавказью, по всему Северному Кавказу. В случае нарушения этого запрета местным властям разрешалось задерживать прибывших горцев и отбирать привезенные ими товары. Чаще всего конфискованными оказывались изделия домашних промыслов, наплечные бурки, паласы, холодное оружие. Эти меры воздействия крайне отрицательно сказывались на хозяйстве жителей горного края. Феодалы, уверенные в том, что при необходимости (вооруженные выступления крестьян и другие экстренные случаи) они могут опереться на царские штыки, деспотически обращались с подвластным населением. Не стесненные «ни адатом, ни шариатом», они решали дела «как бог на душу положит», выносили варварские приговоры и тут же приводили в исполнение»¹⁷.

К середине 20-х гг. XIX в. в Чечне, аварских вольных обществах и ханствах Дагестана многие феодалы и старшины склонялись к подчинению царским властям в расчете на сохранение своих привилегий. Местному же населению это сулило двойной гнет¹⁸. Ермолов умел использовать в своих целях раздоры между отдельными племенами¹⁹. «Он перессорил племена между собой — одних привлек к себе узами благодарности, других связал страхом и вообще придерживался политики, выражающейся словами разделяй и властвуй. Горцам Ермолов внушал такой ужас, что на Кавказе ему дали прозвище черта»²⁰.

К 20-м гг. XIX в. Россия вела на Северном Кавказе активную завоевательную политику. Некоторые владения, жители и правители которых принимали активное участие в антиколониальных выступлениях, были ликвидированы. Вместо власти прежних правителей там был введен контроль русских приставов. Такое вмешательство в систему местных обществ не нравилось населению, и против могущества приставов не раз поднимались бунты²¹. Укрепление колониального владычества сопровождалось и усилением феодального притеснения, давления на крестьянство. Одной из мер воздействия было изъятие скота в самое неподходящее для дагестанцев время. Все это вызывало недовольство местных народов, выступавших против колониальной политики России.

В 1818—1821 гг. освободительное восстание возглавили представители высшей горской знати, возмущенные проникновением России на здешние территории и устанавливаемыми ею порядками. Восстание было подавлено. Народы Кавказа воспринимали экспансионистскую политику России и действия феодальных правителей как некое целое, полагая, что их политики действуют заодно с царским правительством.

Этим воспользовалось фанатичное мусульманское духовенство, существенную часть привилегий которого, уничтожал Ермолов²². Мюридизм требовал от своих последователей безусловного подчинения своим учителям и беспрекословного исполнения их воли.

В 1828 г. Гази-Мухаммед был провозглашен Магомедом Ярагским — первым имамом, политическим и духовным руководителем народов Дагестана и Чечни. Гази-Мухаммед вошел в историю своего народа как авторитетный государственный и политический деятель, на чью долю выпала историческая миссия обоснования и воплощения в жизнь идеологии и стратегии всенародного сопротивления колониальной политике. В сентябре 1830 г. он объявил русским джихад. Это событие привлекало новых сторонников к движению Гази-Мухаммеда. Но только к весне 1831 г. ему удалось собрать новый вооруженный отряд. 19 апреля у села Атлы-Боюн он нанес поражение отряду русских войск во главе с командующим русскими войсками в Дагестане, в результате чего приобрел определенный авторитет на всем Северном Кавказе²³. Приняв на себя роль предводителя народно-освободительного движения горцев, Гази-Мухаммед основал в Дагестане мощное объединенное государственное образование, возглавляемое им на правах первого имама Дагестана²⁴. Именно он стал духовным руководителем горцев на первом этапе Кавказской войны.

Импералистическая политика России оказалась той силой, которая спровоцировала активизацию деятельности представителей духовенства, готовых воевать во имя Аллаха. Призывы к борьбе мюридизма Магомеда Ярагского и Джамал-Эдина Казикумухского находили живой отклик среди горцев. Публично объявив России газават в 1830 г., Гази-Мухаммед повел активную борьбу против России. Понимая опасность его действий, русское правительство, по прямому указанию Николая I, приняло решение подавить это движение. И.Ф. Паскевич, преемник Ермолова, в 1830 г. обратился со специальной «Прокламацией к населению Дагестана и Кавказских гор». В ней он обвинил Гази-Му-

хаммеда в «возмущении спокойствия» и в ответ объявил ему войну. С этого момента Россия оказалась втянутой во внутренние раздоры народов Северного Кавказа. Началась затяжная Кавказская война.

На первом этапе в Дагестане эта борьба приняла «антифеодальную направленность», в то время как в Чечне на первое место выдвинулась борьба с царизмом. По мнению Н.И. Покровского, Паскевич рассматривал мюридизм как выступление против феодальной верхушки. Он писал военному министру, что Гази-Мухаммед «... видя, что духовенство магометанское с давнего времени утратило выгоды первенствовать в народных делах и решать несогласия между частными лицами... предпринял произвести переворот в пользу духовенства восстановлением шариата»²⁵. Поэтому для ликвидации движения царский главнокомандующий попытался опереться на феодальную аристократию²⁶. Характерная особенность этого периода — наблюдавшиеся тенденции к отмене привилегий социальной верхушки и борьба против политики царизма.

На втором этапе Шамилю удалось создать на Северном Кавказе прочное теократическое государство. Н.А. Добролюбов характеризовал этот период как «блистательная эпоха Шамиля», когда движение достигло своего апогея. Именно в этот период окончательно оформилась военно-теократическая монархия — имамат. Созданное государство и установленные в нем порядки были призваны кардинально реформировать горское общество, искоренить пороки и апатию, которые, по мнению Шамиля, в течение веков оказывали разлагающее воздействие на местное население²⁷. Строительство исламского государства, являвшегося сутью имамата, наталкивалось на определенное сопротивление. Население Чечни и Дагестана, вынужденное покориться новому правлению, воспринимало все случившееся как переворот, как революцию. Упразднение местных традиций, в частности, кровной мести, вызывало негодование в умах людей. Чеченцы, с их глубоко укоренившимися традициями равенства, противились необходимости подчиняться центральной власти и чужому для них лидеру²⁸.

На третьем этапе наблюдалось усиление наметившегося и прогрессирующего социального расслоения. Это был период падения имамата Шамиля (1850—1859 гг.). Наступил кризис. В первую очередь, он был связан с действиями русских войск, перекрывших выходы в Закавказье и укрепивших оборонительную линию. Когда русские войска стали окружать имамат постоянно сжимающимся кольцом блокады, экономическая база горского государства существенно оскудела. Шамиль потерял свою житницу — плоскостную Чечню, резко сократились источники военной добычи и увеличились потери среди мюридов²⁹. Верные Шамилю горцы действовали смело, нападали неожиданно и затем так же внезапно исчезли. Но русская армия мелденно, но неуклонно, шаг за шагом, продвигалась в горные районы. Несколько раз Шамиль терпел поражение, и казалось, что участь его решена, и война скоро закончится. Однако в последний момент ему удавалось ускользнуть, а через некоторое время в горных селениях Дагестана и Чечни он снова собирал под знаменем священной войны новые тысячи мусульман, готовых стать мучениками за веру³⁰.

В итоге усилившихся беззаконий наибов, истощения экономики длительной борьбой все более усиливались внутренние противоречия, которые подспудно зрели с самого начала движения и в итоге привели к внутреннему распаду имамата³¹. В эти годы больших военных успехов Шамилю добиться не удалось. Наибы превращались в типичных феодалов, кроме того, многие из них стали изменять Шамилю. Росло недовольство населения, участились случаи перехода на сторону русских. В результате Шамиль потерял поддержку населения и, покинутый всеми, с горсткой мюридов бежав на гору Гуниб, где 25 августа 1859 г. он был взят в плен.

Антифеодалные и антиколониальные мотивы борьбы переплетались с духовно-религиозными. Однако именно эти духовно-религиозные мотивы борьбы некоторые исследователи рассматривают как нечто провокационное, пытаясь найти в них доказательство реакционности и, следовательно, «незаконности» борьбы горцев³². Такую попытку можно квалифицировать как упрощенный подход. Роль ислама в истории народов Северного Кавказа, в формировании ценностей восточного типа культуры, особенностей идейных представлений нуждается в более серьезном изучении. Истина заключается в том, что в исторической обстановке религия могла стать объединяющей силой для разноязычных народов. В многолетней борьбе горцев принимали участие различные представители мусульманской общины Северного Кавказа. Вместе с широкими народными массами активное участие в нем принимала аульская верхушка, мусульманское духовенство и часть феодалов. И все же основную массу участников движения составляло крестьянство Дагестана и Чечни. Оно и определяло его освободительный характер.

В глазах горцев освободительная война служила защите их духовных ценностей. Логика исторических событий привела передовые слои горцев к объективному пониманию необходимости сплочения в борьбе, в стремлении стать на защиту самого существования идеала исламского общества. Учение тариката провозглашает мир и братство между людьми, призывает к веротерпимости — отсюда и изначальное неприятие его последователями газавата. В то же время тысячи мюридов, называвших себя последователями тариката, шли на войну под зелеными имамскими знаменами³³.

Примечания

1. ПОКРОВСКИЙ Н.И. Кавказские войны. Большая советская энциклопедия. Т. 30. М. 1937, с. 490—491.
2. РАМАЗАНОВ Х.Х. Колониальная политика царизма в Дагестане в первой половине XIX в. Махачкала. 1956, с. 3—40; СМIRНОВ Н.А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках. М. 1958.
3. СМIRНОВ Н.А. Реакционная сущность движения мюридизма на Кавказе в XIX в. М. 1952.
4. Обсуждение вопроса о характере движения горских народов Северного Кавказа в 20—50-х годах XIX века. — Вопросы истории. 1956, № 12, с. 88.
5. ГАДЖИЕВ В.Г. Социально-политические причины, движущие силы и характер движения горцев Северо-Восточного Кавказа в 1829—1859 гг. В кн.: Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20—50-х годах XIX в. Махачкала. 1994, с. 18—29.
6. Там же.
7. МАГОМЕДОВ Р.М. У истоков имамата. В кн.: Газимухаммед и начальный этап антифеодалной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни. Махачкала. 1997, с. 18—25.
8. ГОРДИН Я. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб. 2000, с. 97.
9. WHITTOCK T. Ermolov: Proconsul of the Caucasus. — The Russian Review. Vol. 18, No. 1 (Jan. 1959), p. 53—60.
10. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М. 2004, с. 475.
11. ВЯЗЕМСКИЙ П.А. Собр. соч. Т. 7. СПб. 1878—1896, с. 171.
12. КАЗИЕВ Ш. Имам Шамиль. М. 2001, с. 25.
13. ЛЯХОВСКИЙ А. Зачарованные свободой: тайны Кавказских войн. М. 2006, с. 51.
14. Северный Кавказ в составе Российской империй. М. 2007, с. 114—116.
15. ДЕГОЕВ В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М. 2003, с. 76.
16. Военный Вестник. 1859, № 42, с. 680.

17. ЭСАДЗЕ С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 2. Тифлис. 1907, с. 185.
18. Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн. 1. М. 1998, с. 51.
19. БУШУЕВ С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М. 1939, с. 68.
20. Там же, с. 68.
21. ГАМЗАТОВ Г.Ш. Политика русского царизма в Дагестане в 20-х годах XIX в. В кн.: Газимухаммед и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни. Махачкала. 1997, с. 66—70.
22. Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн. 1. Россия и Северный Кавказ в XVI—XIX веках. М. 1988, с. 51.
23. ЛЯХОВСКИЙ А. Ук. соч., с. 63.
24. ГАМЗАТОВ Г.Г. Честь, совесть и слава Дагестана. В кн.: Газимухаммед и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни, с. 8.
25. Рапорт И.Ф.Паскевича А.И.Чернышёву от 27.III.1830, No 174; Центральный военно-исторический архив (ЦВИА), д. 6241, л. 14.
26. ПОКРОВСКИЙ Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М. 2009, с. 280.
27. ДЕГОЕВ В.В. Власть как тайна и священнодействие: (Штрихи к портрету имама Шамиля). — Восток. 1999, № 5, с. 52.
28. ОСЛИ Э. Покорение Кавказа. Геополитическая эпопея и войны за влияние. М. 2008, с. 73—74.
29. ЛЯХОВСКИЙ А. Ук. соч., с. 85.
30. История Россия. Учебник. Т. 2. М. 2010, с. 78.
31. ГАДЖИЕВ В.Г. Социально-политические причины, движущие силы и характер движения горцев Северо-Восточного Кавказа в 1829—1859 гг., с. 26—27.
32. ШИГАБУДИНОВ М.Ш. Антифеодальный характер народно-освободительной борьбы горцев Дагестана и Чечни в 20—50-х гг. XIX в. В кн.: Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20—50-х годах XIX в., с. 89.
33. ОШАЕВ Х. Мюридизм в Чечне. — Революция и горец. 1930, № 9—10 (23—24), с. 48.

Contents

Articles: **I.V. Omeliyanchuk**. Monarchists in 1905—1917: from triumph to catastrophe. Historical profiles: **E.V. Sirotkina**. The Julius Andrassy. Historical publicistic: **F.L. Sinitsyn**. Political Situation at the Occupied Territory of the USSR during the First Period of the Great Patriotic War (June 1941 — November 1942). Contributions: **A.A. Ivanov**. Dueling misadventures F.I. Rodichev; **A.V. Mankov**, **E.K. Mineeva**. Russian revolutionary terrorism; **O.Yu. Buharenkova**, **V.G. Egorov**. Craft as a phenomenon of Russian urban life the second half of the XIX century; **A.S. Manoylenko**, **Yu.E. Manoylenko**. «The struggle for the nobility» of persons of Jewish confession in the Russian Empire in XIX — early XX century; **A.N. Andreev**, **Yu.S. Andreeva**. French Quarter of Vasilyevsky island in St. Petersburg in the XVIII century. Debatable issues: **S.S. Voytikov**. The announcement of mass red terror 2 Sep. 1918 — initiative of the masses or the individual act Ya.M. Sverdlov? People. Events. Facts: **L.N. Khakhovskaya**. Initial collectivization of reindeer breeding in Chukotka (1931—1933 years); **I.V. Kuryshev**. Destructive behavior of Siberian partisans and rebels in the Civil war; **A.S. Bozhich**. The surrender of the Fortress of Port Arthur on December 20, 1904; **Sejin Jung**. The causes and the course of the Caucasian war in the XIX century.

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, П.А. Искендеров, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.В. Шелохаев, В.Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 7, 2017

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Долгоруковская улица, дом 23А, строение 1, офис 211. Москва, 127006.

Телефоны: (499) 978-20-82, (499) 978-61-03. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.06.2017. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1100. Заказ 3932-2017. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»

Отпечатано АО «Красная Звезда».
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62
E-mail: kr_zvezda@mail.ru www.redstarph.ru

ИВИ
ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ